

Восточный архив

№ 2 (40), 2019

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте
Института востоковедения РАН

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.09.2019

Объем 14,5 п. л.

Тираж 80 экз.

Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12
Цена в розницу договорная

© Авторы, 2019

© Институт востоковедения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Курникова О.М. Значимая потеря Османской Порты и долгожданное приобретение России	4
Цвижба Л.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и участие в ней абхазов. Окончание	12
Загородникова Т.Н. Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого	16
Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 3	19
Беккин Р.И. Переписка Б.В. Никольского с лидерами партии «Сират аль-мустахим»	33
Кадырбаев А.Ш. «Армянский вопрос» в российско-османских отношениях накануне Первой мировой войны	45
Анайбан З.В. Протекторат России над Тувой (1914 г.). К истории вопроса	54
Кузьмин С.Л. Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире)	63
Шмидт В. Национал-социалистическая Германия и немецкие колонии Палестины: этапы взаимоотношений. 1933–1939 гг.	80
Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Кораев Т.К., Мейер М.С., Абидуллин А.М. Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: неопубликованные письма академику П.К. Коковцову (1901–1932 гг.)	88
Бухерт В.Г. К истории Харбинского научно-исследовательского института	100
Беляков В.В. Генерал Нагиб о низложении короля Фарука	107
Наши авторы	115

Oriental Archive

No. 2 (40), 2019

CONTENTS

Editor's notes	3
Kurnikova, Oxana. Serious Loss of Ottoman Porta and Long-looked-for Acquisition for Russia	4
Tsvizhba, Larissa. Russian-Turkish War in 1877–1878 and participation of Abkhaz in it. The End	9
Zagorodnikova, Tatiana. Department of Manuscripts of Leo Tolstoy State Museum	16
Noric, Boris. Diary of colonel Kossagovskiy. Part 3	29
Bekkin, Rinat. Correspondence of Boris Nikolsky and leaders of the party “Sirat al-Mustakim”	41
Kadyrbaev, Alexander. Armenian Question in Russian-Ottoman relations before World War I	49
Anayban, Zoya. Russian Patronage in Tuva in 1914. The history	54
Kuzmin, Sergey. Exile of Mongolian Rebels from Hailar in 1917 and the Situation in Barga (Hulunbuir)	63
Schmidt, Waldemar. Nationalist Social Germany and German Colonies in Palestine. 1933–1939	80
Valeev, Ramil; Valeeva, Poza; Vasilyuk, Oxana; Kirillina, Svetlana; Meyer, Mikhail; Koraev, Timur; Abidulin, Alim. Epistolary Heritage of Professor Krymskiy: Unpublished Letters to Academic Kokovtsov. 1901–1932	88
Bukhert, Vladimir. On history of Harbin Research Institute	100
Belyakov, Vladimir. General Naguib on Overthrow of King Faruk	107
Contributors	115

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

В нынешнем номере «Восточного архива», как и обычно, соседствуют разнообразные статьи – и по времени, и по тематике. Хотя все они построены на архивных материалах, некоторые статьи знакомят не с событиями, а с эпистолярным наследием выдающихся деятелей недавней эпохи. Такова статья Т.Н. Загородниковой о письмах с Востока великому русскому писателю Л.Н. Толстому или письма востоковеда А.Е. Крымского 1901–1932 годов академику П.К. Коковцову. Примечательно, что среди авторов последнего материала есть представитель Украины.

Большинство же статей посвящено конкретным событиям. О.М. Курникова рассказывает о приобретении Крыма Российской империей. Л.И. Цвижба публикует заключительную часть материала об участии абхазов в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Б.В. Норик представляет третью часть дневника полковника В.А. Косаговского, служившего в персидской армии в конце XIX века. А.Ш. Кадырбаев пишет о более позднем периоде, кануне Первой мировой войны. Он рассматривает «армянский вопрос» в отношениях России с Османской империей. Все эти статьи посвящены югу нашей страны или её южным соседям.

Другая группа статей относится к восточным границам России. З.В. Анайбан рассказывает об установлении российского протектората над Тувой в 1914 году. С.Л. Кузьмин анализирует ситуацию в Хайларе и в Барге (Хулунбуире) летом 1917 года. А В.Г. Бухерт приводит документы, рассказывающие о Харбинском научно-исследовательском институте. Он существовал в межвоенный период.

Два материала посвящены Ближнему Востоку. Вальдемар Шмидт пишет о взаимоотношениях жителей немецких колоний в Палестине с национал-социалистической Германией в 1933–1939 годах. А автор этих строк публикует рассказ египетского генерала Нагиба о низложении короля Фарука. Он был записан американском журналистом в августе 1952 года, всего через месяц после революции «Свободных офицеров».

В заключении упомяну ещё один материал, посвящённый дореволюционной России. Р.И. Беккин рассказывает об основателях татарской партии «Сират аль-мустахим» Ф.А. Байрашеве и М.-С. Баязитове и приводит их письма правоведа Б.В. Никольскому.

Нынешний номер «Восточного архива» опять получился значительно толще, чем обычно. Авторы, работающие с архивными документами, довольно многочисленны, и то, что их привлекает наш журнал, говорит о его репутации. Это приятно для тех, кто готовит материалы к печати или в течение двух десятилетий периодически публиковал их в «Восточном архиве».

В.В. Беляков

Крым за свою многовековую историю видел многие народы и принадлежал разным странам. Из-за его удачного географического положения и благоприятных климатических условий здесь с давних времён процветала торговля, так как порты в прибрежных городах, особенно в Кафе (Феодосия), были удобны для принятия, отправки и стоянки судов. Проходящие через Крымский полуостров международные торговые пути, связывавшие страны Запада и Востока, способствовали развитию не только торговли, но и сельского хозяйства (земледелия, садоводства, овощеводства), рыболовства, а также других разнообразных промыслов и ремёсел, что в свою очередь благоприятствовало быстрому развитию региона. Крымский полуостров во все времена притягивал к себе внимание всё новых и новых завоевателей, желавших обладать этим выгодным в различных аспектах краем.

Завоевав Крым в 1475 г., оставив степную часть татарам и сделав Крымское ханство зависимым от Османской Порты, турецкий султан взял в своё прямое владение прибрежные территории полуострова во главе со столицей – городом Кафой, переименованной в Кефе, т.е. все бывшие генуэзские колонии на полуострове. Завладев Крымом, важнейшим стратегическим регионом, как в военном, так и в торгово-экономическом отношении, османы на протяжении практически трёх столетий любыми силами старались сохранить свою власть на полуострове.

Для России Крым являлся не менее желаемым приобретением. Южные границы Российского государства были практически не защищены и ежегодно подвергались набегам крымских татар. Тысячи славян попадали в плен, а русские земли и города разорялись и сжигались. Завоевав Крымский полуостров и включив эти территории в состав своего государства, Россия укрепила бы свои границы, обезопасив себя с юга, увеличила территорию, положила конец разрушительным и сокрушительным набегам крымских татар и, наконец, что являлось одной из самых важных задач и стремлений для Пе-

тербурга: открыла желаемый и необходимый проход к Чёрному морю.

На протяжении XVI–XVII вв. Россия не была готова к полноценным военным действиям на своих южных границах против Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империи, поскольку в то время первостепенными задачами были создание безопасности на восточных¹ и западных² границах государства. Походы на Крым совершались, но неудачные. В 1689 г. русские войска под командованием князя В.В. Голицына дошли до Перекопа. При Петре I удалось захватить Азов и открыть выход к морю, пока только к Азовскому, который, однако, вскоре снова был утерян.

При Анне Иоанновне в 1735 г. началась очередная война с Османской империей, в ходе которой русские войска под командованием генерал-фельдмаршала графа В.Х. Миниха, а затем генерал-фельдмаршала графа П.П. Ласси несколько раз вторгались на Крымский полуостров, захватили Перекоп. Но в 1739 г. война завершилась Белградским мирным договором, по условиям которого Россия была вынуждена отказаться от своих завоеваний в Крыму.

Через 30 лет, в 1768 г., при императрице Екатерине II началась очередная война между Россией и Османской империей. У Екатерины II был план: завоевав Крым, дать независимость Крымскому ханству, а потом уже забрать Крымский полуостров в своё владение. «Поход... готовился почти год... План Крымского похода составил вице-президент Военной коллегии и начальник Генерального штаба граф Захар Чернышёв... Этот документ сохранился: “План на предстоящую кампанию для второй армии к занятию и покорению Крыма, с содействием Вооружённой флотилии. Принадлежит графу Захару Чернышёву. Назначаемая к сему предприятию армия состоит из 5 кавалерийских, 6 гусарских и 2 пикинерских полков конницы. Пехоты же в 11 полках в Московском легионе – 31 батальон, да егерей – 2 батальона. Казацких войск донских 5000, Малороссийских 6000, Запорожского войска – 6000,

артиллерии осадной, полевой и лёгкой – всего до 60 орудий. Итого 51583 человека.

Главное сборное место назначается близ новой линии около Александровской крепости. Все войска к 6 числу мая в главное сборное место придут. Из главного сборного места всей армии выступить 11 числа мая и, держась Днепра, следовать до урочища Балки Валивалы, что против Кизикермению, а от оногo к Перекопской линии. Всего расстояния от помянутого сборного места до Перекопа 290 верст. К Перекопу армия придёт 1 июля. Командующему армией князю Долгорукову делать покушения на Перекопскую крепость, и ежели оную тотчас схватить возможности не будет, то оставить для её блокирования отряд под командованием одного генерала, а самому же главнокомандующему с армией следовать к Карасу-Базару. Отдельному же корпусу перейти через Сиваш у Ениши способом флотилии и овладеть городом Арабатом. По овладении же Арабатом идти тому корпусу к Керчи и Ени-колю и стараться сии оба места также взять. Армии следовать к Кафе.

Корпусу, назначенному к овладению Перекопской крепостью, оставя в ней гарнизон, идти к Козлову, а заняв сие место и оставя в нём также гарнизон, следовать к Бахчисараю и до Балаклавы, которую равномерно взять.

По овладении Арабатом, Керчью и Ени-колем стараться командующему овладеть и Бельбеком»³.

Таким образом, русские войска, руководимые генерал-аншефом князем В.М. Долгоруковым, завоевали Крым: через Перекоп и Арбат они вошли на полуостров и завладели городами Кефе и Керчью, Гезлевым и Балаклавой, крепостью Ени-Кале, захватили Таманский полуостров. «Известно, что на предложение князя Долгорукова сдать Кефу турецкий паша наотрез отказал ему в этом. Тогда князь начал осаду города, во время которой жители спасались на судах, стоявших в бухте, и, унося с собой всё, что могли, отплывали в Турцию. Весь гарнизон погиб. Те из турков, которые не успели пасть с оружием в руках, были добиты или утоплены по-

бедителями, вошедшими в совершенно опустевший город. Это было 15 августа 1771 года»⁴.

Крымское ханство во главе с новым ханом Сахиб-Гиреем было признано независимым государством, свободным от Османской Порты, но находящимся под покровительством России. Россия поставила свои военные гарнизоны в Кефе, Керчи и Ени-Кале, а в гаванях Крыма расположила свой флот. Давая объяснение крымскому хану о нахождении русских гарнизонов в городах Крымского ханства, Екатерина II представила это как помощь в случае желания Османской Порты вернуть свои владения обратно⁵.

По окончании русско-турецкой войны в 1774 г. между Россией и Турцией был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор⁶. Согласно этому договору, Крымское ханство признавалось независимым от Османской империи. Россия получила город Керчь и турецкую крепость Ени-Кале в Крыму, крепость Азов с прилегающей территорией до реки Еи, город Кинбурн; выход в Чёрное и Средиземное моря; право свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы; право строить и иметь флот на Чёрном море, а также значительную контрибуцию.

Русские войска и флот были выведены из Кефе в 1775 г. При передаче городов Кинбурн, Керчь и крепости Ени-Кале было составлено «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года»⁷. Это подробнейшее описание сначала города Кинбурн с его округой, затем крепости Ени-Кале и города Керчи с прилегающей территорией в момент входа русских в новоприобретённые города и при приёме ключей от них.

По Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила желаемый выход к Чёрному морю, однако спокойствия и безопасности южным границам государства это так и не принесло. Воспользовавшись уходом русской армии из Крыма и нарушая условия мирного договора, Османская Порта пред-

принимала попытки вернуть утраченные владения в Крыму. Турецкий флот вошёл в гавани Крыма. Османы разместили свой гарнизон в Кефе. Однако в 1775 г. Стамбул признал независимость Крымского ханства, нового хана Сагиб-Гирея и отправил к нему посольство.

Обстановка внутри Крымского ханства оставалась очень беспокойной. Среди татар происходили постоянные волнения и мятежи, значительная часть населения, настроенная проосмански, желала возвращения под власть Стамбула. Поэтому, прибыв в Бахчисарай, турецкий посланник с помощью крымских татар сверг хана Сагиб-Гирея и поставил на его место нового хана Девлет-Гирея, политические взгляды которого были ориентированы на Оттоманскую Порту. Хан Сагиб-Гирей бежал под защиту русских в Ени-Кале.

Хан Девлет-Гирей управлял Крымским ханством с 1775 по 1777 год, когда последовала реакция России на события в Крымском ханстве. Князь Г.А. Потёмкин направил в Крым русскую армию во главе с А.В. Суворовым. Хан Девлет-Гирей был свергнут, его сторонники разгромлены, управлять Крымским ханством поставлен хан Шахин-Гирей. Порта после длительных переговоров и переписки с Россией была вынуждена признать хана Шахин-Гирея правителем Крымского ханства.

Новый хан пытался провести в государстве реформы и реорганизовать управление в Крымском ханстве по российскому образцу. Это вызвало недовольство местной знати и мусульманского духовенства. В 1782 г. в Крымском ханстве снова волнения: проосмански настроенные татары сделали попытку свергнуть хана Шахин-Гирея и поставить на его место хана Бахадыр-Гирея, для чего они обратились за помощью к Османской империи. Шахин-Гирей сбежал за помощью к русским, в Керчь. Екатерина II поручила князю Г.А. Потёмкину подавить восстание в Крымском ханстве и добиться его присоединения к России. В сентябре 1782 г. Потёмкин, встретившийся в Петровской крепости с изгнанным ханом Шахин-Гиреем, отпра-

вил два пехотных полка для подавления восстания в Крымском ханстве. Мятеж был подавлен, хан Шахин-Гирей восстановлен на ханском престоле, но волнения в Крыму продолжались.

Итогом затянувшихся мятежей, волнений и междоусобиц в Крыму, благодаря правильно выбранной тактике со стороны России и искусно проведённым Екатериной II и князем Г.А. Потёмкиным переговорам, стало отречение от престола крымского хана Шахин-Гирея и передача Крыма России.

В результате победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., отказа от власти и престола крымского хана Шахин-Гирея в феврале 1783 г. и рескрипта, изданного императрицей Екатериной II 8 апреля 1783 г., Крым вошёл в состав Российской империи. 28 июня 1783 г. указом Екатерины II всё население Крыма стало российскими подданными. Управлял здесь генерал-губернатор князь Г.А. Потёмкин. В июне 1783 г. создано Крымское земское правительство. Командующим русскими войсками в Крыму был генерал граф А.Б. де Бальмен, на смену которому в августе 1783 г. назначен генерал барон О.А. Игельстром.

В конце 1783 г. создано Таврическое областное правление, в составе которого были как представители земского правительства, так и представители от крымских татар. По указу Екатерины II от 2 февраля 1784 г. была образована Таврическая область, состоявшая из Крымского полуострова и Тамани, которая управлялась генерал-губернатором князем Г.А. Потёмкиным.

Приобретение территорий Крымского полуострова стало для России долгожданным и желанным, поэтому новоприобретённому краю было уделено много внимания, забот и средств для восстановления и приведения его в порядок, так как вследствие военных действий города Крымского полуострова были почти полностью разрушены и разорены. Григорий Александрович Потёмкин издал множество указов и предписаний в отношении Крымского полуострова в совершенно разных областях и затрагивавшие всевозможные аспекты жизни края.

В указах генерал-губернатора князя Г.А. Потёмкина прослеживается в первую очередь стремление сохранить спокойную обстановку и поддержать безопасность на полуострове, поскольку политические отношения между Россией и Османской империей вновь обострились и было очевидно, что приближается очередная война. Поэтому Россия проводила политику переселения из Крыма турок, а также татар, не желавших становиться подданными Российского государства. «...По объявлении в Крыму высочайшего Ея Императорского Величества манифеста о присовокуплении к Империи Всероссийской сего полуострова, дал я знать моим плакатом, чтобы в верности подданства Ея Императорскому Величеству народом Крымским учинена была присяга, предоставляя, впрочем, на волю и самим татарам удалиться отсюда, буде которые не восхотят остаться в российском подданстве. А как в числе обитателей Кафинских многие суть Турки, то о сих объявляю, что сила высочайшего манифеста и плаката до них не касается»⁸.

Земли и доходы Крыма, ранее принадлежавшие турецкому султану, а затем крымскому хану, теперь перешли к России. Первоочередной и важнейшей задачей, стоявшей перед князем Г.А. Потёмкиным, было проведение подробного и детального описания новоприобретённых территорий, составление статистических и топографических документов, а также карт как всего полуострова, так и отдельно городов.

В 1785 г. к берегам Чёрного моря была направлена военная научная экспедиция с целью создания топографического описания западного и южного побережья Чёрного моря, промеров глубин моря и рек и составления карт. Результатами экспедиции стали подробные дневники-описания береговой линии западного и южного побережья Чёрного моря. Один из дневников⁹, а также переписка капитана 2-го ранга И.М. Берсенева с Черноморским Адмиралтейским Правлением сохранились в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге¹⁰.

14 августа 1783 г. князь Г.А. Потёмкин дал распоряжение графу А.Б. де Бальмену относительно предоставления статистических сведений о городе Кефе: «Гр[афу] Де-бальмену. Состоящие в Кафе разные под именем Ханских припасы предохранять от расхищения. В[аше] с[иятельство]во, извольте приказать взять под секвестр и сделать оным опись, препоруча сие исполнить г. обер-директору колл[ежскому] сов[етнику] Мавроенину; сколько ж чего окажется, ко мне рапортовать. <...> Равным образом прикажите, в[аше] с[иятельство]во, дом Ханский в Кафе и прочие казённые здания принять в ведомство казённое, для описания Ханского дома посылается дивизион-квартирмейстер Маркловский, которому снять с него план и предоставить ко мне с показанием, какие потребны починки. О числе удалившихся из Крыма, особливо ж Кефинских жителей, в[ашему] с[иятельству]во рекомендую доставить ко мне сведение, так как и об остающихся в сём городе. Между тем, в[аше] с[иятельство]во, употребите старание, чтоб дома оставшиеся очищены, приведены в безопасность и годными для обитания были сделаны, и сколько оных, буду я также ожидать уведомления вашего»¹¹.

В апреле 1784 г. был составлен план города Кефе с указанием числа домов. «...Домов греческих 20, армянских 30, турецких 694, жидовских 69, мечетей 29, церквей: греческих 13, армянских 22; бань 6, фонтанов и водоемов 33»¹². Также было сделано описание Ханского дворца.

«Изъяснение.

Кафа основана Генуэзцами около 1230 года; взята Турками 6-го июня 1475 года, присоединена к России 8-го Апреля 1783 года.

1. Генуэзская башня Св. Константина, жильё коменданта и арсенал; при ней турецкая крепостца. 2. Мечеть, при доме Сукова. 3. Фундамент генуэзской приморской стены; т. бульвар. 4. Церковь Введения во храм Пр. Девы. 5. Александро-Невский собор. 6. Армяно-григорианская церковь Св. Архангелов Гавриила и Михаила. 7. Площадь. Турецкая мечеть, теперь католическая церковь. 8. Ар-

мянская ц. Св. Сергия, XIV в. 9. Главная Мечеть, прежде греческая церковь; возле больших бани. 10. Генуэзский старый Замок о шести воротах, 12 башнях, 1386 г., фундамент которого виден. 11. Башня угловая Замка, что теперь дом Веребрюсова. 12. Турецкий сад. 13. Жилище Кафских консулов. 14. Ворота морские, где 6 июня 1475 года казнены Армяне. 15. Временной дождевой поток. 16. Церковь с рельефами в алтаре; т. карантинного баталиона. 17. Башня, построенная пособием папы Климента VI, 1352-1362 гг. 18. Церковь Св. Иоанна Богослова с фресками. 19. Армянская ц. Св. Параскевы. 20. Армянская ц. Св. Стефана, с фонтаном 1491 года. 21. Карантинная стена, начата в 1804 году¹³. 22. Греческая ц. Св. Петра; метох Иерусалимского патриарха 1366 года. 23. Генуэзская Городская Стена, с 4 воротами, 26 башнями, наружным глубоким рвом, выложенным камнем. 24. Греческая ц. Св. Илии, некогда береговой Маяк. 25. Армянская ц. Св. Георгия, XIV в. — Прочия церкви, мечети, стены с башнями, окладка рва разобраны: на казармы, карантин, дома и магазины городских»¹⁴.

Затем, 15 октября 1783 г., князь Г.А. Потёмкин даёт распоряжение барону О.А. Игельструму: «Как уже опасность заразы в Крымском полуострове притупляет свою жестокость, а при добрых с вашей стороны распоряжениях нет сомнения и о совершенном ея истреблении, то посему сближению с жителями рекомендую в[ашему] п[ревосходительству] доставить ко мне следующие известия: 1) О числе состоящих во всём Крымском полуострове церквей христианских, не исключая и разрушенных, а назнача сие только в описании. 2) О числе всех христианских деревень в Крыму, оставшихся по выходе христиан, исчисля также, совсем ли, или ещё не до конца оные разорены и сколько в оных домов. <...> Нужно мне также сведение о всех вообще селениях татарских, показав, сколько оных и к которому дистрикту какие принадлежат. Новость настоящего состояния татар требует всей с ними деликатности, особливо ж при таковых извещениях, дабы не привести их оными в

сомнительство и опасение, в чём я и полагаюсь на известное в[ашего] п[ревосходительства] благоразумие. Препровождаю здесь записки о разных в доход Ханской сборах, по которой, в[аше] п[ревосходительство], через людей сведущих постарайтесь узнать: какую сии сборы составляли годовую сумму, и меня о том уведомяте...»¹⁵.

В ответ на распоряжение князя Г.А. Потёмкина барон О.А. Игельстром подготовил подробные статистические документы о Крымском полуострове: «Ведомость, какие именно состоят в крымском полуострове каймаканства, кто именно в котором каймаканом состоит, сколько в каждом каймаканстве кадылыков, а во всяком кадылыке сколько деревень. Декабрь 17 дня 1783 г.»; «Ведомость о числе домов в городах Крымского полуострова татарских и жидовских»; «Ведомость о числе христианских деревень, оставшихся после христиан, с показанием в них числа дворов в таком и сколько в котором городе христианских домов состоит»; «Ведомость о числе церквей христианских в Крымском полуострове целых и разрушенных» и др.¹⁶.

Данные статистических ведомостей, подготовленные генералом бароном О.А. Игельстромом по поручению Г.А. Потёмкина, легли в основу «Камерального описания Крыма 1783 года». Этот документ имеет заглавие: «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г. — июня 1784 г.»¹⁷.

Начинается «Камеральное описание Крыма» с перечня вопросов, на которые барон Игельстром требует ответов с подведомственных ему лиц: членов администрации, каймакамов, высших чиновников, служивших при последнем хане, например, ханского казнадара, директора монетного двора и т.д. Сведения, полученные от этих лиц, легли в основу документа и представляют подробные статистические данные новоприсоединённых территорий.

«1) Где расположены войска и под чьим начальством, таких где коменданты и кто именно.

2) Список членам Крымского Правительства.

3) Исчисление о всех доходах крымских при хане Шагин-Гирее, писанное 27 числа Ноября прошлого 1783 году.

4) При ней четыре перевода с регистром о тех деньгах и четыре объяснения, взятых с словесного объявления, означенные №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

13). Перевод с регистра о выделанной монете при хане Шагин-Гирее и какое объяснение, взятое со словесного показания, означены номерами 13 и 14.

15) Какое имело содержание Крымское духовенство.

16) Перевод с письма Ширинского бея касательно до содержания духовных.

17) Перевод с регистра, по которому начинается каждому из духовных, какое давалось денежное жалованье.

18) Четыре оклада пошлинам – один для Кефинской таможни, другой Перекопским и Арабатским воротам, третий на Карас-Базар и четвертый на Бахчисарай, означенные номерами 18, 19, 20 и 21.

22) О числе и разделении уездов в Крымском полуострове, и кто именно и где каймаканами находятся.

23) Шесть регистров, изыскующих имена деревень, в каких оные Каймаканствах и Кадылыках, означены номерами 23, 24, 25, 26, 27 и 28.

29) О числе домов татарских и жидовских в городах.

30) О числе христианских деревень и о их названиях с показанием числа дворов.

31) Ко сему исчислению деревень христианских два перевода, означенные номерами 31 и 32.

33) О числе церквей христианских.

34) О числе мечетей.

35) Пополнение о числе деревень в одном Кадылыке Карасу-базарского Каймаканства и в целом о Кефинском Каймаканстве.

36) Пополнение же о числе деревень христианских и дворов в городе Кефе.

37) Пополнительное исчисление церквей христианских.

38) Пополнительное исчисление мечетей.

39) О киргизах, жительствующих за Перекопской линией.

40) Список начальствующих в селениях оных киргизов, тако ж и моллам в каждом ауле.

41) Список мурзам по их поколениям.

42) Перевод с письма Ширинского бея Мехмедши с регистром о жаловании для земских служителей.

43) Перевод с регистра, означающего, какое было от хана Шагин-Гирея, кому давано ежемесячно жалованье.

44) Перевод с другого регистра, означающего годовое жалованье, от хана Шагин-Гирея производимое.

45) Тариф для таможен по образу бывшего при последнем хане правления.

46) Ордер мой о карантинах.

47) Бывшему здесь правительству предложение об язве.

48) О числе Каймакамам велено было мне рапортовать.

49) Как поступать с выезжающими из Крыма татарами.

50) О приходящих и отходящих кораблях, как рапортовать и какие ведомости присылать.

61) Как осматривать пришедшие корабли.

62) В какие времена какие ведомости его светлости князю Григорию Александровичу были посланы.

63) Регистр, кому какое жалованье из таможенных сборов производится»¹⁸.

В представленных документах, среди множества других архивных материалов, касающихся Крымского полуострова на момент его присоединения к России, показаны шаги российского правительства по изучению внутреннего и внешнего устройства нового региона.

Таким образом, с 1783 г. началось освоение и благоустройство Крымского полуострова, теперь уже в составе России. Генерал-губернатор Крыма князь Г.А. Потёмкин, стараясь вернуть краю утраченную в ходе войны стабильную и развитую экономику, вос-

становить сельское хозяйство, торговлю и промыслы, прилагал все возможные усилия для возрождения величия Крыма и его дальнейшего развития.

Примечания

¹ 1552 г. – к России присоединено Казанское ханство. 1556 г. – завоевана Астрахань. В состав России вошли Среднее и Нижнее Поволжье, Прикамье, Южное Приуралье.

² Непрерывные войны с Великим княжеством Литовским, затем с Речью Посполитой, Швецией.

³ *Андреев А.* История Крыма. М., 2000. С. 378–380.

⁴ *Виноградов В.К.* Феодосия. Исторический очерк. Феодосия, 1915. С. 91–92.

⁵ Письмо к хану крымскому его светлости Сагиб-Гирею // Записки Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД). Т. VII, 1868. С. 201–204.

⁶ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

⁷ Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года // ЗООИД. Т. VII, 1868. С. 165–198.

⁸ *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжение светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области (1781–1786 гг.) // ЗООИД. Т. XII, 1881. С. 274–275.

⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 197. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–13.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–29об.

¹¹ *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжение светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области (1781–1786 гг.) // ЗООИД. Т. XII, 1881. С. 280.

¹² Там же.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ План города Кафы. Апрель 1784 года // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 22008. Л. 1–4. *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжение светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области (1781–1786 гг.) // ЗООИД. Т. VIII, 1872. С. 351.

¹⁵ *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжение светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области (1781–1786 гг.) // ЗООИД. Т. XII, 1881. С. 286.

¹⁶ *Лаилов Ф.Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймакапами в 1783 году // ЗООИД. Т. XIV, 1888. С. 91–156.

¹⁷ Регистр разным письмам, изыскующим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г. – июня 1784 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 336. *Лаилов Ф.Ф.* Камеральное описание Крыма // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК) № 2, 3, 4, 6, 7, 8. Симферополь, 1887, 1888, 1889 гг.

¹⁸ Регистр разным письмам, изыскующим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г. – июня 1784 г. // РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–4. *Лаилов Ф.Ф.* Камеральное описание Крыма // ИТУАК, № 2. Симферополь, 1887. С. 22–24.

Л.И. Цвижба

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. И УЧАСТИЕ В НЕЙ АБХАЗОВ*

Во время Кавказской войны в XIX веке, а также в Крымскую и Русско-турецкую 1877–1878 годов войны на Кавказском театре военных действий местных уроженцев, состоявших в иррегулярных частях, награждали медалями с надписью «За храбрость», золотыми и серебряными, двух размеров: большими для ношения на шее и малыми – в петлице. Такие же награды выдавались за военные заслуги лицам, не имевшим воинского звания¹.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в одном из дел фонда Главного управления казачьих войск – это приказы по иррегулярным войскам за 1878 год – обнаружен список награждённых «За отличия, оказанные в делах против турок с 20 мая по 21 августа 1877 года». Награды были нескольких видов – производством в чин, в частности, в юнкера милиции, или Знаками отличия Военного ордена (с указанием номеров знаков), а также золотыми и серебряными медалями «За храбрость» для ношения в петлице и на шее. В списке значатся 230 человек – это милиционеры, состоявшие в Самурзаканском конно-иррегулярном полку, Самурзаканской конно-иррегулярной милиции, Самурзаканской пешей милиции².

Безусловно, перечислить поимённо все 230 человек в данном материале сложно, но отдельные яркие примеры дадут представление об этих участниках Русско-турецкой войны.

Так, приказом по Иррегулярным войскам в составе Ингурского отряда от 12 августа 1878 года «За отличия, оказанные в делах против турок с 20 мая по 21 августа

1877 года» милиционеры Самурзаканской конно-иррегулярной милиции Акертава Виссарион, Анчабадзе Квадж, Гамсония Бардгу, Гамсония Зосим, Котуа Пеху, Маргания Хинкурас, Маргания Махмед, Акиртава Шабат, Шервашидзе Шабат и многие другие награждены серебряными медалями с надписью «За храбрость» для ношения в петлице. Милиционеры Шервашидзе Леван и Шервашидзе Квадж, Чхотуа Зураб и Чхотуа Беслан, Акиртава Отар и другие награждены золотыми медалями с надписью «За храбрость» для ношения в петлице³.

Серебряными медалями с надписью «За храбрость» для ношения на шее награждены милиционеры Самурзаканской конно-иррегулярной милиции Жвания Филип⁴, Маргания Леван⁵.

Золотыми медалями «За храбрость» для ношения в петлице награждены также многие всадники, состоявшие в Самурзаканском конно-иррегулярном полку. Это Бжания Бабуш, Гаделия Алексей, Гарцкия Умар, Званбая Кягуц и Званбая Гид, Лакербая Талхан, Маргания Гвад, Хасая Теймураз, Шервашидзе Халикбей, Эмухвари Астамур, Чхотуа Ерист и другие⁶.

Золотыми медалями с надписью «За храбрость» для ношения в петлице были награждены милиционеры Самурзаканской пешей милиции Агумаа Давид, Маргания Кирилл, Захубая Пеху, Кварацхелия Джамлет и другие⁷.

В звание юнкера милиции произведены милиционеры Самурзаканского конно-иррегулярного полка. Таковых в документе 29 человек. Это Акиртава Кискиндж, Званбай Махмут, Анчабадзе Селобей, Хварцкия Дмитрий, Цимбая Махмут, Чхотуа Квадж, Эмухвари Константин и другие⁸.

В архивных материалах есть сведения и о тех, кто отдал свои жизни в войне против

* Окончание. Начало см. «Восточный архив», № 1 (39), 2019.

турок. Это Анчабадзе Тая, житель Очамчирского округа. Он состоял в Самурзаканском конно-иррегулярном полку. Умер от ран, полученных в период Русско-турецкой войны в 1877 году⁹. Житель Очамчирского округа Маргания Дзвандвал также состоял в Самурзаканском конно-иррегулярном полку. Убит в бою в 1877 году¹⁰.

Пропали без вести во время боёв (сведения на 1 сентября 1877 года) Гарцкия Маху, Иванба Джаним, Лолуа Джангир, Маршания Бадра и Хახубия Реджиб. Они были жителями Самурзаканского участка и состояли в Самурзаканском конно-иррегулярном полку¹¹.

В упомянутом выше, условно говоря, «списке 230» есть и офицеры, которым приказом по Иррегулярным войскам от 12 августа 1878 года пожалованы ордена «за отличия, оказанные в делах против турок с 20 мая по 21 августа 1877 года». Среди них – князь Шервашидзе Бата Учанович. Он произведён в прапорщики 1 марта 1847 года, в подпоручики – 30 октября 1853 года, за отличие по службе – в поручики 29 октября 1854 года, в штабс-капитаны – 26 сентября 1861 года. (Позже, в 1878 году, будет произведён в капитаны). Был помощником судьи Самурзаканского словесного суда. В период Русско-турецкой войны 1877-1878 годов состоял в Самурзаканском конно-иррегулярном полку командиром сотни. Награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом¹².

Маргани Куджмахан. Происходил из дворян Сухумского отдела, был грамотен. В службу вступил в Лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Императорского Высочества конвоя во 2-й взвод (горцев) оруженосцем 9 октября 1870 года. За усердную службу и хорошее поведение командованием конвоя был произведён в юнкеры 3 октября 1874 года. Высочайшим рескриптом за выслугу установленного 4-летнего срока произведён в прапорщики милиции 30 октября 1874 года. 7 ноября 1874 года награждён серебряной медалью с надписью «За службу в собственном конвое Государя Императора Александра Николаевича» для ношения на шее на Анненской ленте.

Во время войны с Османской империей К. Маргани состоял в Самурзаканской иррегулярной конной милиции и при начальнике отряда 2-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска. За время службы был награждён орденами: Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом 25 декабря 1877 года, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» для мусульман 22 июля 1878 года. За отличие против турок произведён в подпоручики 20 сентября 1879 года. В следующий чин – в поручики милиции – 30 августа 1892 года, в штабс-капитаны – 16 мая 1897 года. С 1 сентября 1890 года состоял в Сухумской земской страже. Умер 24 января 1902 года¹³.

Чичуа Нестор, прапорщик милиции 1-го Мингрельского дворянского конно-иррегулярного дивизиона, приказом по Иррегулярным войскам от 12 августа 1878 года награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» «за отличия, оказанные в делах против турок с 20 мая по 21 августа 1877 года»¹⁴. Чичуа Ростом, поручик, состоявший в 1-й Кутаисской пешей дружине, награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом¹⁵; Чхотуа Аслангер, прапорщик милиции, состоявший в Самурзаканском конно-иррегулярном полку, награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом¹⁶.

Инал-ипа Тавот (Саллах) Константинович, прапорщик бывшего 1-го Кутаисского конно-иррегулярного дивизиона, состоявший при начальнике Ингурского отряда, награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В чин прапорщика был произведён в 1871 году. Ранее награждался: серебряной медалью для ношения в петлице, серебряной медалью для ношения на шее, золотой медалью для ношения в петлице, Знаками отличия Военного ордена: 4-й степени (№429) и 3-й степени (№ 314). К сожалению, в документах не обнаружено сведений, за какие заслуги он был удостоен вышеназванных наград, возможно, это были походы в 1860-х годах против народов Западного Кавказа. Умер в 1894 году¹⁷.

Шервашидзе Иван, прапорщик милиции, состоял при начальнике Сухумского отряда,

награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В послужном списке И. Шервашидзе, составленном в 1892 году, изложена подробная информация о его участии в военных действиях в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в составе войск Сухумского и Ингурского отрядов. 2 мая 1877 года – при бомбардировке неприятельской эскадрой г. Сухума. 2-3 мая – в ночном деле отряда генерал-майора П.П. Кравченко под Сухумом с высадившимся турецким десантом. 3 мая – у Маджарского поста, 6 мая – при высадке турок у м. Очамчира. 7 и 11 мая – в деле отряда полковника Г.А. Шервашидзе около села Званбай и местечка Дранда, затем в деле отряда генерал-майора Кравченко около с. Александровска. 16 мая – в деле отряда подполковника князя Микеладзе с турецким десантом и абхазами на р. Галидзга и сражение около с. Моква. 13 и 15 июня – в отряде генерал-майора Я.Х. Алхазова около с. Илора и м. Очамчыры. 15 июня – на р. Галидзги около с. Поквеш и Илори. С 1 по 13 июля – наступление того же отряда с боем от р. Галидзга на с. Моква, 8 июля при отражении атаки турок на позиции у р. Моквы, 10 – занятие с. Меркулки. 31 июля – занятие линии р. Кодора, 7 августа – при рекогносцировке генерал-майором Алхазовым турецкой позиции под Сухумом. 28 августа – на р. Келасур и при обратном занятии Сухума соединенными отрядами генерал-лейтенанта П.Д. Бабича, генерал-майора Алхазова и полковника Б.М. Шелковникова. И. Шервашидзе был произведён в поручики 28 марта 1882 года, в штабс-ротмистры 9 апреля 1889 года. В 1892 году произведён в подьесаулы Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка и представлен к зачислению в запас¹⁸.

В «списке 230» есть и лица, награждённые Знаками отличия Военного ордена, т.е. ордена Св. Георгия, которых удостоивались «нижние воинские чины за храбрость, против неприятеля оказанную». Знаки изготавливались из золота (1-я и 2-я степени) и серебра (3-я и 4-я степени) и носились на ленте на груди. Среди отличившихся в Русско-турецкой войне и награждённых Знаками

отличия Военного ордена приказом по Иррегулярным войскам от 12 августа 1878 года «за отличия, оказанные в делах против турок с 20 мая по 21 августа 1877 года», значатся всадники Самурзаканского конно-иррегулярного полка. Это Шервашидзе Александр, знак 3-й степени, № 3290; Шервашидзе Гид Манучарович – 3-й степени, № 3291; Боджгуа Тенгиз – 4-й степени, № 62174; Чхотуа Сосырка – 4-й степени, № 62175; Эмухвари Константин – 4-й степени, № 61592; Киртбая Сквинч – 4-й степени, № 62989, а также и всадники Самурзаканской пешей милиции: Эмухвари Константин – 3-й степени, № 3292; Эмухвари Давид – 4-й степени, № 62937; Шария Дату – 4-й степени, № 63000¹⁹.

Среди фамилий, которые мне удалось обнаружить в архивных материалах по рассматриваемому периоду, есть много однофамильцев, возможно, близкородственных. Попадают от двух до 40 и свыше представителей одной фамилии. Например, Анчабдзе – свыше 20 человек, Чхотуа – около 30, Шервашидзе – 30 человек, Эмухвари – более 40 человек. Планирую со временем представить читателям доступную информацию о каждом из них и о других воинах, служивших в Русской императорской армии в XIX веке. Вполне вероятно, что многие наши современники опознают среди них своих предков.

Русско-турецкая война, начавшаяся в апреле 1877 года, завершилась подписанием Сан-Стефанского договора 19 февраля 1878 года.

Заслуги населения Абхазии перед Россией были обозначены различными наградами, но у имперской власти в памяти осталась высадка мухаджиров (пусть и незначительной части) с турецким десантом на берег их исторической Родины. Это станет поводом для очередного насильственного выселения абхазов, с обвинением их в пособничестве Турции. При этом, не особо разбираясь, выселили и тех жителей, которые не принимали участия в делах против России. Выселение производилось почти на всём побережье Абхазии, преимущественно в участках, на-

селённых сплошь абхазами. Всего из Абхазии выселены и пропали без вести 32 164 человека, или 7 067 семей. В Абхазии остались 43 734 человека, или 16 302 семьи. Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич Романов в докладе военному министру П. Ванновскому от 12 декабря 1880 года отмечал, что «отчасти добровольно, отчасти насильственно удалилось в Турцию до 30 000 душ абхазов». Полковник Н. Шепелев, говоря о выселившихся абхазах, называл цифру 31 442. Цифры противоречивы, но, тем не менее, показывают масштабность выселения.

Следует отметить, что указанные статистические сведения не содержат информации об убитых, умерших и пропавших без вести. Противоречивая статистика, скорее всего, говорит о том, что выселение производилось спешно, учёт депортируемых велся нерегулярно и неточно, да и надобности в этом, видимо, у властей не было²⁰.

Выселив большую часть абхазов в Турцию, «предав огню и разрушению» их жилища, превратив цветущие районы Абхазии в пустыни, царские чиновники приступили к использованию опустевших земель...

Примечания

¹ Дуров, Валерий. Медаль «За храбрость» из истории российских наград. <http://artageless.com/medal-for-bravery-history-russian-awards> (дата обращения: 20.11.2017).

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 300. Оп. 63. Д. 91. Л. 1–32об.

³ Там же. Л. 1, 27об., 31об.

⁴ Там же. Л. 1, 27об., 30об.

⁵ Там же. Л. 1, 27об., 31.

⁶ Там же. Л. 1, 28об.–29об.

⁷ Там же. Л. 1, 27об., 32об.

⁸ Там же. Л. 1, 26об.

⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 437. Л. 60–61об.

¹⁰ Там же. Л. 63–63об.

¹¹ Там же. Л. 63 61об.

¹² РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 950. Л. 285об. 286; Ф. 330. Оп. 21. Д. 437. Л. 8 8об.; Оп. 63. Д. 91. Л. 1, 24–24об.

¹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 437. Л. 60об.–61; Оп. 63. Д. 91. Л. 1, 24–24об.; Ф. 407. Оп. 1. Д. 950. Л. 468об.–469; Д. 955. Л. 99об.–100; Д. 959. Л. 121об.–122; Ф. 970. Оп. 1. Д. 1039. Л. 39–43; Д. 1180. Л. 67 68, 71 73.

¹⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 63. Д. 91. Л. 1, 24 24об.

¹⁵ Там же. Л. 1, 25.

¹⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 437. Л. 8–8об.; Оп. 63. Д. 91. Л. 1, 25.

¹⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 63. Д. 91. Л. 1, 26; Ф. 407. Оп. 1. Д. 955. Л. 941об.–942.

¹⁸ Там же. Л. 1, 25об.; Оп. 58. Д. 601. Л. 29–38 (п/с на 1892 г.).

¹⁹ Там же. Л. 1, 27об.

²⁰ Цвижба Л.Н. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000. С. 81–82.

Т.Н. Загородникова

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ Л.Н.ТОЛСТОГО

*Ваше имя хорошо знакомо большей части
моих образованных соотечественников.
Они неплохо знакомы с Вашими художественными произведениями.
С напряжённым вниманием они следят за Вашей деятельностью и
Вашим духовным ростом; и в Вашей философии жизни,
как она показана в знаменитом трактате «О жизни»,
они находят много общего со своей¹.*

Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ) – не часто посещаемый исследователями-историками архив. Между тем, там можно обнаружить много интересных документов, связанных не только с литературной, но и с общественной, издательской и другой деятельностью писателя. Лев Николаевич Толстой был человеком, на которого смотрел весь мир, и многие стремились каким-то образом быть ему сопричастными, оказаться в его орбите, побывать в Ясной Поляне или стать его корреспондентом.

В фонде 1 самого Льва Николаевича Толстого хранится «71 492 документа». Эта цифра приведена на сайте музея при характеристике Отдела рукописей². Однако широко известно, что писатель несколько раз правил и переправлял черновики (как литературных произведений, так и писем), набело переписанные Софьей Андреевной рукописи и даже первые, журнальные, публикации. Сами черновики часто представляли собой маленькие клочки бумаги, где он в попытках записывал карандашом пришедшие на ум мысли. Например, дело, в котором содержатся материалы, касающиеся написания знаменитого «Письма к индусу» 1908 г., насчитывает более 240 листов разного формата, в то время как сам машинописный текст Письма – 43 листа³. Поэтому, что в данном случае имеется в виду под «документом», не совсем понятно.

Историку-архивисту будет интереснее исследовать эпистолярное наследие писателя, которое насчитывает более пятидесяти тысяч писем, около девяти тысяч из кото-

рых пришли из-за границы. В последние годы своей жизни Л.Н. Толстой получал до тридцати писем в день. Если брать страны Востока, то ему шли письма из Индии, Цейлона, Китая, Японии, Бирмы и других стран, поскольку проповедуемая Толстым философия была близка именно восточным религиозным системам.

Далеко не все письма равнозначны по важности содержащейся в них информации. Есть просто просьбы о присылке денег (ведь их авторы писали русскому дворянину, титулованной особе); есть многостраничные описания тяжёлой жизни с просьбой помочь, выступить в чью-либо защиту в прессе; есть и философски-возвышенные восхваления. Особый интерес представляют послания, содержащие вопросы, иногда до 20, которые свидетельствовали о том, что их авторы прониклись философией Толстого и хотели бы прояснить для себя какие-то частности. Поскольку в Ясной Поляне имелось специальное приспособление для копирования отправляемой корреспонденции, то сохранилось много копий писем самого Л.Н. Толстого, и если соединить их с письмами его корреспондентов, получится переписка, общение двух сторон. Такая публикация даёт более полное представление обоих корреспондентах, отображает затрагиваемые темы, интересы сторон и др., а сами письма становятся бесценным документом своего времени, литературным и историческим первоисточником.

Часть эпистолярного наследия Л.Н. Толстого, касающаяся Индии, более или менее известна читающей публике⁴, но до сих пор

остаются неизвестными для историков неатрибутированные письма Толстому, пришедшие с Востока, если они написаны в местной графике. В настоящее время уже есть примеры обращения востоковедов к документам ОР ГМТ. Так, Ирина Мельникова, профессор Института языка и литературы при университете Досия, Киото, выполнила очень интересное исследование общины толстовцев Иттоэн, опираясь на письмо его основателя Нисида Тэнко Л.Н. Толстому⁵.

Второй пример: составляя перечень документов по Востоку в Архиве Академии наук, И.В. Зайцев обнаружил в фонде академика В.А. Гордлевского письмо в арабской графике от 1905 г. двух чеченских мулл Л.Н. Толстому⁶. По-видимому, писатель послал это письмо академику для перевода на русский язык, а оно по каким-то причинам осталось у В.А. Гордлевского. Но оказалось, что в ОР ГМТ хранится ещё одно письмо этих же авторов. По первому письму был сделан доклад на Текстологическом семинаре 2009 г. в Ясной Поляне, но, к сожалению, работа не пошла дальше, а вполне возможно, что за этими письмами скрывается какая-нибудь занимательная история.

В Отделе рукописей есть алфавитная картотека, по которой достаточно просто узнать, есть ли там письма того или иного человека. Ещё один способ найти информацию такого рода – последний, 91-й том Юбилейного собрания сочинений Л.Н. Толстого, где наряду с другими указателями находится Алфавитный указатель имён собственных⁷, хотя со времени составления указателей, 50-х гг. XX века, могли произойти изменения и какие-то имена там отсутствуют.

Особо следует отметить, что в ОР ГМТ хранятся автографы людей, со временем ставших всемирно знаменитыми, например автографы Махатмы Ганди⁸.

Письма – это прекрасное свидетельство, исторический источник, который показывает, что знали в разных странах о Толстом и о России, каков был образ русского мудреца и нашей страны в целом, какой отклик учение русского философа из Ясной Поляны имело в той или иной стране, существовали

ли там общины толстовцев. Часто корреспонденты Толстого писали ему о своей стране, сравнивая её с Россией, жаловались на несправедливость правительства, искали у Льва Николаевича заступничества.

Кроме фонда Л.Н. Толстого, в ГМТ хранятся ещё 74 личных фонда его современников – членов семьи и друзей, которые зачастую тоже были связаны с Востоком или интересовались им⁹; российских и зарубежных деятелей науки, культуры, искусства; последователей его учения, учёных-толстоведов и представителей фондов государственных и общественных организаций и учреждений, связанных с его именем. Всего в собрании рукописей насчитывается более 300 тысяч единиц хранения.

¹ Из письма издателя мадрасского журнала «The Arya» А. Рамасешана // Л.Н. Толстой и Индия. Переписка / Составление, введение и комментарий – Т.Н. Загородникова. М.: Наука – Восточная литература. 2013. Док. № 111.

² <http://tolstoymuseum.ru/museums/funds/> (обращение 4.10.2018).

³ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого. Ф. 1. № 4599/28. Л. 1–43.

⁴ См.: Л.Н. Толстой и Индия. Переписка / Составление, введение и комментарий – Т.Н. Загородникова, М.: Наука – Восточная литература. 2013.

⁵ Мельникова И.В. Толстовское учение и новые религии Японии: основатель колонии «Иттоэн» Нисида Тэнко // История и культура традиционной Японии (Orientalia et classica XXIX). М.: РГГУ, 2011. С. 240–255; Мельникова И.В. Трость Толстого (О японских гостях Ясной Поляны) // Толстой и о Толстом. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 115–130.

⁶ Бобровников В., Зайцев И. Письмо чеченцев Льву Толстому (1905 г.) // Четки. Литературно-философский журнал. М.: Издательский дом Марджани. 2010. № 3(9). С. 103–110.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. В 90 т. М.–Л., 1928–1958. Т. 91. С. 115–650 или <http://tolstoy.ru/online/90/91/> (обращение 4.10.2018)

⁸ Следует добавить, что составителями этого Собрания сочинений писателя были люди, лично знавшие его и его окружение и бережно относившиеся к его наследию. Комментарии к днев-

никам, записным книжкам и письмам, касающиеся русских персоналий, очень подробны; и здесь можно найти много информации о его современниках, использовать его как своеобразный справочник по персоналиям того времени.

⁸ Наиболее полная публикация переписки Л.П. Толстого и М.К. Ганди, а также писем М.К. Ганди к близким писателя см.: Л.П. Толстой и Индия. Док. 76-86.

⁹ Старший сын Л.П. Толстого Сергей Львович, музыковед-этнограф, интересовался музыкой Востока. См. его фонд № 249 в архиве Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М.И. Глинки, а также: *Загородникова Т.Н.* Индия и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских отношений. М.: ИВ РАН, 2018. С. 150–197.

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 ГОДЫ.

Избранные отрывки. Часть 3

20 февраля. Выводка 1^{му} полку.

21 февраля. Получил от Куропаткина телеграмму от 20го февраля – и лестно, и отрадно. Копию с этой телеграммы послал генералу Зеленому при рапорте, а также в письме написал Тутолмину, Марксу и Флейшеру¹.

22 февраля. Выводка 2^{му} полку. В 10 ч. к Орановскому.

23 февраля. Утром проводы Орановского в отпуск. Вечером выводка 3^{му} полку – опять возвратил галуны *мухаджиру* 3го полка (урмийцу), попробовавшему было бунтоваться и отказывавшемуся от казённых лошадей.

24 февраля. Приводил в порядок книги² (л. 25об.).

27 февраля. С визитом Амир-хан Сардар, новый генерал-губернатор Астрабада³, с Аман-Олла-Мирзой за переводчика. Я настаивал, чтобы сотне казаков Амир-хан Сардар давал фураж сам, а казённый оставил бы (л. 23об.) нам на погашение дефицита — не соглашается <...> (л. 24).

Глубокоуважаемый

Владимир Андреевич!

Сергенга Мамеда Багир-хана я, по Вашему приказанию, потребовал к себе и спрашивал о золотых, розданных Вами нижним чинам, принявшим участие в услугах, оказанных господину генералу Куропаткину по дороге из Тегерана до Решта и в г. Тегеране, и оказывается, что действительно Вами уже розданы 42 полимпериаля⁴, но при этом 42 золотых выданы и другим нижним чинам, не вошедшим в общий расчёт, вроде ординарцев Ваших Ганифэ бека, Мамед бека и Али-Акбер бека, которые уже получили, и Али Каки и двух казаков, которых *наиб сергенг* Ага бек взял с собою не из бывших с Мамед Багир-ханом, которые и составляют 6 человек как раз на 6 золотых, которых и не хватает. Подробный список следующий:

I. Из чинов, взятых *сергенгом* Мамед Багир-ханом в Решт <и> уже получивших по золотому:

1^й полк.

1. *Векиль раст* Нур Мамед бек
2. *Векиль раст* Ибад-Олла бек
3. Казак Риза-хан
4. Казак Мегр⁵ Али бек
5. Казак Гулям Али бек
6. Казак Шафи бек
7. Казак Гасан бек
8. Казак Гусейн б. Измаил
9. Казак Ибрагим б. Малик Мамед
10. Казак Мирза Абас

2^й полк

11. Казак Араб Али бек
12. Казак Юсуф Али
13. Казак Орудж бек
14. Казак Мирза Мамед Али

15. Казак Хаджжи-Мурад бек
 16. Казак Фарадж бек Баба
 17. Казак Рашид бек Пирбаги
3^й полк
 18. *Сертип доюм* Садык бек
 19. Казак Шейх Али бек
 20. Казак Абас Кули Ага
 21. Казак Али Акбер-хан
 22. Казак Мустафа Кули бек
 23. Казак Гедает^б бек
 24. Казак Ибрагим бек
- Итого 24 золотых (л. 28)

I. Чины из команды, не ходившей с *сергенгом* Мамед Багир-ханом в Решт и которые вторично пошли с *сергенгом* Ага беком и ещё не получали золотых и коим следует:

- 1^й полк
- Векиль раст* Кахраман-хан
Векиль раст Али-Аскер-хан
Казак Мирза Абуль-Касым
- 2^й полк
- Сертип доюм* Мамед Багир-хан
Казак Ибад-Олла-хан
Казак Гусейн б. Измаил
- 3^й полк
- Сертип доюм* Джафар бек
Сертип доюм Мамед Таги бек
Сертип доюм Гусейн-Ага
Казак Али Аскер бек
Казак Мамед Али бек
Казак Мансур Багир бек
- Итого 12 золотых

Получивших уже 22 человека и долженствующих ещё получить по возвращении из второй поездки 12, всего 36 человек, которые и были назначены с самого начала.

II. Из нижних чинов, назначенных к Генералу в Тегеране, тоже получивших золотые:

1. *Векиль баши* Гвардейского эскадрона Назар Али бек
 2. *Векиль раст* Гвардейского эскадрона Гусейн-хан
 3. *Векиль чап* Гвардейского эскадрона Самад бек
 4. *Векиль чап* Гвардейского эскадрона Мугб Али бек
 5. 2^й полк *векиль баши* Шир Али бек
 6. 3^й полк *векиль раст* Абуль Касым бек
 7. 3^й полк *сертип доюм* Гасан Ага
 8. 3^й полк казак Шафи-хан (Хали)
 9. Пеший 1^й полк Гасан б. Касым бек
 10. Пеший 2^й полк Казым б. Надр Али
- Итого 10 золотых

Чины, получившие помимо этих людей:

1. Принц Мамед-Али Мирза
2. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Ганифэ бек
3. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Мамед бек
4. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Али Акбар бек

Итого 4 золотых

I. Из чинов, ездивших с Ага беком, не из команды *сергенга* Мамед Багир-хана, которые должны получить золотые по возвращении:

Векиль баши Али-хан

1^й полк *сертип доюм* Аюб бек

1^й Полк казак Ибрагим б. Казым бек (Гади бек⁷)⁸

Итого 3 золотых

Четырём урядникам по золотому. Итого 4 золотых (л. 28 об.)

Уже получившие из команды *сергенга* Мамед Багир-хана 22 человека = 22 золотых

Из его же команды, которые должны получить по возвращении 12 человек = 12 золотых

Состоявших при Генерале в Тегеране 10 человек = 10 золотых

Принц Мамед Али Мирза и 3 Ваших ординарца 4 человека = 4 золотых

Ездивших с *сергенгом* Ага беком не из команды Мамед Багир-хана 3 человека = 3 золо-

тых

Урядников русских 4 человека = 4 золотых

Всего 55 человек = 55 золотых

Всего уже выдано на 42 человека = 42 золотых

Остаются у Вас 9 золотых

Итого 51 золотой

Не хватает 6 золотых, и эти 6 золотых именно на 6 человек, не вошедших в первоначаль-
ный расчёт, а именно на 4 Ваших ординарца – 4

на двух казаков, взятых *сергенгом* Ага беком

из Тегерана, но не из команды Мамед Багир-хана – 2

Итого 6 золотых

Ваш покорнейший слуга

Мартирос-хан

27 февраля 1895 г. (л. 29)

28 февраля. Утром у Посланника разговор относительно преобразования бригады (см. рапорт мой Садр-Азаму от <...>⁹).

Посланник, к счастью, сегодня вечером едет к Садр-Азаму: в 5 ч. мы у Садр-Азама. Продолжительный разговор. Садр-Азам всё внимательно выслушал и предложил мне подать ему рапорт. Потом я стал просить, чтобы не посылать в Астрабад сотню казаков, настаивая, что, если и посылать, то лишь с тем условием, чтобы Амир-хан Сардар **сам** продовольствовался фуражом, а казённый фураж – на уплату бригадного долга. Садр-Азам уклонился (л. 23) от прямого ответа. Входя, Посланник предупредил, чтобы это было по секрету от Мартирос-хана и потому чтобы я – ни слова Мартирос-хану, а чтобы перевёл мой рапорт Григорович. Но тот стал уклоняться, говоря, что Мартирос-хан лучше это сделает. Тогда Посланник вспылил: «Ну, так я поручу это Штриттеру¹⁰». Выяснилось, насколько у них натянуты отношения, и они ненавидят друг друга (л. 23об.).

3 марта. У Наиб-эс-Сальтанэ. 60 человек мулл, а потому пришлось ожидать с 8 до 10^{1/2} ч. вечера. Выяснилось, что Наиб-эс-Сальтанэ – враг Амир-хана Сардара: он предложил мне подать ему рапорт обо всех неудачах бригады, обещал всеми силами поддержать меня перед Шахом.

4 марта. Обед у Сушкова. Мартирос-хан, Рафалович и я <...>. Пропьянствовали почти до утра. Рафалович удрал. За ним послали и привезли опять. <...> (л. 24).

5 марта. Страшный катцен-яммер¹¹. Целый день рапорт Наibu-эс-Сальтанэ (л. 24об.).

5 марта¹². Подал Наibu-эс-Сальтанэ рапорт о том, что посылка сотни казаков в Астрабад в сущности для нас такое разорение, что посылка эта немыслима. Наib-эс-Сальтанэ, враг Амир-хана Сардара, обрадовался случаю нагадить Амир-хану Сардару и немедленно же отослал этот рапорт Шаху.

6 марта. Весь вечер заседание командиров полков и эскадронов – составление наградных списков к Ноурузу 9го марта.

7 марта. Письма и рапорты к почте. Был с визитом вновь наречённый губернатор Хамсэ – Ала-эд-Доулэ¹³, начальник гулямов и шахских палачей.

7 марта. Дошли до меня слухи, что Шах намеревается потом потребовать от меня ещё 300 казаков. Так как это немыслимо, то я, чтобы не быть застигнутым врасплох, отправился к Посланнику и, гуляя по саду, изложил ему всю несостоятельность и неестественность внутреннего устройства Казачьей бригады. Мало того, изложил ему, что при подобных порядках дальнейшее существование бригады немыслимо, и скоро она должна разложиться сама собою. Посланник, по-видимому, (?) вполне проникся истиною моих слов и назначил, чтобы в 5 ч. вечера сегодня я приехал к Садр-Азаму, где он будет меня ожидать (л. 30).

Я, не стеснясь, высказал Садр-Азаму в присутствии Посланника и Григоровича **решительно всё**, что накипело у меня на душе. Садр-Азам, склонив свою умную голову, усиленно затягивался. Когда я кончил, он сказал: «Да, всё, что говорил полковник – правда... Изложите всё в рапорте, и я подам его Шаху».

12 марта. Получаю записку от Ала-уль-Мулька¹⁴, что меня требует (?) к себе Садр-Азам. Являюсь немедленно – и что же: преважно восседает один Ала-уль-Мульк, а никакого Садр-Азама нет. Это меня взорвало. «Что Вам угодно?», – спрашиваю превежливо. «Его Величество приказал Вам послать ещё одну сотню с новым генерал-губернатором Эмир-Низамом¹⁵». Меня словно гюрза ужалила: «Да ведь я подал Наibu-эс-Сальтанэ рапорт, что и одной-то сотни в Астрабад я не могу послать?!» (л. 30об.)

«Ничего не знаю – это воля Его Величества». С минуту я подумал: «Скажите Садр-Азаму, что покуда мне не выплатят все 20 000 *туманов* долгу бригады **до копейки**, я никуда не пошлю ни единого казака». Ала-уль-Мульк опешил: «Но Его Величество...?». «Мне это всё равно – я сказал», – и с этими словами поднялся с места. И как ни хитрил, как ни молил Ала-уль-Мулька, я остался твёрд и с тем и ушёл.

От Ала-уль-Мулька я отправился прямо к Посланнику и доложил ему обо всём случившемся, а также о том, что Садр-Азам, которому я по Контракту вовсе даже и не подчинён, осмелился потребовать меня к себе (л. 31) для объяснений с каким-то Ала-уль-Мульком. Требовать к себе меня, **русского** полковника, может во всей Персии один только **русский** Посланник. Посланник вполне разделил моё негодование и, так как он через час должен был ехать к Садр-Азаму, то и изложил ему всё то, что я говорил. Садр-Азам извинился, пояснив, что желал лично сам говорить со мною, но что его в ту же минуту потребовал Шах. 2ая же сотня с Эмир-Низамом **не пойдёт**.

Когда я вернулся домой, то застал у себя Сушкова, «Сартипа» Гейзлера и Мартирос-хана до того пьяных, что они не могли уже ходить. Сушков и Гейзлер так и остались ночевать. Мартирос-хан, проспавшись, удрал поздно вечером (л. 31об.).

Список

Пешей команды, кои состояли по 9 марта 1895 г. 21 апреля 1895 г.

№	Имена и Фамилии	Отметка
1	<i>Векиль чап</i> Али Мурад бек <i>Сертип доюм</i> Сабз Али бек	с 9 марта переведён во 2 полк с 9 марта переведён в 1 полк

№	Имена и Фамилии	Отметка
10	Казак Мехти ¹⁶ б. Надр Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Сафар хан	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Гамид Ула ¹⁷	11 марта исключён
	Казак Гасан бек	с 9 переведён в 1 полк
	Казак Сеид Мурад	с 9 марта переведён в Гвардейский эскадрон
	Казак Кембер Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Мамад Акпер	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Сафар Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Шир Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Габиб ¹⁸	с 9 марта переведён в 1 полк
14	Казак Ферадж	20 марта исключён
	Казак Гусейн (малолетний)	с 9 марта исключён

Урядник Орлов (л. 32)

Вольнонаёмные

Фуражиры Татос и Али	35 т.
Раздатчики Оганес и Ослан по 9 т.	18
Ба<нки>	6
Портной	6
Фургонщики	5
Кучер Мартирос-хана	4 ¹⁹
в месяц	75 т. 7 кр.
в год	906 т.
Европейский доктор Миллер	25 т. – 300
	1206 т. ²⁰ (л. 32об.)

13 марта. Получил от Посланника письмо, в котором тот пишет, что Садр-Азам извиняется за то, что послал за мною, а вместо того принудил меня объясняться с Ала-уль-Мульком; просит во что бы то ни стало послать сотню в Астрабад, а что деньги, все должные нам Правительством 20 000 будут выданы завтра же. Что же касается до причин, почему я не желаю посылать сотню в Астрабад, Садр-Азам просит меня изложить ему в особом рапорте.

Получив это письмо Посланника, я немедленно же налетел к нему и объяснил, что 5го марта мною уже подан рапорт Наibu-эс-Сальтанэ, который немедленно же послал его самому Шаху. В рапорте от 5го марта я просил не посылать сотню в Астрабад, выставив массу веских доводов, но в ответ на это Шах потребовал, чтобы я послал ещё другую сотню с другим генерал-губернатором – Эмир-Низамом (л. 34).

Это что значит: что Амир-хан Сардар уже ранее успел настроить Шаха против меня. Получив рапорт, Шах вспылал: «Как? Мне отказывает полковник в повиновении? Не хочет посылать одной сотни? Так повелеваю послать две сотни!». Поэтому теперь²¹, после того как Шах таким образом отнёсся к моему рапорту, я считаю ниже своего достоинства писать ещё что-нибудь подобное Садр-Азаму для нового представления Шаху.

Посланник вполне одобрил меня. При этом Посланник по секрету передал мне то, что сообщил ему Садр-Азам: «Ваше Величество, во что бы то ни стало надо заплатить бригаде 20 000 *туманов*». Шах: «Ну, взять 20 000 в банке». Садр-Азам: «Сегодня я опять обращался в Английский банк, и директор Рабино отказал. Может быть, желаете попытать счастья в Рус-

ском банке – до сих пор с ним мы ещё не имели никакого дела?». Шах промолчал. «Ваше Величество, – продолжал Садр-Азам, – сегодня утром Вам принесли 70 000 *туманов*, которые Вы вознамерились отправить в Ваш сундук. Отдайте из них 20 тысяч бригаде». Шах гневно повернулся и, не ответив ни слова, ушёл (л. 34об.).

15 марта. Сегодня вечером опять получил письмо от бывшего Петербургского посланника, ныне назначенного Константинопольским послом, Ала-уль-Мулька, в котором тот от имени самого Шаха пишет, чтобы в Астрабад были назначены обязательно **все старые** казаки: видно, Шаху насплетничали, что я отобрал в Астрабад самую сволочь из всей бригады. Я тотчас созвал всех эскадронных командиров. Всего в Астрабад назначено:

из 1 ^{го} полка	29
<из> 2	29
<из> 3	30
88	
офицеров	12
100	

Из них оказалось молодых 23 человека. Я приказал заместить их всех старыми, но самыми негодьями из всей бригады (л. 33об.).

16 марта²². Новый год в Персии 9го марта. Но так как в нынешнем году он совпал с постом, то встреча его и была отложена на 15/16 марта – день окончания поста. Сегодня большой *салям*. Обыкновенно на этом *саляме* Шах раздавал всем присутствующим мелкие золотые и серебряные монеты, которые специально для этой цели чеканились. Первоначально раздача этих монет производилась в течение 12-ти дней: Шах подавали глубокое блюдо, наполненное первоначально одними золотыми монетами, а затем, с течением времени – уже перемешанные с серебряными. Шах запускал в них руку, захватывал более или менее и давал подходящему. Первоначально раздавалось 100 000 *туманов*, потом всё менее и менее, потом Шах стал раздавать только в один первый день *саляма*; прошлого года было роздано всего на сумму 13–15 000 *туманов*, а в нынешнем году раздачи монет уже **вовсе не было** (л. 33)²³.

Наиб-эс-Сальтанэ был особенно приторно любезен со мною – вероятно, и ему досталось от Шаха по поводу посылки сотен с Амир-ханом Сардаром в Астрабад и с Эмир-Низамом; а быть может, Наиб-эс-Сальтанэ заготовил мне какую-нибудь особенную пакость – она всегда предшествует особенной любезности (л. 33об.).

19 марта. Наиб-эс-Сальтанэ осматривал сотню, отправляемую в Астрабад. Я доложил Наibu-эс-Сальтанэ, что так как до сведения Его Величества Шаха дошло, будто я всю сотню умышленно набрал из новобранцев, я переменял и заменил старыми казаками и тех 23^х новых казаков, которые были назначены в состав сотни лишь потому, что они лучше старых. Но оказалось, что Наиб-эс-Сальтанэ решительно ничего об этом не знает, что всё это происки и *фузули*²⁴ Ала-уль-Мулька, вероятно, по наущению Амир-хана Сардара и, быть может, Аман-Оллы-Мирзы, обиженного тем, что я его не назначил командиром сборной Астрабадской сотни, а предпочёл ему опытного командира 1го полка *мир-пянджа* Сафар-Али-Агу. Наиб-эс-Сальтанэ страшно бесился, называл Ала-уль-Мулька *педэр сухтэ* (сожжённый отец), *зян кяхбэ*²⁵ (жена-б<...>) и проч.²⁶

20 марта. В 12 ч. ночи пришли Сушков и телеграфист Гейзлер и принесли следующую телеграмму, полученную на имя Сушкова из Петербурга: «Пришёл заключению единственное средство уладить дело исправить сделанную ошибку немедленно представить Бельгарда производству. Отвечай. Орановский».

Я вскипел: значит, на бедного Орановского навелись *фузули* Бельгард и Блюмер и убедили его послать эту пошлую телеграмму. Я не мог заснуть, и мы пили всю ночь. Наутро была

послана следующая телеграмма: «Зависящее бригады сделано. Что нужно? Глухой смысл телеграммы непонятен. Сушков».

Боже мой, чего они ещё от меня хотят? Всё, что мог сделать человек, я уже сделал, хотя Бельгард и не состоит в бригаде уже целых полгода (л. 34об.).

21 <марта>. Первое ученье после Уразы <нрзб.> поста перед новым годом.

Наиб-эс-Сальтанэ. Я выстроил сотню и показал, указав, что сплетни относительно того, что набраны только молодые, несправедливы. Наиб-эс-Сальтанэ потребовал от меня письмо Ала-уль-Мулька. Я сказал, что сжѐг. Ответ Наиба-эс-Сальтанэ, когда я отъехал, – *педэр сух-тэ*²⁷.

22 <марта>. Привлѐк снова к ведению хозяйства Мартирос-хана – идиотство Рафаловича: оказалось дефицита с лишком на 4 тысячи *туманов* – вот тебе и погашение; не спал ночь, нервы опять расстроены. Неджеф-Кули-хан – 1000 *туманов* на экстренные расходы; его выговор мне.

23 <марта>. Ученье. Наиба-эс-Сальтанэ не было на Майдан-Машке.

Письмо Наиба-эс-Сальтанэ о принятии обратно в бригаду Раджаба-Али-бека (его замечательная история²⁸) (л. 22).

В Тифлис
Генерального Штаба полковнику Хелмицкому
23 марта 1895 года.
г. Тегеран (Персия)

Христос Воскресе!

Дорогие и глубокоуважаемые
Елена Алексеевна, Павел Людвигович и маленький Хелмицкий (имярек).

Начинаю с сути: до конца сентября никакого ответа дать тебе не могу, ибо, во-первых, сам ещё не знаю, что станет с моею персоною, а во-вторых, до сих пор я только обзаводился и потому, кроме кое-каких долгишек, в данную минуту ничего не имею. В сентябре **для меня лично** должно выясниться всё: или я еду в имение (хотя бы только на три дня, а быть может, и на очень, очень долго) и там на месте решаю, как поступить с собою, или же остаюсь здесь до окончания трёхлетнего срока и тогда высылаю тебе 500 рублей (за 800 не ручаюсь, хотя возможно и то).

Вот и всё, дорогой дружище. А пока прости – что можно будет, верь, не стану (л. 37) ломаться и сейчас же всё сделаю, но теперь у меня такое переходное время и такая тяжесть на душе, что ты бы и не узнал прежнего зубоскала Косаговского. Не знаю, что больше тяготит – Персидская ли бригада, своё ли собственное имение?

Ну, до свидания. Мой сердечный привет Елене Алексеевне и всем, кто меня ещё хочет помнить.

Елена тебя целует – её замучила крапивная лихорадка, и она через месяц едет в имение на всё лето.

Что касается до урядника Севаева, то почему-то я был убеждѐн, будто давно известил тебя, что он мне не нужен.

Крепко целую.

Всегда твой В. Косаговский

23 марта 1895 г.

Если хочешь, чтобы письма вместо 6-7 недель ходили только 2-3, надписывай наверху: **через г. Баку** (л. 37об.).

24 марта. Мартирос-хан через Ихтимат-Низама передал Наibu-эс-Сальтанэ относительно Раджаба.

Сотне, назначенной в Астрабад, выступить после скачек (л. 22)²⁹.

25 марта. По случаю Благовещения отменил учение. Благовещение в церкви. /^хПри выходе из церкви Посланник встретил меня следующими словами, сказанными крайне раздражённым тоном: «А я, полковник, хотел уже Вам писать, полагая, уж не передумали ли Вы подавать рапорт насчёт вопиющих безобразий в бригаде, о которых мы с Вами говорили...». «Черновой рапорт у меня в кармане, Ваше Превосходительство, – сухо ответил я, – и я явился сюда для того, чтобы прежде чем переписывать набело, прочесть его Вашему Превосходительству».

Бывший Петербургский, ныне Константинопольский, посол Ала-уль-Мульк наврал на меня Григоровичу, сказав, что он удивляется, чего полковник артачится и не посылает в Астрабад сотню казаков, так как все деньги уже выданы! Я опроверг эту гнусную ложь и бесповоротно заявил, что не выпущу сотню в Астрабад до тех пор, покуда не получу всех денег сполна./

27 марта. На 31 марта назначены шахские скачки, но так как это приходится как раз в Страстную субботу³⁰, а Посланник, как выкrest, особенно сильно стоит на страже всех религиозных празднеств, ибо, по удивительному выражению персов, «горшок³¹ горячее щей»³², то я, прежде всего, прозондировал через Орановского Посланника – куда, и в дыбы не ввести? /Посланник всего только два года тому назад, на 55^м году жизни, отрёкся от лютеранства и принял православие, сделавшись самым завзятым русаком – Евгений Карлович Бюцов!!!!!!/

Ну, тогда уже ничего более не оставалось, как послать Мартирос-хана к Наibu-эс-Сальтанэ доложить, что мы, русские, не можем быть на скачках 31 марта, ибо это приходится как раз в Четверг на Страстной³³.

Меня особенно напугала вся Российско-Императорская Миссия 6го декабря 1894 года³⁴. С воцарением Николая II царское тезоименитство перешло с 30го августа на 6ое декабря. Но так как это произошло только в нынешнем году и ещё официально даже не объявлены Царские дни, то Посланник при всей Миссии заявлял, что в нынешнем году он не будет вовсе (л. 35) никого принимать 6го декабря. «А на 6ое Шах как раз назначил большие манёвры под Душан-Тепе», – сказал я. «Ну, что же, это ничего», – ответил Посланник.

Накануне, т. е. 5го декабря, вечером я снова зашёл к Посланнику, который играл с Араб-Саабом³⁵ на бильярде, в **обыкновенной форме** и снова заявил, что завтра русские офицеры и урядники не могут быть на молебствии, потому что предстоят большие манёвры. Посланник снова ответил мне, что завтра решительно ничего официального он делать не будет и потому **можно...**

6го декабря по окончании манёвров еду **прямо с манёвров** к Посланнику всё-таки поздравить с тезоименитством нового Императора. Прежде всего сталкиваюсь с французским посланником Балуга – значит, уже это не секрет, что сегодня тезоименитство Русского Императора, если французский посланник явился с поздравлением. Посланник никого не принимал, и потому я с Рафаловичем прошёл к Штриттер (л. 35об.). «Ну хороши же господа русские представители: вместо того чтобы помолиться на молебне за Нового Царя – с персюками воюете», – огорошила меня проКлятая дипломатка. Мне стало больно и обидно, и я не постеснялся вывести на чистую воду всю подлость Посланника в этом вопросе, ибо не могло быть никакого сомнения, что слова «дипломатки» – его отголосок.

Понятно после всего этого, почему я был так осторожен насчёт командования скачками в четверг на Страстной неделе. Поэтому-то я и послал Мартирос-хана к Наibu-эс-Сальтанэ заявить, что мы в четверг на скачках быть не можем, причём поручил всё-таки дать ему почувствовать, что лично я ничего не имею против присутствия на скачках, но что Посланник

против этого. Наиб-эс-Сальтанэ было заартачился, но Мартирос-хан превнушительно дал ему понять, что всё, что нужно будет, я устрою заблаговременно, но что ни сам не пойду, ни из русских никому не позволю – это бесповоротное решение.

Шах страшно извёлся, когда Наиб-эс-Сальтанэ сообщил ему моё решение. Это в данную минуту очень некстати, ибо перед (л. 36) подачею моего решительного рапорта его не следует ничем раздражать. Но, тем не менее, я вынужден был это сделать, ибо раздражать в данную минуту Посланника, без поддержки коего мой рапорт может быть не только не полезен, но, обратно, вреден – ещё более нежелательно. Поэтому из двух зол я решился выбрать меньшее – предпочёл раздражить Шаха в пользу успокоения Посланника. Но, тем не менее, утром я всё-таки сделал ещё одну последнюю попытку – послал Сушкова попытаться склонить Посланника на то, что, дескать, ничего не значит, что скачки назначены на 31 марта, т. е. на Страстной Четверг. Но Посланник безусловно против. При этом он высказал гнусную двуличность: он сказал Сушкову, что, **по желанию полковника** (?!), он напишет Садр-Азаму, что, дескать, сам **полковник** находит это неудобным. На это Сушков ответил ему, что, напротив, полковник решительно ничего не имеет со своей стороны, а что ведь это он же сам, Посланник, восстал против участия русских в Страстной Четверг на скачках. Таким образом, Посланник был уловлён в жульничестве на месте преступления (л. 36об.)/ – явно умышленная забывчивость: дескать, не он, Посланник, не допускает участия русских в Страстной Четверг, а сам **полковник**! Но я не поддался на эту новую дипломатическую подлость и парализовал её тем, что немедленно же послал к Наibu-эс-Сальтанэ Мартирос-хана с соответствующими инструкциями. Так как Сушков тоже, видимо, вилял, то я решился сам ехать к Посланнику, которого застал у Штриттеров, и объяснил ему, что, дескать, ему **ничего беспокоиться** писать Садр-Азаму (мало ли что он там бы понаписал), а что, дескать, я уже передал Наibu-эс-Сальтанэ, что **мы** не поедем на скачку и т. д. и т. д. Посланник успокоился, хотя был видимо смущён.

После ходили часа два по саду. Между прочим, я не выдержал и сказал: «Мне больше всего то, что из слов Вашего Превосходительства, сказанных 25 марта, я заключил, что Вы усомнились в том, будто я готов поставить вопрос ребром и теперь сам норовлю на попятный двор...».

Не всегда были безусловно виноваты одни полковники. Иногда (?) и посланники находили неудобным для себя из-за полковничьих представлений ссориться с Персидским правительством, и потому посланники игнорировали представления наиболее вопиющие несчастных полковников (л. 36об.)/

29 марта 1895 г.

Тифлис

Христос Воскресе!

Почти год как Вы, дорогой Владимир Андреевич, в первый раз показались нам в форме командира Персидской бригады. Забыли, вероятно? А мы только что про это вспоминали. У нас собралось несколько человек офицеров Генерального Штаба, и разговор как-то перешёл на Вас. Надо заметить, что нет более горячих сторонниц, как женщины, и моя Деля отстаивала Вас, точно на поле битвы (хотя никто и не нападал), доказывая, что лучше Вас не было и не будет командира Персидской бригады (л. 39).

Впрочем, она была под впечатлением моего разговора с Зеленым по поводу Вас и Бельгарда, разговора, умышленно мною начатого и имевшего целью побудить Вашего кавказского принцепала представить Вас к награде. Дело в том, что Евстафьев уехал в феврале в Петербург, не успев ничего добиться. Перлик³⁶, когда я завёл речь, ответил уклончиво, и я решил, посоветовавшись с Купцом и Горохом, начать действовать через Зеленого. После не-

скончаемых лабиринтов зеленовской речи договорились до того, что Зеленый представит Вас в дополнительную консульскую норму, опираясь на Манифест, тотчас же (л. 39об.) по получении ответа на посланное в Петербург объяснение по делу Бельгарда. Вне правил представить нельзя, так как все 7 наград «вне правил» на 1895 г. были заняты ещё в декабре 1894 г.

Что касается Перлика, то, хотя мне передавали **по секрету**, тем не менее, сообщаю Вам (пусть останется **между нами**), что Перлик очень обижен, что Вы ему не выхлопотали звезды. Мы с Трофимовым за него похлопотали³⁷, а он нас и забыл, сказал он своему другу, от которого я это слышал. Впрочем, наши звёзды не дают покоя многим. Вр<...> и Тарановский часто (л. 40) заглядывают в отделение с просьбой напомнить Вам о них. Посылаю Вам мою картинку «в звёздах» и ещё раз сердечно благодарю за Ваше внимание, память и хлопоты.

Что сказать о Тифлисе?

Соловьёв назначен вице-директором. **Сахарову** предложили место начальника штаба в Чите. **Одинцов** получил Кабардинский полк. **Прасолову** предложили штаб 11 Кавказской дивизии. **Шульц** устроен своею женою вместо Одинцова. Вот, кажется, и всё. Я был болен *Zoster* два месяца, лечился электричеством и теперь поправился. Зато жена начала скрипеть. Оля готовится усиленно к экзаменам. Обе шлют Вам сердечный привет. Кланяйтесь няне.

Искренне Вам преданный М<...> (л. 40об.)

29 марта³⁸. Вчера Наиб-эс-Сальтанэ сильно беспокоился и требовал к себе Мартирос-хана узнать, сделал ли полковник все соответствующие распоряжения. Сегодня на Майдан-Машке <—> что **сегодня же** я всё устрою и подготовлю для скачек, но что в самый день скачек туда не поеду.

Отсалютовав и отпрапоровав, я увёл бригаду к Даушан-Тепе, где в присутствии шахского адъютанта расставил всю бригаду по скаковому кругу, сделал репетицию сбора и церемониала и только во втором часу пополудни вернулся с бригадою домой.

30 марта. Посланник вдруг загорячился, что я до сих пор не подаю обещанного рапорта, и выразил даже сомнение, уже, дескать, не отдумал ли я. Я моментально уехал домой и весь день и всю ночь просидел за рапортом, составляя примерно новые штаты.

Замечательное дело: в течение 16-ти лет ни одному полковнику не удавалось уломать Посланника посодействовать уничтожению того или другого зла – посланники всегда отпихивали от себя все вопросы, касающиеся бригады, а тут вдруг Бюцов сразу взялся так круто! Видно, неспроста вдруг сразу проявился такой (л. 41) необычайный благодетель! Тут что-то неспроста и, вероятно, есть какая-то связь с другими, политическими, делами Персии. Я слышал, что Режи (табачная монополия) на этот раз хочет взять на себя Россия. Кроме того, осложнения в Астрабадской провинции с йомудами и гокланами тоже должны иметь тесную связь с внезапным пробуждением энергии Посланника. Вместе с тем, возможно также и то, что Посланник ожидает нового назначения и потому решил, прежде чем уйти из Персии, добиться уплаты дефицита, так как он поручился в оба русских банка в исправной уплате бригадою в срок (12 апреля и 16 апреля) 15 000 *туманов*³⁹, что при ныне существующих порядках, разумеется, немыслимо.

31 марта. Страстной четверг. Скачки. Сушков, «Сартип» Гейзлер и я с утра уехали удить рыбу. Наловили много, но выпили ещё больше – приехали пьяно-распьяно. Второй драгоман Миссии Вольф видел нас и в тот же день разнёс эту весть по городу. Вернувшись домой, я адски разругал Елену за неуместные нотации при посторонних, главное же – при урядниках. Гейзлер был также мертвецки пьян, Сушков – немного меньше (л. 41об.).

1 апреля. Утром подал Посланнику свой знаменитый рапорт от 31 марта 1895 г. № 7ой и вместе с тем и копию того же рапорта в переводе на персидский язык для Садр-Азама. После подачи мною этого рапорта Посланник внезапно изменился и сделался неузнаваемо любе-

зен: он, вероятно, убедился, что я вовсе не персидский слуга и что все сплетни относительно того, что за Эмир-Туманскую ленту я готов стоять горой за персюков, лишены всякого здравого смысла.

Теперь надо добиться только, чтобы непременно сам Шах прочёл мой рапорт и притом повидался с Садр-Азамом прежде чем с Наибом-эс-Сальтанэ, который больше всех задет в моём рапорте и потому скорее нагадит, тем более что с Посланником они – враги. Поэтому я, узнав, что Шах должен был получить мой рапорт от Садр-Азама вчера вечером, послал Наibu-эс-Сальтанэ другую копию моего рапорта только сегодня утром.

Да, заварил я кашу – как-то только и удасться мне её расхлебать!!! Если удасться – слава будет великая и положение моё упрочится так, как ничьё до сих пор. Но если не удасться – дело грозит отозванием из Персии русских инструкторов, за что всецело отвечу я один перед Русским правительством... Никто как Бог!!! (л. 42)

Сегодня Страстная Суббота. Бесконечная заутреня и обедня. Скучнейшее официальное разговение у Посланника. При выходе от Посланника он остановил меня в прихожей и, когда все вышли, снова пригласил войти в зал и передал мне свои собственные впечатления при разговоре его с Садр-Азамом, которому Посланник сегодня же свёз и лично вручил мой рапорт при дипломатической ноте. Садр-Азам с глубоким вниманием медленно прочёл весь мой рапорт от начала до конца, глубоко вздохнул, потупился, помолчал несколько минут и затем только сказал: «Как всё то, что этот полковник пишет, удивительно верно понято и ясно изложено. Сегодня же я пошлю этот рапорт Его Величеству Шаху. Он должен, наконец, узнать всё».

Единственный истинный доброжелатель Персии из числа самих персов – это Садр-Азам. Ещё вчера Садр-Азам имел с Шахом такую сцену, за которую в недобрый час у него могла слететь голова с плеч. Шах, жадность которого в последнее время стала доходить до психического расстройства, дабы положить ещё что-нибудь в свои сундуки или, по крайней мере, не вынимать из них на уплату следующих долгов, разорвал на 40 000 *туманов бератов*, поданных ему для уплаты денег различным лицам, из коих почти сплошь все были бедняки. Эта выходка грозила серьёзным волнением народа, чаша терпения которого стала переполняться. Садр-Азам явился к Шаху и резко заявил ему, что просит сложить с него все достоинства и по-прежнему сделать его простым шахским *абдаром* (буфетчиком). Буря была адская: у Шаха сделалось нечто вроде припадка, но, в конце концов, он приказал снова написать все *бераты* (л. 42об.).

Примечания

¹ См. л. 166об.

² Надо сказать, что В.А. Косаговский уделял серьёзное внимание формированию личной библиотеки. Некоторые книги, особенно необходимые ему по роду его деятельности, он заказывал из России. На данный момент у нас нет сведений о том, имелись ли на них владельческие записи или экслибрисы и существуют ли в каких-либо книгохранилищах блоки некогда принадлежавших ему книг. Однако среди его дневниковых записей встречаются каталожные библиотечные карточки, скорее всего, изготовленные уже после возвращения из Персии, на основании которых можно говорить о наличии на этих книгах библиотечных шифров. Так, между л. 25 и 26 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Начальное учение православной христианской веры. На чувашском языке. Тјӓн тѣн кѣнеки. Казань. Тип. К. А. Тилли. 1873*. В левом нижнем углу расположен шифр *Ling. 934*. В правом верхнем углу простым карандашом – *Ч 18*. В правом нижнем углу – *1/8° min. verte*. На обороте карточки *Прежде чем читать эту книжку, следует обратить внимание на «Предупреждение» к ней,*

изложенное на последних страницах, а между л. 41 и 42 вложена библиотечная карточка *Указание пути в Царствие Небесное на чувашском языке. По сочинению Высокопреосвященнейшего Иннокентия Митрополита Московского и Коломенского. Казань. Тип. Имп. Университета. 1893. В правом верхнем углу Ч 20. В правом нижнем углу 2/8^о verte. На обороте Книга I. Царство Небесное. Книга II. Жизнь и страдания Иисуса Христа. Издание Православного Миссионерского Общества.*

³ В тексте *Астерабада*.

⁴ То есть 168 туманов, или 210 рублей золотом.

⁵ Мехр (مهتر).

⁶ Хидайят (هدایت).

⁷ Хади-бек (هادی بیک).

⁸ Пункты 2 и 3 объединены фигурной скобкой, напротив которой имеется надпись *взятых серген-гем Ага-беком*.

⁹ Имеется в виду рапорт №7 от 31 марта 1895 г. См.: *Норик Б.В.* Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 г. // *Восточный архив*. 2018, 1 (37). С. 20-32.

¹⁰ Второй драгоман Российской Императорской миссии в Тегеране. Позднее А.Н. Штриттер сам станет первым драгоманом и «авторитетом миссии по персидскому языку». С.В. Чиркин характеризует Штриттера и его супругу как «радушную русскую пару» (*Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 60).

¹¹ Katzenjammer, нем. – тяжёлое похмелье.

¹² В правой колонке 5 марта – 12 марта.

¹³ Мирза Ахмад-хан 'Ала ад-Доуле был сыном Мухаммад-Рахим-хана Дулу 'Ала ад-Доуле Амир-низама, одного из наиболее знатных придворных Насер ад-Дин-шаха. Унаследовал титул «'Ала ад-Доуле» после смерти отца в октябре 1882 г. В 1885–1886 г. удостоен чина *амир-е туман*. Был правителем в Ширазе, Астрабаде, Керманшахе, а также других городах и провинциях. Известен своим грубым и резким характером. Застрелен возле своего дома на ул. Лалезар 1 декабря 1911 г. (*Бамдад М.* Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 1. С. 89-93).

¹⁴ Саййид Махмуд-хан Диба 'Ала ал-Мульк (1842–1925) был сыном Мирзы 'Али-Асгара Мостауфи и братом Мирзы Мухаммада-Рафи' Табатабаи Низам ал-'улама. Начал свою государственную службу в Азербайджане. Позднее сопровождал Гаффар-хана Садик ал-Мулька в Тифлис. Затем, вернувшись и проработав ещё некоторое время в Табризе, Махмуд-хан перебрался в Тегеран, откуда был направлен в командировку в Лондон. Через полгода он уже служил помощником консула в Хаджи Тархане и вскоре достиг ступени генерального консула. В 1877 г. в связи с переводом его старшего брата Асадуллы-хана полномочным представителем в Санкт-Петербург Махмуд-хан был назначен на его место генерального консула в Тифлисе. В 1883 г. назначен советником иранского посольства в Петербурге. В 1884 г. в связи с вызовом его брата в Тегеран временно исполнял его обязанности, и с этих пор за ним закрепилось прозвище «Шарже д'афер» («поверенный в делах»; chargé d'affaires; شارژ د افر). В 1885–1886 г. Махмуд-хан стал первым секретарём посольства, а в 1886–1887 г. – послом в Петербурге. Титул «'Ала ал-Мульк» получил в 1890 г. В 1895 г. Махмуд-хан назначен послом Ирана в Стамбуле. После убийства Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. Махмуд-хан приложил все усилия для экстрадиции в Иран Мирзы Ака-хана Кермани, шайха Ахмада Рухи и Мирзы Хасан-хана Хабир ал-Мулька. Преуспев в этом деле, он, однако, потерпел неудачу с задержанием Джамаль ад-Дина Афгани, которому покровительствовали англичане. В 1901 г. отозван из Стамбула и назначен правителем Кермана. Позднее занимал пост министра юстиции в кабинетах Атабек-А'зама и Мухаммад-Вали-хана Сепаксалар-А'зама. Похоронен в Куме в семейной усыпальнице (*Бамдад М.* Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 4. С. 39-42).

¹⁵ Хасан-'Али-хан Гаруси Амир-е Незам, имевший также титулы «Салар-е 'аскар» и «Салар-е лашкар», (1822 – 7 января 1900) прослыл как прекрасный каллиграф, мастер эпистолярного жанра и знаток персидской и арабской поэзии. Он был выходцем из старинной семьи, происходившей из курдского племени кабудванд, населявшего Гарус. Начиная с Сафавидской эпохи, его предки занимали достаточно важные государственные должности. Сам Хасан-'Али-хан в довольно раннем возрасте был возведён в чин полковника Гарусского полка, с которым он принимал участие в осаде Герата. В течение 3 лет состоял на должности начальника пограничной стражи Керманшахана. Дела Хасан-'Али-хана пошли в гору только после смерти Мухаммад-шаха Каджара. С 1856 по 1858 г. он занимает

должность хранителя шахских зданий, а затем в качестве шахского представителя посещает Турин, Лондон, Брюссель, Берлин и пр. В 1859 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом Ирана в Париже (после чего за ним закрепилось прозвище «Вазир-мухтар»). По возвращении из Парижа в течение 5 лет был членом Государственного Совета. В 1872 г. Хасан-‘Али-хану был присвоен чин *амир-е тумана*, и его назначили министром «общественных нужд» (*вазир-е фава’ид-е ‘аме*). Он находился в числе свиты, сопровождавшей Насер ад-Дин-шаха во время его первого путешествия в Европу. Титул «Амир-е Незам» был получен им в 1885 г. До 1894 г. был наместником в Курдистане, Керманшахане и Гарусе (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 1. С. 359-367).

¹⁶ Махди (مهدي).

¹⁷ Хамидулла / Хаминаллах (حميد الله).

¹⁸ Хабиб (حبيب).

¹⁹ Следующая строка зачёркнута 2 *сарайдара* – 1 т. 7, в списках про негодных Бот.

²⁰ Кроме того, здесь же имеется три математических расчёта, относящихся к указанным выше расходам.

²¹ В тексте перед словом *теперь* стоит *если*, которое, как представляется, затуманивает смысл.

²² Во второй колонке 13 марта – 20 марта 1895.

²³ См. также: Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 61, 79.

²⁴ Жаргонизм, происходящий от персидского слова *фузуль* (فضول), «любопытный; нахальный, напористый». Следует понимать как «интриги».

²⁵ *Зан-е кахбе* (زن فحبه) – проститутка.

²⁶ Мисль-Рустем замечает: «Персы не только красноречивы в разговоре, но и красноречиво ругаются. Чего только не наскажет во время руганья перс: и “го-хорд” – “ешь грязь”, и “педер сухте” – “сожжённый твой отец” и т.д.; но самой сильной руганью и оскорблением у них считается, когда говорят “гури-педерет”, т.е. “гроб отца твоего оскверню”. Ругаются у персов все, даже знать, но до драк, как у нас, редко доходит» (Мисль-Рустем. С. 37).

²⁷ *Педар сухте* (پدر سوخته) – каналья, мерзавец.

²⁸ К сожалению, самой этой истории автор «Дневника» не излагает.

²⁹ На л. 22об. имеется запись *Всего офицеров – 173, пенсионеров – 108, сартипов – 27*. Кроме этого, здесь же мы находим математические расчёты – видимо, финансовые.

³⁰ Описка автора дневника. На самом деле – четверг.

³¹ Сверху подписано *миска*.

³² Имеется в виду персидская поговорка *косе гярттар аз ош* (کاسه گرمتر از آش), которая дословно переводится как «миска горячее супа» и эквивалентна русским поговоркам «святое Папы Римского», «большой католик, чем сам Папа».

³³ Далее зачёркнуто *Наиб-эс-Сальтанэ было заартачился*.

³⁴ В тексте стоит «1895» год. Однако, несомненно, имеется в виду год 1894-й. В противном случае остаётся признать, что данный текст написан после 6 декабря 1895 г., а это маловероятно, поскольку, во-первых, В.А. Косаговский занимался своими дневниковыми заметками довольно регулярно и столь большой временной разрыв едва ли возможен, а, во-вторых, контекст ясно указывает на то, что весь следующий пассаж представляет собой воспоминание о событии, имевшем место до 27 марта 1895 г. Кроме того, заметим, что 6 декабря 1895 г. наш автор, по его же собственным словам, был болен и весь день не вставал с постели (см. л. 215).

³⁵ Т.е. с Григоровичем.

³⁶ Генерал-лейтенант Пётр Тимофеевич Перлик в 1889 г. был назначен начальником штаба Кавказского военного округа (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 91об.).

³⁷ Перлик, в частности, по протекции своего старинного товарища, некоего Гаврилова, ходатайствовал за Косаговского в 1889 г. для перевода последнего в штаб Кавказского военного округа на открывающуюся вакансию обер-офицера по поручениям (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 91об.).

³⁸ В правой колонке 29 марта – 3 апреля 1895.

³⁹ В РГВИА хранится два заёмных письма: 1) на 70000 *кран* (= 7000 *туманов*) от 6 апреля 1895 г. № 58, по которому через 3 месяца полковник Косаговский обязуется вернуть указанную сумму сполна Ссудному Банку Персии (подтверждено Миссией; на обороте красным карандашом написано «Погашено»); 2) на 50000 *кран* (= 5000 *туманов*) от 16 апреля 1895 г. № 78, по которому через 3 месяца Косаговский обязуется вернуть указанную сумму сполна Отделению Московского международного торгового банка в Тегеране (подтверждено Миссией; оплата была исполнена только к 22 апреля 1896 г.) (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1–2).

Р.И. Беккин

ПЕРЕПИСКА Б.В. НИКОЛЬСКОГО С ЛИДЕРАМИ ПАРТИИ «СИРАТ АЛЬ-МУСТАКИМ»

В последние годы вырос исследовательский интерес к истории взаимодействия российских мусульман с представителями правомонархического (черносотенного)¹ движения в начале XX столетия. Данная проблематика затрагивается как в общих работах, посвящённых черносотенному движению, так и в специальных публикациях². Как видно из одних только названий приведённых в сноске работ, подавляющее большинство авторов ограничивают географические рамки своего исследования Волго-Уральским регионом (И.Е. Алексеев, К.В. Максимов, Е.М. Михайлова).

Характерной чертой, присущей значительной части публикаций из приведённого мною списка, является то, что они зачастую носят ярко выраженный тенденциозный характер. Так, например, казанский историк И.Е. Алексеев затрагивал тему сотрудничества мусульман с черносотенцами ещё на страницах своей диссертации «Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905 – февраль 1917 г.)», защита которой состоялась в 1997 г.³ В данной работе он отмечал, что большая часть попыток создать национальные правомонархические организации оказалась неудачной⁴.

В своих последующих публикациях И.Е. Алексеев стал уделять всё больше внимания участию в черносотенном движении национальных меньшинств, прежде всего, татар-мусульман. Используя немногочисленные, известные в основном по архивным материалам и мемуарной литературе, случаи сотрудничества мусульман с правыми монархистами, Алексеев пытается обосновать свой тезис о массовом характере поддержки правых монархистов со стороны мусульман Казанской губернии⁵.

Для укрепления своей позиции Алексеев обращается к судьбам отдельных рядовых

мусульман, демонстрировавших свои верно-подданнические чувства. Так, например, одна из статей Алексеева посвящена полицейскому чину Бикбулату Мухаметзянову, ставшему случайной жертвой революционеров во время революции 1905–1907 гг. Убитый социалистом (большевиком или эсером Семёновым) Мухаметзянов был внесён в «Книгу Русской Скорби» (КРС), издававшуюся с 1908 по 1914 год. Это издание печаталось по инициативе Главной палаты «Русского народного союза имени Михаила Архангела» (РНСМА) – черносотенной организации, занимавшейся, в том числе, организацией еврейских погромов.

Одной из наиболее популярных у исследователей «мусульманского следа» в черносотенном движении является тема участия богослова и будущего муфтия Галимджана Баруди в промонархической манифестации, проходившей в Казани 22 октября 1905 г. и приуроченной к падению Казанской городской коммуны⁶. Вокруг этой манифестации и участия в ней Баруди за сто с лишним лет возникло много домыслов и спекуляций.

Факт участия в манифестации Баруди – известного лидера джадидов – не вызывает спора у представителей различных точек зрения⁷. Однако дискуссионными остаются мотивы Баруди, побудившие его принять участие в массовом шествии с присутствием черносотенцев. В задачи данной статьи не входит детальное рассмотрение этого вопроса. Отметим лишь, что если бы Баруди действительно был тем черносотенным муллой, каким его рисуют советский алармистский историк Л. Климович⁸ и не менее ангажированные авторы из среды русских националистов⁹, то едва ли бы мусульмане после Февральской революции избрали его муфтием в мае 1917 года.

Достаточно вспомнить, что произошло с предшественником Баруди на посту руково-

дителя муфтията в Уфе – Мухаммед-Сафой Баязитовым (1877–1937). Одним из первых коллективных действий мусульман после Февральской революции 1917 г. стало отстранение от должности Баязитова и его домашний арест «как лица, скомпрометированного приверженностью к старому режиму и много лет боровшегося против прогрессивных течений среди мусульманского населения всеми средствами»¹⁰. Было бы странно ожидать, что всего через два месяца мусульмане изберут своим духовным лидером другого «черносотенного муллу».

Навешивание ярлыков на мусульманских религиозных деятелей, в том числе придерживавшихся прогрессистских (джадидских) взглядов, получило распространение в советской исторической науке благодаря таким авторам, как уже упоминавшийся Л. Климович.

В своей книге «Ислам в царской России» Климович стремится показать, что в союзе с черносотенцами было заинтересовано всё мусульманское духовенство, как кадимисты, так и джаиды¹¹. Для Климовича слова «черносотенный» и «верноподданный» фактически служат синонимами.

Особое внимание в своей книге Климович уделяет уже упоминавшемуся ранее Мухаммед-Сафе Баязитову, которого он именуется не иначе как «ставленником охранки»: «Муфтий Баязитов был достоин полученной им от царя награды. Он делал всё для наибольшего закабаления исповедующих ислам народов под скипетром русского самодержца. Как ставленник охранки – он согласовывал каждый свой шаг с планами своих именитых начальников. К этому призывал он и всё своё “святое” воинство – всех вверенных ему мулл»¹².

Имидж креатуры охранки прочно закрепился за Баязитовым и употреблялся в литературе на протяжении всего советского периода. Однако никаких документальных подтверждений тому, что последний муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) был сотрудником Охранного отделения Департамента полиции («охранки») МВД Российской империи,

нет. Доказательств сотрудничества Баязитова с «охранкой» не было предъявлено и в 1932 и 1937 г., когда Мухаммед-Сафа хазрат был арестован органами ОГПУ–НКВД.

Например, в деле 1932 г. все упоминания о связях Баязитова с «охранкой» опирались не на документы, а на показания проходивших по делу свидетелей и обвиняемых. Так, один из свидетелей Семиулла Ахтямов заявлял, что «всем татарам известно, что Баязитов в прошлом работал в охранке»¹³. Бывший член «двадцатки» Гиниатулла Чепаев утверждал: «О Баязитове мне известно, что он в дореволюционное время, как и его отец, состояли чиновниками царского правительства. Старались препятствовать национальной деятельности мусульман, работали не в пользу мусульман, а во вред их. Так, как я слышал, ими были выданы правительству передовые муллы и лица г. Ленинграда и Казани. После революции Баязитов якобы бежал из Ленинграда»¹⁴.

Сам бывший муфтий категорически отрицал свои связи с охранным отделением: «В охранке я не служил и наоборот, презирал её»¹⁵. Он отвечал, что имел контакты только с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий при МВД¹⁶ «по линии культа»¹⁷.

Установить источник слухов о связях Баязитова с охранкой довольно сложно. Можно выдвинуть гипотезу, что в бытовом сознании верноподданныческая правовомонархическая позиция Баязитова могла послужить причиной для подобных слухов. Тем более, что Мухаммед-Сафа хазрат в дореволюционные годы не скрывал своих политических взглядов и сотрудничал с представителями правовомонархического движения. Одним из лиц, с которыми Баязитов активно взаимодействовал в петербургский период (до назначения в 1915 г. муфтием в Уфу), был Борис Владимирович Никольский (1870–1919) – русский правовед, литературный критик и поэт.

Ещё студентом Санкт-Петербургского университета Никольский становится приверженцем монархических идей. Когда Борис Владимирович стал преподавать в уни-

верситете в качестве приват-доцента, он, не стесняясь, излагал свои политические взгляды перед аудиторией. Примечательно, что среди студентов, у которых Никольский пользовался популярностью, были «восточные инородцы – кавказцы и азиаты»¹⁸. Взгляды правого приват-доцента стали причиной его конфликтов с коллегами по университету. После сорвавшейся защиты докторской диссертации Никольский сосредоточился на адвокатской практике.

В 1903 г. Никольский стал членом правомонархической организации «Русское собрание». Пик политической активности Никольского пришёлся на годы первой русской революции 1905–1907 гг. В 1905 г. Борис Владимирович вошел в состав Совета одной из наиболее известных черносотенных организаций – Союза русского народа. В том же году Никольский поступил личным секретарем к генералу Е.В. Богдановичу, прославившемуся изданием верноподанных брошюр. В конце 1905 – начале 1906 г. Никольский выступил одним из организаторов Всероссийского съезда русских людей, в котором приняли участие представители черносотенных организаций со всей страны. Активная политическая деятельность Никольского закончилась в результате конфликта между различными группами в расколовшемся черносотенном движении. Никольский поддержал радикального черносотенца А.И. Дубровина против более умеренного Н.Е. Маркова. Никольский был исключен из членов «Русского собрания».

В рассматриваемый нами в настоящей статье период (1913–1916 гг.) Никольский был профессором римского права в Училище правоведения в Санкт-Петербурге, где также преподавал курс новейшей русской словесности. С конца 1913 г. Борис Владимирович стал ординарным профессором юридического факультета Юрьевского университета, а с 1914 г. в качестве приват-доцента читал лекции по кафедре латинской словесности в том же учебном заведении. При этом Никольский не оставил и адвокатской практики. Работа присяжным поверен-

ным, преподавательская, литературная и общественная деятельность тех лет нашли отражение на страницах дневника, который Борис Владимирович регулярно вел с середины 1890-х гг.

Дневник Никольского, наряду с письмами к нему М.-С. Баязитова, является основным источником, который позволяет пролить свет на характер сотрудничества этих двух деятелей правомонархического движения.

Дневник, оригинал которого хранится в РГИА, был опубликован в 2-х томах в 2015 г.¹⁹ Жанр, в котором написан данный текст, не позволяет понять деталей описываемых событий, если не известен их исторический контекст. Но, к счастью, в тех фрагментах дневника, где упоминается Баязитов, речь, как правило, идёт о хорошо известных событиях.

Вместе с фамилией Баязитова на страницах дневника часто можно встретить фамилию Байрашева. Фатих Атауллович Байрашев (?–1917) был другом и единомышленником Баязитова, когда тот ещё служил имам-хатибом второго магометанского прихода в Санкт-Петербурге. Фатих Атауллович был ресторатором, владельцем торгового дома «Канд. Ком. Ф.А. Байрашев Ко»²⁰. Байрашев арендовал несколько ресторанов и буфетов на вокзалах Петербурга и Петербургской губернии. Так, в дневнике Никольского упоминается его участие как юридического представителя Байрашева в конкурсе на получения права аренды буфета на Варшавском вокзале: «А на Варшавском вокзале его надули самым мошенническим образом: без торгов возобновили контракт с его конкурентами на три года. Каков негодяй Валуев²¹! Я попробую выяснить это дело и, если можно, проучить негодя за обман и двуличие»²².

Однако Байрашев не ограничивался одним только ресторанным делом и принимал участие в общественно-политической жизни. Он был одним из инициаторов создания правой партии – мусульманского народного союза «Сират аль-мустахим» («Прямой путь»), о котором также упоминается на

страницах дневника: «Вчера редактировал окончательно устав Сыратуль Мустахим»²³.

В 1913 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИ) МВД Российской империи поступило прошение об учреждении мусульманского народного союза «Сират аль-мустахим», под которым стояло четыре подписи: кандидата коммерции Фатиха (Фатыха) Атаулловича Байрашева, ахуна Санкт-Петербурга Мухаммед-Сафы Атаулловича Баязитова, ахуна 1-й Соборной мечети г. Троицка Ахмад-хаджи Рахманкулова и почётного гражданина, купца Хабибуллы Хасановича Ялышева. Под окончательным вариантом прошения об учреждении союза стояли только две подписи: Байрашева и Баязитова²⁴.

Весной 1914 г. «Сират аль-мустахим» был зарегистрирован. Прогрессивная мусульманская общественность появление Союза встретила негативно. «Сират аль-мустахим» называли черносотенной организацией. Ему так и не удалось стать эффективным инструментом влияния консервативно настроенной части мусульманского общества на политическую жизнь единоверцев, и постепенно его деятельность сошла на «нет».

Никольский не только подготовил устав партии, но и содействовал регистрации «Сират аль-мустахим». Дело в том, что губернаторы на местах скептически отнеслись к созданию общероссийской мусульманской партии. Не было полной поддержки и в Петербурге. Любая консолидация мусульман (пусть и на правой платформе) рассматривалась как потенциальная угроза для общественного строя²⁵.

В 1915 г. Байрашев выступил с новой инициативой – издания газеты «Ислам ва магариф» («Ислам и культура»). Данный проект не был реализован, однако на следующий год в Петербурге было учреждено благотворительное общество под тем же наименованием, что и задуманная Байрашевым газета. «Ислам ва магариф» задумывалось как консервативная альтернатива Мусульманскому благотворительному обществу в Санкт-Петербурге (МБО), вокруг которого группировалась прогрессивная часть

мусульманской общины столицы. Однако, в отличие от МБО, благотворительное общество «Ислам ва магариф» так и не смогло проявить себя.

Таким образом, Байрашев был активным деятелем правомонархического движения среди мусульман. Судя по дневнику Никольского, можно сделать вывод, что именно Байрашев оплачивал адвокатские услуги Никольского, оказываемые как ему лично, так и некоторым другим лицам (по крайней мере, Баязитову)²⁶.

На основании дневниковых записей Никольского я попытаюсь выделить следующие виды услуг, которые Никольский оказывал либо непосредственно Баязитову и Байрашеву, либо третьим лицам по рекомендации кого-нибудь из них.

1) Защита частных интересов М.-С. Баязитова. «26 июня [1913 г.]... Вернулся Баязитов и говорил в телефон. Видимо, запутался денежно, – пищит»²⁷.

2) Подготовка устава партии «Сират аль-мустахим». «23 июня [1913 г.]... Сегодня писал устав Байрашеву. Не кончил, но хорошо и много писал. Мой огромный опыт по Русскому собранию, Союзу, кружкам, делу Вольфов, делам гомеопатов, Училищной комиссии выразился в этом уставе вполне. Завтра хотелось бы его кончить, да боюсь, что не успею»²⁸. «13 августа [1913 г.]... Вечером был Байрашев с уставом. Устав разобрали»²⁹ и др.

3) Защита интересов Ф. Байрашева в коммерческих делах. «18 апреля [1914 г.]... Вот разве сегодня Байрашев оставит Варшавский вокзал за собою – тогда, по крайней мере, деньги будут; а то и насчёт денег неловко»³⁰. «5 июня [1914 г.] ... был у Брюна по делу Байрашева, привлёк его к содействию»³¹ и др.

4) Защита интересов третьих лиц по ходатайству Байрашева и/или Баязитова. «30 сентября [1913 г.]... Сегодня еще 2000 р[ублей] заработал у Байрашева по делу его протеже Проскурякова. Почаще бы так! А спасибо татарам, – они мой главный ресурс... Сейчас опять придёт Байрашев»³². «25 января [1913 г.]... Получил через Зи-

новьева и Баязитова дело Курбангалиева...»³³. «9 июля [1913 г.]. Затем был Баязитов, — я условился на 800 р[ублей] вести дело Курбангалиева в Сенате. Деньги до зарезу нужны, а то бы я дороже взял»³⁴ и др.

Как видно из материалов дневника, Баязитов в основном взаимодействовал непосредственно с Никольским по делу Курбангалиева³⁵. Что касается вопросов, связанных с подготовкой устава, то чаще всего с Никольским по этому вопросу контактировал Байрашев либо один, либо вместе с Баязитовым. То, что Баязитов не был главным действующим лицом в вопросе создания «Сират аль-мустахим», подтверждают и другие документы.

После ареста в Ленинграде Баязитов показал на допросе в мае 1932 г., что инициатива по созданию «Сират аль-мустахим» принадлежала Фатиху Байрашеву³⁶. На первый взгляд, подобным утверждениям едва ли можно доверять. Баязитов, оказавшись в тюрьме, по вполне понятным причинам стремился уменьшить свою роль в политической жизни дореволюционной России. Приписывая всю инициативу Байрашеву, он не ставил под удар друга, который был давно уже мертв. Но есть и другое документальное свидетельство, которое может рассматриваться как более весомый аргумент в защиту тезиса о том, что Баязитов не был инициатором и главным действующим лицом в союзе «Сират аль-мустахим».

В 1914 г. в газете «Нур», главным редактором которой был М.-С. Баязитов, было напечатано «Разъяснение». Это был ответ на публикацию в № 5 издававшейся в Москве татарской газеты «Иль», где Баязитов был назван автором и главным инициатором создания «Сират аль-мустахим»³⁷. В «Разъяснении» Мухаммед-Сафа хазрат категорически отвергал данное утверждение, прямо указывая, что «автор и инициатор союза — Фатих Байрашев»³⁸.

Байрашев тогда был ещё жив, равно как и адвокат Б.В. Никольский, поэтому вводить в заблуждение мусульман при таком количестве свидетелей Баязитов вряд ли бы решился. Это, впрочем, и в глазах мусульман

из левого лагеря в 1914 г., и в глазах органов ОГПУ в 1932 г. не снимало с него ответственности как с лица, поставившего свою подпись под обращением к министру внутренних дел с ходатайством зарегистрировать устав «Сират аль-мустахим».

В письме Баязитов говорит о сложившейся ситуации, когда чиновники не хотели регистрировать «Сират аль-мустахим» как всероссийскую партию. С точки зрения государственных бюрократов, любая консолидация мусульман, даже на промонархической платформе, выглядела подозрительной. Поэтому они по принципу «как бы чего не вышло» решили не давать зелёный свет Союзу. Такая позиция отражена в письмах от ряда губернаторов, направленных в Департамент духовных дел иностранных исповеданий³⁹. Некоторые чиновники советовали ограничить деятельность Союза Петербургом. В одном из писем Байрашев выражает досаду по этому поводу и выражает удивление, что левые очень быстро узнают обо всех его с Баязитовым действиях⁴⁰.

Однако переписка Баязитова и Байрашева с Никольским не исчерпывается вопросами, связанными с подготовкой устава и регистрацией союза «Сират аль-мустахим». В письмах затрагиваются такие вопросы, как участие Никольского в деле Курбангалиева в качестве адвоката, и др.

Это был непростой случай с точки зрения юриспруденции. В 1902 г. общество прихожан соборной мечети села Медиак Мухаммед-Кулуевской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии постановило избрать имамом Мухамед-Габдулхай Курбангалиева (1889–1978) — сына суфийского ишана Габидуллы Курбангалиева. Однако Оренбургское губернское правление, которое в соответствии с действующим законодательством должно было утверждать подобные назначения, в мае 1904 г. отклонило ходатайство общества мусульман. Между тем, в том же году Курбангалиев получил указ ОМДС от 28 июня о назначении его имамом. Указ основывался на решении Оренбургского губернского правления от 10 июня о назначении его на должность

имама. Таким образом, в распоряжении Курбангалиева было два взаимоисключающих друг друга документа. У части прихожан мечети возникло подозрение, что документ об утверждении имама подложный, и они через своего представителя попытались обжаловать дело в Сенате. Рассмотрение дела затянулось на 10 лет⁴¹.

Баязитов находился в дружеских отношениях с Курбангалиевым и даже пытался устроить его на должность имам-хатиба Соборной мечети в Петрограде⁴². Мухаммед-Сафа обратился к Никольскому, участие которого способствовало решению дела в Сенате.

То, что Баязитов ходатайствовал по делу своего отца друга и единомышленника, выглядит вполне естественным и закономерным. На этом фоне любопытным выглядит письмо, в котором муфтий хлопочет перед Никольским за человека, который принадлежал к противоположному политическому лагерю – купца Усманова⁴³: «К Вам, досточтимый Борис Владимирович, по телефону обратится с просьбой принять его оставшийся на моем месте Петроградский военный ахун Девлеткамов⁴⁴. Дело в следующем: здешнего уфимского купца мусульманина Усманова (между прочим, прогрессиста; так что с ним только о деле можно говорить) по вине его приказчика присудили к тюремн[ому] заключению на 10 м[есяцев]. Ему, как видному общественному деятелю, весьма позорно сидеть 10 м[есяцев]. И он, в случае отказа в Сенате (дело слушается 16 с[его] м[есяца]), хочет просить Высочайшей милости о смягчении ему наложенного наказания. Хотя он мне не единомышленник, но мой духовный сын, и мне было неудобно отказывать в известной любезности»⁴⁵.

Процитированный фрагмент характеризует Баязитова как человека, умевшего быть выше идеологических разногласий. Письмо было написано 12 сентября 1916 г. Таким образом, взаимодействие Баязитова с Никольским продолжилось и после того, как Баязитов покинул Петербург в связи с назначением на должность муфтия в Уфу. Никольский продолжал оказывать юридиче-

ские услуги лицам, рекомендованным Баязитовым. Вероятно, продолжилось и юридическое обслуживание Никольским коммерческих дел Байрашева, хотя на страницах дневника после 1914 г. фамилия этого ресторатора (равно как и Баязитова) уже не встречается.

Как видно из тех фрагментов дневника, в которых упоминаются представители правого лагеря в мусульманской среде, все они рассматриваются Никольским исключительно как источник дохода («спасибо татарам, – они мой главный ресурс»⁴⁶). На основании дневника и имеющихся в нашем распоряжении документов нельзя утверждать, что Никольского не интересовали политические взгляды Баязитова, Байрашева, Курбангалиева, а взгляды были эти близки его собственным. Однако те источники, которыми мы располагаем, позволяют сделать выводы, что Никольский не испытывал к своим клиентам-мусульманам и их воззрениям никакого сочувствия. Более того, он иногда открыто насмехается над своими клиентами, когда те столкнулись с проблемой при учреждении союза «Сират аль-Мустахим»: «Сегодня были утром Байрашев с Баязитовым. У них заминка: вместо Расулева⁴⁷ подписался Рахманкулов, а Шейх-Али, как и надлежит восточному генерал-майору 67 лет, приговорён на 2 недели ареста за непотребство, а именно за посещение дома свиданий с малолетними проститутками. Согласитесь, что после этого никак нельзя его записывать в учредители общества, поставившего себе целью борьбу с разрушительными и противогосударственными течениями в мусульманстве. Хохотал я чуть не до слёз, но делать нечего: восточные нравы»⁴⁸. Баязитова в дневнике Никольский именует «плутом»⁴⁹ и «плутоватым ахуном»⁵⁰, а Байрашева «негодяем»⁵¹, «мерзавцем»⁵², «канальей»⁵³.

Можно было бы отнести это на счёт характера взаимоотношений Бориса Владимировича с Баязитовым и Байрашевым, однако другие примеры указывают на то, что подобные характеристики Никольский позволял себе не только в адрес своих единомышленников из числа мусульман. Так, своего

патрона генерала Богдановича, которому Борис Владимирович не в последнюю очередь обязан своими связями в министерских кругах, он рассматривает исключительно как дойную корову, не стесняясь называть этого правомонархистского деятеля «старой канальей»⁵⁴ и «старым подлецом»⁵⁵ и т.п. Стоит ли в таком случае ожидать, что по отношению к иноверцам Баязитову и Байрашеву Никольский будет более почтителен? Ответ на этот вопрос очевиден.

В своём отношении к мусульманам-правомонархистам Никольский не был одинок среди русских консерваторов. Мусульмане по преимуществу воспринимались русской консервативной публикой как чужие, даже если исповедовали близкие к их собственным воззрениям политические взгляды, как показывает ряд моих публикаций⁵⁶. Исключение в ряду деятелей монархического движения составляет Василий Львович Величко (1860–1903). Этот деятель правомонархического лагеря, которого называют одним из отцов-основателей черносотенного движения⁵⁷, курировал отца Баязитова – Атауллу (Гатауллу), когда тот был назначен имамом второго магометанского прихода Санкт-Петербурга. Величко не только ввёл Баязитова-старшего в круг петербургских литераторов и художников, но и в дальнейшем активно выступал в своих публицистических текстах за сближение консервативно настроенной русской публики с их единомышленниками из среды мусульман. На примере Баязитова Величко пытался показать, как важно для поддержания лояльности мусульманских подданных империи формировать среди последователей ислама элиту, которая придерживалась бы правомонархических взглядов. Однако повторяюсь: Величко оказался исключением, для большей части правых монархистов мусульмане были чуждой силой, попутчиками, которых следовало терпеть, пока они разделяли их идеи.

В современной России наблюдаются похожие процессы. Некоторые мусульманские религиозные деятели открыто демонстрируют приверженность правой идеологии, однако близкие им идейно русские национали-

сты не готовы воспринимать их в качестве своих товарищей и единомышленников⁵⁸.

Приложение 1. Письма Ф.А. Байрашева к Б.В. Никольскому⁵⁹

Письмо 1

Фатих Антонович
Байрашев
Кандидат коммерции
Ст. Любань, Ник[олаевская] жел[езная]
дор[ога]

Ст. Любань, 10 марта дня 1913 г.
Глубокоуважаемый Борис Владимирович
Присылая Вам при сём обещанные газеты, усиленно прошу Вас не отказать в возможном содействии по интересующему нас вопросу.

Пользуюсь случаем выразить Вам искреннюю признательность за оказанное Ваше внимание и любезную поддержку, которая успела укоренить в нас уверенность в достижении намеченной и желаемой цели.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Готового к услугам

[Подпись] Ф. Байрашев

Письмо 2

Фатих Антонович Байрашев
Кандидат коммерции
Член Попечительного Комитета приюта
Е. И. В. Государыни Императрицы
Марии Федоровны

Ст. Любань, Ник[олаевская] ж[елезная]
д[орога],
29 декабря 1913 г.

Глубокоуважаемый Борис Владимирович
Присылая справку г. Савойского, дополнительно сообщаю Вам, что серьезным конкурентом на место во Псков является лишь прокурор из Петрозаводска Грин. Кроме него, имеют якобы возможность рассчитывать ещё двое, это прокурор из г. Орла Плетнёв и тов[ариш] прокур[ор]а СПб. окружного суда Цветаев. Все они моложе Савойского по

службе. Последний, чего я не сказал вчера, именно и дошёл самостоятельно до этой должности благодаря конкурсу обвинителей, о чём Вы в разговоре упомянули. Тысячу раз извиняюсь перед Вами за беспокойство, тем более, что я поставлен в такие условия, но всё же очень прошу оказать возможное содействие моему протезу, всё же полагая хоть чем-нибудь в будущем компенсировать Вашу чрезвычайную любезность. Повторяю, что так или иначе я постараюсь быть чем-нибудь Вам полезным. Вопрос этот открыт до первых чисел наступающего года.

Вчера видел Баязитова. Он хотел побывать у вас, но дело в том, что про наши начинания узнали через Департамент левые (в СПбурге и в провинции) и иронизируют в отношении нас, распуская ложные слухи и предположения. Это нисколько меня не огорчает, вчера я морально поддерживал Баязитова, но дело в том, что, не имея ничего в руках своих законного, утверждённого, мы не можем выступать официально против левых. Последние категорично заявляют, что о широких правах (Всероссийском Союзе) нам и мечтать нечего и что это просто наша блажь. Неужели, Борис Владимирович, в монархической стране такая участь может постигнуть правую организацию!!! Что за люди в этом Департаменте. Я сам вчера нарочно встречался с левыми и убедился, что о всём, что мы только ни делали у министра, у Менкина⁶⁰ – в Департаменте, они осведомлены. Однако же и провокаторы сидят там на славу. Я не знаю, как теперь быть. Эти слухи не испортили бы нам всего дела, да ещё вдобавок если нас урежет Министерство вопреки интересам государства.

Простите за беспокойство, но Вы поймёте мое волнение.

Вчера я оставил у Вас брошюрку, которую Вы мне презентовали. Не откажите передать её подателю.

Всегда готовый к услугам Вашим.

Душевнопреданный

Вам Ф. Байрашев

P.S. Очень тороплюсь, извините, что написано довольно небрежно.

Приложение 2

Письма и телеграммы М.-С. Баязитова
к Б.В. Никольскому⁶¹

Письмо 1

25 июля 1913 г.

Глубокопочтимый г. профессор!

Ваше уважаемое письмо получил. Приношу сердечную благодарность за Вашу любезность. Сейчас получил письмо от Курбангалиева. Они переводят, но я не дожидаясь оно-го в воскресенье или понедельник (полагаю, в понедельник для Вас будет <нрзб>) съезжу к Вам. Байраш сегодня уехал в Кисловодск; провожает Рухлова⁶² в Кисловодск и вернётся лишь в среду. Нужно немедленно отправить бумагу Курбангалиева; 14-го августа истекает срок апелляции. Если их перевод до понедельника не придёт, я соберу сам и повезу Вам.

Байраш удостоился высочайшей награды – получить золотые часы с цепочкой и гербом, осыпанными бриллиантами. Так что сегодня я его утром в 9 час. (до получения Вашего письма) видел и нашёл возгордившимся, о чём и дал понять ему. Пожалуйста, Борис Владимирович, приготовьте жалобу Курбангалиева; нужно бы не позже среды сдать её на почту. Они пишут, что по-русски сами изложат⁶³ для Вас кое-какие сведения и перешлют через меня.

Кланяюсь Глубокоуважаемой Екатерине Сергеевне, Владимиру и Роману Борисовичам.

<Нрзб> Вам

Ваш покорный слуга
С. Баязитов

Письмо 2

31 июля 1913 г.

Глубокопочтимый Борис Владимирович!

Так и не дописаны следующие строки Губ[ернского] правления об отобрании указа Курбангалиева. Спешу Вам доставить: эти строки следующие:

Закон 1085 ст. уг[оловного] суд[опроизводства] приказали: рассмотрев настоящее дело, Губ[ернское] Правл[ение] не усматривает в нём каких-либо служебных проступ-

ков Курбангалиева, и имея в виду, что в дознаниях имеются указания на противоправительственную деятельность Курбангалиева, правление определяет...

Будьте здоровы
Преданный Вам

С. Баязитов

Письмо 3

25 августа 1913 г.

Глубокочитимый Борис Владимирович!

Я благополучно доехал до Нижнего. Пробуду здесь до 29-го.

В день отъезда я был у начальника отделения Тарановского⁶⁴ и показал ему устав. Для более подробного ознакомления он просил меня оставить у него до моего возвращения. При мне он бегло просмотрел несколько §§ и понял, что в основу положены уставы правых организаций. Хотя он ознакомился и бегло, поверхностно, но, по его мнению, трудно рассчитывать на утверждение устава, если он будет [иметь] возможность действовать и в провинции. Не лучше ли, по его мнению, пока довольствоваться Петербургом и потом, если дело разовьётся, войти с ходатайством о разрешении открыть отделы. Должен Вам сказать, что его мнение не было для меня новостью, но ведь мы, в лице Вас, поэтому-то и хотим предупредить г. Министра, объяснить ему, что за цель этой организации. Ответ Тарановского вполне понятен, как сухого чиновника.

Обязательную беседу с ним мы условились вести по моём возвращении.

Затем, дорогой Борис Владимирович, к Вам у меня просьба: не откажите разузнать достоверно о том, уходит (убирают) ли Уфимск[ий] губерн[атор] и кто будет его преемником? При свидании с Вами Вы сказали, что можете разузнать точно. Очень прошу Вас не отказать протелеграфировать достоверное сведение по адресу: Нижегородская Ярмарка, близ мечети, Хасану Акчурина Баязитову.

До 29-го вкл. я буду в Нижнем. Этой любезностью премного обязали бы меня.

Привет Вашей многоуважаемой семье.

Искренне преданный Вам С. Баязитов

Письмо 4

Оренбургский муфтий

12 сент. 1916 г.

г. Уфа №...

Глубокоуважаемый Борис Владимирович!

Шлю Вам и многоуважаемой Екатерине Сергеевне с детьми мой искренний привет и горячие молитвы за Ваше благоденствие на многие и многие годы.

К Вам, досточтимый Борис Владимирович, по телефону обратится с просьбой принять его оставшийся на моём месте Петроградский военный ахун Девлекамов.

Дело в следующем: здешнего уфимского купца мусульманина Усманова (между прочим, прогрессиста; так что с ним только о деле можно говорить) по вине его приказчика присудили к тюремн[ому] заключению на 10 м[есяцев].

Ему, как видному общественному деятелю, весьма позорно сидеть 10 м[есяцев]. И он, в случае отказа в Сенате (дело слушается 16 с[его] м[есяца]), хочет просить Высочайшей Милости о смягчении ему наложенного наказания.

Хотя он мне не единомышленник, но мой духовный сын, и мне было неудобно отказывать в известной любезности.

Посему и решаюсь беспокоить Вас просить: если возможно назначить через Девлекамова им приём. Если же нельзя, то не стоит и принимать. Само собой разумеется, они гонорар за юридическую помощь уплатят.

Будьте здоровы.

Желаю всего наилучшего

Искренне уважающий Вас

С. Баязитов

Телеграмма 1

Офицерская три

Никольскому семейством

Из Петербурга № 647820

Принята 14/4 1915 г.

Сердечно поздравляю светлым праздником шлю наилучшие пожелания и горячие молитвы о ниспослании Всевышним вам

здравия благополучия на многие и многие
годы пользы престола и дорогого отечества

Ахун города Петербурга
Баязитов

Телеграмма 2

Борису Владимировичу Никольскому
Из Петербурга № 699063
Принята 27/VII 1913 г.

Приеду вторник
Баязитов

Телеграмма 3

Офицерская три
Борису Владимировичу Никольскому
Принята 1 января 1915 г.

Сердечно поздравляю вас вашу много-
уважаемую семью Новым годом

Молю Аллаха дабы Он ниспослал Вам
здравия благоденствия многие многие годы.
Да ниспошлёт Всевышний полное сокруше-
ние дерзких врагов дорогого нашего Отече-
ства России и полное процветание её.

Ахун Петрограда
Сафа Баязитов

Примечания

¹ Автор находит справедливым предложение ряда авторов использовать определения «правомонархический» и «черносотенный» в качестве синонимов (см., например: *Давиденко А.В.* Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900–1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2001. С. 3; *Размолodin М.Л.* Русский вопрос в идеологии чёрной сотни. Ярославль, 2013. С. 8; и др.).

² *Алексеев И.Е.* «Общество – Святая гора», запрет на строительство мечетей и «поруганные мусульманские женщины» // *Мусульманский мир.* 2014. № 4. С. 7-23; *Он же.* Татарин Бикбулат Мухаметзянов – герой «Книги Русской Скорби» // *Мусульманский мир.* 2015. № 1. С. 93–104; *Он же.* «Царско-народное мусульманское общество» в Казанской губернии // *Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность.* Казань, 1995. С. 76-78; *Он же.* Татарский след в

черносотенном движении // http://ruskline.ru/analitika/2006/01/06/tatarskij_sled_v_chernosotennom_dvizhenii/; *Максимов К.* Мусульмане в монархическом движении Уфимской губернии начала XX в. // <https://rusk.ru/st.php?idar=102664>; *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000; и др.

³ *Алексеев И.Е.* Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии (1905 – февр. 1917 г.): Автореф. дис. ...на соиск. учен. степ. к. ист. н.: Спец. 07.00.02 / [Казан. гос. ун-т]. Казань, 1997.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ *Алексеев И.Е.* Татарский след в черносотенном движении // http://ruskline.ru/analitika/2006/01/06/tatarskij_sled_v_chernosotennom_dvizhenii/

⁶ Городская коммуна, включавшая представителей различных партий, взяла Казань под контроль 20 октября 1905 г. Однако на следующий день в результате выступления черносотенцев начался погром, члены коммуны были арестованы. 22 октября (4 ноября по н. ст.) в праздник Казанской иконы Божьей матери состоялась ещё одна манифестация, которой также сопутствовали погромы. Однако сама манифестация в целом носила мирный верноподданнический характер.

⁷ В некоторых биографических сочинениях, посвященных Баруди, написанных авторами из Татарстана, тема участия Баруди в манифестации обходится стороной (см., например: *Юсупов М.* Галимжан Баруди. Казань, 2003). Подробно данный вопрос рассматривал Р.Г. Амирханов. Говоря о причинах, побудивших Баруди участвовать в манифестации, Амирханов выделяет следующие факторы: 1) Баруди нельзя назвать совершенно свободным от монархических воззрений; 2) местная администрация под руководством губернатора Хомутова оказала давление на представителей всех конфессий в губернии с целью привлечь их к участию в «празднике победителей» в связи с падением революционной Казанской городской коммуны; 3) Г. Баруди и другие муллы приняли участие в манифестации 22 октября, то есть на второй день после падения коммуны; к программе предыдущего дня они не имели никакого отношения. Кроме того, Амирханов отмечает, что Г. Баруди вместе с Г. Апанасовым, Ю. Акчурой принимал участие и в демонстрации, приветствовавшей манифест 17 октября. Иными словами, политическая ситуация вынудила Баруди принимать участие в

двух противоположных по духу и значению мероприятий (*Әмирханов Р.Г.* Галимжан Баруди һәм Мөхәммәдия мәдрәсәсе // *Акчура Й.* Дамелла Галимжан Әл-Баруди: тәржемәихәле. Казан. Б. 71)

⁸ «...когда на третий день октябрьских событий 1905 г. в Казани губернатором при помощи полиции была подготовлена контрреволюционная черносотенная демонстрация с царскими портретами, иконами и хоругвями, мусульманское духовенство, вкупе с другими реакционерами, под предводительством одного из своих столпов Галимджана Баруди (впоследствии, в 1917 г., был избран муфтием), в составе 14 мулл, фабриканта Сайдашьева и других монархистов, присоединилось к этой манифестации и совместно с русскими православными попами и прочими черносотенцами обошло Кремль» (*Климович Л.* Ислам в царской России. Казань, 2003. С. 28).

⁹ И.Е. Алексеев, К.В. Максимов и др.

¹⁰ Цит. по: *Беккин Р.И.* Баязитов М.-С. // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т. II. М.: Наука – Вост. лит., 2018. С. 88.

¹¹ Так, например, вторая глава книги называется: «Мусульманское духовенство – агентура русского военно-феодального империализма (19–20 вв.)».

¹² *Климович Л.* Ислам в царской России. С. 186.

¹³ Дело № 1296-32 г. По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С. Т. 2. Л. 81.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 126об.

¹⁶ Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) при Министерстве внутренних дел Российской империи – центральное государственное учреждение, осуществлявшее контроль и надзор за инославными и нехристианскими конфессиями.

¹⁷ Дело № 1296-32 г. По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С. Т. 2. Л. 126. В принадлежности к охранке подозревался и другой фигурант этого же дела Билал Рахимов («подозревается в работе в охранке в царской России, антисоветской деятельности и провоцировании органов ГПУ» (Там же. Л. 111)).

¹⁸ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 1. 1896–1903. СПб., 2015. С. 365. Нельзя, впрочем,

исключать, что те кавказцы и азиаты достаточно хорошо владели русским языком и были очарованы ораторским искусством Бориса Владимировича, а не содержанием его лекций.

¹⁹ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 1. 1896–1903. СПб., 2015; Т. 2. 1904–1918. СПб, 2015.

²⁰ На официальных бланках отчетство Байрашева пишется как: Антонович.

²¹ Валуев Фёдор Михайлович (ок. 1857–1917) – начальник Северо-Западных железных дорог.

²² *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. С. 144.

²³ Там же. С. 160.

²⁴ *Беккин Р.И., Тагирджанова А.Н.* Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.-СПб., 2016. С. 487–488.

²⁵ См., например: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 474. Л. 309–311, 331–333об. и др. Подробнее о «Сират аль-мустахим» и реакции российских мусульман на появление Союза см.: *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте, 1906–1916. Казань, 2005. С. 497–506.

²⁶ См., например: «13 октября [1913 г.]... Правда, у Байрашева мой кредит теперь неограничен. Словом, извернуться можно, а как только откроем Союз, так и совсем хорошо станет: лето спокойное...» (*Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. С. 164).

²⁷ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. С. 130.

²⁸ Там же. С. 130.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 181.

³¹ Там же. С. 189.

³² Там же. С. 159.

³³ Там же. С. 120.

³⁴ Там же. С. 133.

³⁵ Подробнее о деле М.-Г. Курбангалиева см. далее.

³⁶ Дело № 1296-32 г. По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С. Т. 2. Л. 79об.

³⁷ *Баязитов С.* Разъяснение // Нур. 1914. № 304, 4 февр. С. 1.

³⁸ Там же. Д.М. Усманова и А.Ю. Михайлов высказывают предположение, что инициатива по созданию «Сират аль-мустахим» могла исходить от некоторых членов правительства (*Усманова Д.М., Михайлов А.Ю.* Ислам и православие в

позднеимперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань, 2014. С. 142). Если это было так, то едва ли бы Баязитов не воспользовался возможностью упомянуть об этом во время допроса следователю ОГПУ. Все же имеющиеся данные говорят в пользу инициативы Байрашева.

³⁹ Усманова Д.М., Михайлов А.Ю. Ислам и православие в позднеимперской России. С. 142.

⁴⁰ Письма Ф.А. Байрашева Б.В. (1913) Никольскому // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 35. Л. 20б.

⁴¹ Любичанковский С.В. Конфессиональная проблематика в деятельности губернских правлений Урала позднеимперского периода (конец XIX – начало XX в.) // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Книга первая: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвящённой 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 158–159.

⁴² В январе 1917 г. Баязитов на аудиенции у императора представил ему Курбангаиева, но назначение не состоялось в связи с началом революции. Юнусова А. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед Габдулхай Курбангаиев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 95.

⁴³ Не вполне ясно, о каком из трёх братьев Усмановых: Гайфулле, Габидулле или Гадиятулле – идёт в данном случае речь.

⁴⁴ Фаттахутдин Хасанович Девлеткамов (Давлекамов) – военный ахун Петроградского военного округа в 1915–1917 гг. В 1917 г. после отстранения от должности муфтия Баязитов вернулся в Петроград и некоторое время был помощником Девлеткамова, продолжавшего исполнять должность военного ахуна при Временном правительстве.

⁴⁵ Письма Баязитова С. Никольскому Б.В. (1913–1916) // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 46. Л. 9–9об.

⁴⁶ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. С. 129.

⁴⁷ В оригинале: Рассулева.

⁴⁸ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2. 1904–1918. С. 166.

⁴⁹ Там же. С. 137.

⁵⁰ Там же. С. 140.

⁵¹ Там же. С. 191.

⁵² Там же. С. 128.

⁵³ Там же. С. 192.

⁵⁴ Там же. С. 148.

⁵⁵ Там же. С. 114.

⁵⁶ См., например: Беккин Р.И. «Я не знаю, какой человек ахун...» (В.С. Соловьев и А. Баязитов: происхождение одного мифа) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. №1. С. 99–112; Он же. Василий Величко и его проект «Атауллы Баязитов – русский публицист» // Бельские просторы. 2016. № 10. С. 152–160.

⁵⁷ Степанов А.Д. Предисловие // Величко В.Л. Русские речи / Сост., предисл. и коммент. А.Д. Степанова. М., 2010. С. 14.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Беккин Р.И. Русское евразийство и ислам // Звезда. 2017. № 11. С. 135–148.

⁵⁹ Письма Ф.А. Байрашева Б.В. Никольскому // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–3. Письма публикуются в современной орфографии, с сохранением некоторых особенностей правописания и синтаксиса оригинала. Письмо 2 публикуется в сокращённом виде.

⁶⁰ Менкин Евгений Васильевич (1861 – после 1918) – в 1912–1915 гг. директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

⁶¹ Письма Баязитова С. Никольскому Б.В. (1913–1916) // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–13. Письма публикуются в современной орфографии, с сохранением некоторых особенностей правописания и синтаксиса оригинала.

⁶² Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) – министр путей сообщения (1909–1915).

⁶³ В оригинале: изложут.

⁶⁴ Тарановский Г.П. – чиновник особых поручений V класса при МВД.

А.Ш. Кадырбаев

«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКО-ОСМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

События в Восточной Анатолии, Киликии и Закавказье, а также в Северо-Западном Иране или Иранском Азербайджане накануне и во время первой мировой войны, касающиеся трагических страниц в истории взаимоотношений народов Османской и Российской империй – турок, курдов, армян, греков, ассирийцев (айсоров), русских, азербайджанцев, тогда называемых закавказскими татарами, а также персов, большая часть которых в течение столетий являлась подданными этих империй, непросты и, на наш взгляд, излишне политизированы. Они рассматриваются преимущественно сквозь призму событий 1914–1915 годов, известных как геноцид армянского народа, во всяком случае, в армянской истории и в историях поддерживающих эту точку зрения иностранных – западных – и российских ученых. Хотя такого рода взгляд на отмеченные выше события – это мнение, прежде всего, политиков и политологов, а не ученых-историков.

А ведь до этих трагических событий было время почти полтысячелетнего проживания армянского народа в Османской империи, где всё было далеко не так однозначно. «Армяне общей численностью до (первой. – *Авт.*) мировой войны около 1.500.000 человек расселились преимущественно в вилайетах Армении [составляющей части Великой и Малой древней Армении]. На всей этой территории (Османской империи. – *Авт.*) мусульмане [турки и курды] в пять раз превосходили армян своей численностью, но на территории, примыкавшей к нашей (русской) границе, до войны 1914–1918 гг. было сосредоточено две трети всего армянского населения Азиатской Турции, но и здесь армяне составляли всего до 25% населения, и вообще мусульмане превосходили их своей численностью втрое»¹.

Но точных статистических данных о численности населения Османской империи того периода нет, поэтому приведённые выше данные достаточно условные и приблизительные. Тем не менее принято считать, что армяне к концу XIX в. составляли меньшинство даже в шести провинциях, которые считались центром «исторической Великой Армении» (Эрзурум, Ван, Битлис, Харпур, Диярбакыр и Сивас). К тому же пересмотр не в пользу Османской империи её государственных границ после поражений в войнах с могущественными соседями привёл к наплыву мусульман, вытесняемых или спасающихся бегством с Балкан и Кавказа (особенно лазов и адыго-абхазских народов), что способствовало сокращению армян в доле населения на их исторической родине.

Армяне официально пользовались правами религиозной, социальной и культурной автономии при системе миллетов – религиозных общин, установленных Мехмедом II (1451–1481), и играли заметную роль в экономической жизни Османской империи. Завоевание упомянутым османским падишахом Мехмедом II, вошедшим в османскую историю под именем Фатих – Завоеватель, Константинополя и возникновение на руинах Византийской империи могущественной державы османов не повлекло за собой притеснений армян в этнокультурном и религиозном отношении и не имело для них негативных последствий. Хотя они платили специальный налог «джизью» за право исповедовать христианство, как и все немусульманские подданные Османской империи, им не разрешалось иметь и носить оружие, ездить верхом на лошадях, а только на ослах. Их также не принимали на службу в ряды янычар – пешей гвардии османов, в суде их показания часто отклонялись. К высшим

административным и военным должностям их не допускали. Но это компенсировалось тем, что (Армянская. – *Авт.*) «церковь все еще стояла во главе нации; армяне, искусные в торговле и производстве, могли достигать весьма высокого положения в османской экономической системе. Также власти позволяли процветать всевозможным образовательным, благотворительным и социальным институтам»². Мехмед II смотрел на армян как на «полезный элемент» в государстве, уважал их опыт и знания в делах коммерции, приглашал в Стамбул армянских ремесленников и купцов. Османский падишах Селим I в 1513 г. после захвата у персов Тебриза переселил оттуда в Стамбул всех ремесленников армян. Расселились армяне и в других городах империи, где жили в достатке, работая не только торговцами и ремесленниками, но и банкирами и государственными переводчиками. Однако большинство оставались крестьянами в восточных вилайетах империи, известных под общим названием «Великой Армении», а также в нескольких западных районах возле Средиземного моря, которые называли Киликией, или «Малой Арменией». Они мирились со своим зависимым от власти османов политическим положением, в том числе в течение значительной части XIX в., и потому армяне имели тогда репутацию «верноподданной общины» в Османской империи. В восточных провинциях армяне жили на горном плато вместе с курдами-мусульманами, ведущими кочевой образ жизни, которые издревле обитали на этих землях и являлись, как и армяне, автохтонным или коренным населением этого региона. Многие армянские крестьяне находились в экономической или своего рода «феодальной» зависимости от предводителей курдских племён. Оседлые армяне предоставляли своё жильё на зиму кочующим курдам с их стадами скота и отдавали им часть своего урожая в обмен на защиту и покровительство. До тех пор, пока Османская империя была сильным и процветающим государством, такой уклад работал относительно неплохо. Однако когда империя стала распа-

даться и её стала разъедать коррупция, ситуация для армянских крестьян ухудшалась, когда им было всё труднее платить обременительные подати османским сборщикам налогов и дань курдским сюзеренам. А отказ платить курдам приводил к нападениям последних на армянские селения, причём османские чиновники, известные своей продажностью, не хотели или не могли защитить и компенсировать нанесённый вред.

В Османской империи с XV века до 1876 г. гонений на армян не было. В 1606 г. армяне выразили солидарность с османскими властями после подавления ими греческого восстания на Кипре. В 1760 г. в рапорте русскому полководцу А.В. Суворову сообщалось, что армяне бежали из Персии от гнёта персидских шахов в Османскую империю, так как здесь условия жизни для армян были лучше³. «Христиане, – писал основоположник научного коммунизма Карл Маркс во второй половине XIX в., – пользуются в Турции большей религиозной свободой, чем в Австрии и России»⁴. В 1835 г. барон Врангель писал барону Розену, известному российскому ученому-востоковеду, что «турецкое начальство не оказывает грекам и армянам никаких притеснений относительно обрядов вероисповедания. Мирная торговля находится в их руках – греков и армян»⁵. Русская армия во время походов на Османскую империю встречала в Турецкой Армении богатые армянские селения с большим количеством скота и полными амбарами, каковых ни одна русская губерния, как и Российская Армения, и Закавказье в целом, у себя не имели⁶. Как свидетельствует известный российский ученый-тюрколог В.А. Гордлевский: «В то время у армян, турок и курдов [были] связующие звенья. Армяне часто не только в общественных местах, но и дома говорили по-турецки. Турецкий язык употреблялся и в деловой корреспонденции: только писали армянскими буквами. Среди армян были и свои ашыки (ашуги), хранившие сокровища народного (турецкого. – *Авт.*) песенного фольклора... от одного армянина записан был в Бейшехире забытый турками эпос о

Коркуде-деде... Образованные армяне свободны были от религиозной нетерпимости: наоборот, стремясь к установлению более тесных связей между христианами и мусульманами... обнаруживали иногда большую тактичность, которая должна была подкупать мусульман и ломать взаимное закоренелое недоверие»⁷. Многие армяне стали видными государственными деятелями этой страны, хотя для этого они переходили в ислам, у некоторых падишахов Османской империи, например, у Абдул-Хамида II, матери были армянками. И поныне существует в Турции община хемшинов или хемшилов (амшенцев) – мусульман, говорящих по-армянски, как и армянохристиан, граждан Турецкой республики, объединённых под духовным влиянием местной Армянской апостольской церкви и насчитывающих ныне более 160 тысяч, а также примерно столько же армяногастарбайтеров из Республики Армения. Религиозная толерантность османских властей в период могущества Османской империи общеизвестна.

К XIX веку, по мере ослабления Османской империи и закабаления её странами Западной Европы в экономической и финансовой сферах, нарастало напряжение межрелигиозных взаимоотношений внутри страны, поскольку представители религиозных меньшинств – греки, армяне, евреи, экономически очень активных общин османского общества, выполняли функции компрадорской буржуазии, способствуя своей экономической деятельностью проникновению западного капитала в Османскую империю и её закабалению западными странами, извлекая при этом собственную экономическую выгоду. «Английский и французский капитал опирался на греческую и армянскую буржуазию, крайне влиятельную в старой Оттоманской Турции... группы (компрадорской турецкой буржуазии. – *Авт.*) связаны с ростовщическим, главным образом, французским банкирским капиталом и играют в национальном хозяйстве Турции ту же хищническую роль, что и греко-армянская буржуазия. Эти группы

заинтересованы... в установлении связи с Западом»⁸.

Свою роль в этом сыграли западные христианские миссионеры, преимущественно протестантские, в большинстве американцы и немцы, наплыв которых в Османскую империю в конце XIX – начале XX в. шёл по нарастающей, хотя и османское правительство, и местная Армянская апостольская церковь пытались противодействовать этому процессу распространения западных взглядов, носителями которых были миссионеры. К этому времени в Анатолии работали 176 миссионеров из США, которым помогали 878 местных жителей. Они создали 125 церквей с 27.787 прихожанами, а также 423 школы, где учились 26.496 учеников⁹. Ч. Эллиот, хорошо осведомлённый британский дипломат, имеющий большой опыт работы в Османской империи, писал: «Хорошее положение армян в Турции во многом определялось тем, что они были вполне восточной и свободной от примеси европейской культурой, в отличие от славян и греков. Но теперь эта черта уничтожалась: европейское образование и европейские книги распространялись среди них... Турки считали это явным намерением порвать с тем, что осталось от Османской империи, и основать Армянское царство...»¹⁰. Таким образом, деятельность миссионеров объективно привела к росту националистической идеологии и революционного воззрения среди армян (хотя они это и отрицали), что зародилось еще в армянской диаспоре, поскольку идеология этнического национализма – изобретение европейское. В XIX веке происходило становление в Европе национальных государств, а в Османской империи тогда религиозное сознание преобладало над этническим, и турецкие армяне не были исключением из этого правила, во всяком случае, до распространения в их среде во многом под влиянием проповедей западных миссионеров идей радикального национализма. Хотя, конечно, для этого были и внутренние политические и экономические причины. Османское правительство небезосновательно подозревало, что запад-

ноевропейские державы используют армянскую проблему как удобный повод для дальнейшего ослабления Османской империи. В свою очередь, Российская империя, которая, в частности, в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. захватила часть территории, где жили армяне, поддерживала антиосманские настроения турецких армян с целью аннексии оставшихся под османским управлением вилайетов Восточной Анатолии. Вполне понятно, что османское правительство в данной ситуации протестовало против растущего интереса держав Запада и России к судьбе армян, расценивая его как вмешательство во внутренние дела.

Поэтому неудивительны были опасения мусульманской части османского общества, прежде всего, турок, а также курдов и арабов, мухаджиров – выходцев с Северного Кавказа и Балкан, изгнанных властями Российской империи с Кавказа после Кавказской войны, а властями новых образовавшихся государств – Сербии, Болгарии, Греции с Балкан во второй половине XIX в., не очень заметно представленных среди компрадорской буржуазии и являвшихся в основном крестьянами, чиновниками, военными, деятелями культуры, которые стали рассматривать упомянутые религиозные меньшинства в качестве «пятой колонны» Запада и России. Данное обстоятельство использовалось правящими османскими кругами в кризисные моменты турецкой истории для возбуждения недоверия турецкого народа к греческой, армянской и еврейской общинам, зачастую апеллировавших к религиозным и классовым предрассудкам мусульманского населения империи.

Этому способствовали нарастающие к началу первой мировой войны экстремистские и сепаратистские настроения по отношению к Османской империи среди её армянских подданных, о чем свидетельствуют материалы российских архивов. «Секретно. Начальник штаба Кавказского военного округа. По отделу Окружного Генерал-Квартирмейстера. Отделение: Разведыв. 26 февраля 1913 г. № 2900. Гор. Тифлис.

Политические сведения из Азиатской Турции. Генерал-Квартирмейстеру Генерального Штаба: Сообщаю полученные за последнее время из Азиатской Турции политические сведения. (...) Из Баязида от 30 января сообщают, что в случае войны русские войска не встретят в пределах Баязидского санджака никакого сопротивления... Что касается христианского населения, т.е. армян, то они, конечно, с ещё большим нетерпением ждут прихода русских войск и готовы им оказать всяческое содействие. В ненависти к туркам и в мечтах освобождения от турецкого ига в настоящее время сходятся в замечательном согласии все турецкие армяне, независимо от политических взглядов и социального положения их. За Начальника Штаба Генерал-Майор /подпись/. За Генерал-Квартирмейстера Генерального Штаба Полковник/подпись/. Начальник Отделения /подпись/»¹¹.

Армянские источники, в свою очередь, свидетельствуют: «В течение осени 1914 г., когда Турция ещё не вступила в семью воюющих стран, не готовилась к этому, в (русском. – *Авт.*) Закавказье с большим шумом и большой энергией стали организовываться армянские добровольческие дружины. Армянская Революционная Партия Дашнакцутюн (АРПД), вопреки постановлению своего съезда, который всего несколько недель до этого в Эрзеруме (на территории Османской империи. – *Авт.*) вынес решение об отрицательном отношении к добровольческим дружинам, приняла активное участие как в организации дружин, так и в их военных действиях против Турции. В таком весьма тяжёлом и ответственном деле, которое было чревато весьма серьёзными последствиями, закавказские органы АРПД и отдельные деятели нарушили волю верховного партийного органа – съезда»¹². Таким образом, для политики Дашнакцутюн были характерны двойные стандарты, когда официально декларировалось одно, а делалось другое.

Террористический характер Дашнакцутюн определился ещё до трагических событий первой мировой войны, нацеленный,

причём, не только против мусульманских народов Османской империи – турок и курдов, мусульман Закавказья и Северо-Западного Ирана, но и против России, когда VI съезд Дашнакцутюн, проходивший в Стамбуле с 17 августа по 17 сентября 1911 г., объявил политику тайного и открытого террора против Российской империи, что, впрочем, не мешало её властям поддерживать дашнаков в их антиосманской деятельности. Ещё во время революции 1905 г. в России дашнаки временно переносят центр своей деятельности из Турции в российское Закавказье и ведут политику террора против монархического режима Российской империи, выступая как террористическая заговорщическая группа боевиков и копируя индивидуальный террор русских эсеров против представителей царского режима и агентов его спецслужб, что не препятствовало им в целом ряде случаев тайно сотрудничать с русской охранкой в борьбе против мусульманских движений. Причём в Османской империи Дашнакцутюн было официальной, видимой частью армянского национального движения, поскольку «среди армян в Турции существует тайная организация (Гнчак. – *Авт.*), которая предполагает в случае войны Турции с Россией организовать армянские добровольческие отряды, которые затем переходят в Россию и сражаются заодно с русскими войсками... Письмо начальника Казгыманского округа Карской области России. 4 августа 1914 г. № 85. г. Казгыман»¹³.

Уже накануне первой мировой войны, когда Османская империя потерпела ряд поражений в войнах на Балканском полуострове, «настроение армян... возбуждённое победами славян... продолжает быть повышенным. С одной стороны, армяне с поразительной уверенностью и нетерпением ждут раздела Турции и перехода большей части Армении к России, с другой стороны, с каждым днём растёт опасение армянского погрома. Особенно подавленным в этом отношении стало настроение армян после имевшего место 31 марта (1913 г. – *Авт.*) взрыва, разрушившего дом и вызвавшего

сильнейшую панику во всём населении города (Эрзинджана. – *Авт.*). Три главных виновника – армяне, видимо, занимавшиеся приготовлением бомбы, погибли при взрыве. Известие о взрыве произвело огромное впечатление далеко за пределами Эрзинджана – армяне ещё более стали бояться враждебных выступлений турок, а последние видят в этом признаки всеобщего вооружения армян. В результате – ещё большее обострение отношений между армянами и турками и, как следствие этого, следующий ряд факторов. В самом Эрзинджане турки решили произвести погром, едва предотвращённый усилиями некоторых разумных влиятельных турок; в Эрзеруме в день султанского праздника 14 апреля распространился упорный слух, что армянами будут брошены во время официального приёма у генерал-губернатора бомбы; слух этот не оправдался, может быть, вследствие особых мер, принятых полицией; и наконец, в Битлисе произошло вооружённое столкновение между армянами и турками, причём несколько человек было убито. Генерал-лейтенант /подпись/Юденич»¹⁴. Данные русских источников подтверждает западная миссионерка Грейс Кнапп, сообщая об арестах армян в Битлисе за то, что в их домах «хранились 10 единиц огнестрельного оружия, которые были с впечатляющим эффектом использованы против полиции»¹⁵. К сказанному следует добавить, что провинция Битлис являлась одной из цитаделей армянского революционного движения и впоследствии, во время наступления русских войск на Кавказском фронте весной 1915 г., она стала ареной жестокой борьбы между армянскими повстанцами и османской армией.

Похожая ситуация накануне первой мировой войны наблюдалась и в городе Ване, расположенном в сердце исторической Армении недалеко от границы Российской империи, который уже длительное время был центром армянской националистической пропаганды и считался оплотом Дашнакцутюн. Отношения между армянами и мусульманами в Ване ухудшались уже давно,

особенно между армянами и курдами. Армянская община интенсивно вооружалась, а нападения курдов на неё учащались. 9 июля 1913 г. вице-консул Великобритании в Ване сообщал, что «всеобщее беззаконие достигло уровня, невиданного за три предыдущих года»¹⁶.

Из приведённого выше документа русских архивов очевидны действия армянских подпольных террористических групп, провоцирующих османские власти на репрессии, а мусульманское население на погромы армянских общин. Подрывная деятельность против Османской империи велась не только внутри страны среди турецкоподданных армян, но и извне, о чём свидетельствует письмо зам. министра внутренних дел военному министру Российской империи Сухоминову В.А.: «ЗА МИНИСТРА исполняющий обязанности Товарища Министра Внутренних Дел. № 99699. 16 мая 1913 г. Его высокопревосходительству В.А. Сухоминову. Совершенно доверительно. Милостивый Государь Владимир Александрович. Начальником Эриванского Губернского Жандармского Управления добыты сведения о совершившемся в начале минувшего апреля переходе нескольких групп вооруженных армян из России, через окрестности Джульфы, в Персию и о дальнейшем движении их в район гор. Баязета, в Турцию. Обстоятельство это встревожило турецкие власти и вызвало с их стороны распоряжение турецким дипломатическим представителям в пограничных местностях Кавказа выяснить общее настроение армянского населения и установить, не с согласия ли России и не при её ли поддержке происходят вооружения армян и их приготовления к каким-то выступлениям против Турции»¹⁷. Как показали дальнейшие события, опасения османских властей оказались не напрасными.

В Закавказье, где ныне Азербайджан, Армения и Грузия, находившиеся с первой половины XIX в. под властью Российской империи, армяно-мусульманское противостояние вылилось в вооружённые столкновения и взаимные погромы ещё в 1905 г., о

чём сообщают армянские источники, когда «возникшая в начале 1905 года в Баку братоубийственная резня продолжалась в Камарлинском районе, где орудовали дашнакские вооружённые бандиты – маузеристы. Дашнаки вели кампанию на уничтожение азербайджанцев под лозунгом “убивай как можно больше, грабь, не щади никого”. Они разъезжали по армянским селам, произносили погромные речи, призывали трудовое крестьянство “с оружием в руках защищать честь и жизнь армян”, старались вооружить армянское население против азербайджанцев. Дашнакские бандиты грабили, убивали мирных жителей, поджигали их сёла. После окончания подобных походов так называемые “спасители” армянского народа возвращались домой, устраивали кутежи в честь своих “побед”. Недостатка в оружии дашнаки не испытывали, так как они получали его по особому разрешению Воронцова-Дашкова (наместника русского царя на Кавказе. – *Авт.*), к которому посылались делегации, уполномоченные армянскими епископами – Хореном и Суреном»¹⁸. Это свидетельствует как об участии деятелей Армянской церкви в этих трагических событиях, вдохновлявших дашнаков на погромы мусульманских селений, так и о попустительстве, и даже поддержке дашнаков со стороны российских имперских властей.

Действия армянских боевых групп затронули и Северо-Западный Иран или Иранский (Южный) Азербайджан. Правительство Персии, как тогда назывался Иран, хотя и находилось под контролем Российской империи, тем не менее стремилось сохранять нейтралитет в ситуации обострения осmano-российских отношений, в итоге приведших к войне между ними: «Джульфа. Хой. Генералу Чернозубову. Министр Иностранных дел телеграфирует Главнокомандующему: “Персидский посланник заявил жалобу на персидских армян-беженцев и добровольцев, которые по дороге из Персии на Кавказ произвели ряд грабежей, в особенности в местечке Шоджа и персидской Джульфе, где не пощажены были и правительственные учреждения, [такие] как почта

и телеграф Персидской и Индоевропейской кампании. При этом ими были убиты 4 персидских казака, 2 фераша почты и много жителей и ранено 2 (русских. – *Авт.*) казака. К сожалению, основательность этой жалобы вполне подтверждается донесениями Введенского, который проездом в Хой видел следы разгромов, произведённых армянами и христианами-сирийцами (айсорами), нами (российскими властями. – *Авт.*) вооружёнными. Не откажете сообщить, представляете ли возможным принять какие-либо меры против виновных в этих погромах, и каким путем Вы полагали бы предотвратить повторение в будущем подобных явлений, которые вызывают справедливое озлобление мусульман Персии против христиан вообще и которые сделают невозможным возвращение на родину упомянутых беженцев, несомненно, крайне обременительных для Кавказа. Благоволите (обуздать. – *Авт.*) добровольцев, производивших грабежи, и какие меры вы предполагали бы принять на будущее время»¹⁹. Как видно из этого текста, российский министр иностранных дел Сазонов понимал, к каким пагубным последствиям приведут погромы мусульман дашнаками, вышедшие за пределы Российской и Османской империй и охватившие даже земли нейтральной Персии, когда их жертвами становились не только мусульмане, но и русские казаки, служившие в этой стране.

Погромы мусульман представляли собой часть стратегии армянских революционеров-дашнаков, призванной спровоцировать османское правительство на репрессии, а мусульманское население на бесчинства в отношении армян, которые привлекли бы внимание христианского мира – стран Запада и России и привели бы к их интервенции. Желание вызвать такую интервенцию, свойственное ряду лидеров Дашнакцутюна, документировано и подтверждается многими современниками, очевидцами тех событий. Например, западный миссионер С. Хэмлин сообщает, что члены подпольной армянской организации Гнчак, близкой к Дашнакцутюн, призывали использовать сочувствие к страданиям армян, чтобы спровоцировать

интервенцию. Для этого, они «изыскивали возможность убивать турок и курдов, поджигали их деревни... в расчёте на то, что разъяренные мусульмане восстанут и обрушатся на беззащитных армян и устроят такую варварскую резню, что Россия войдёт на территорию страны во имя человечества и христианской цивилизации и вступит во владение»²⁰. О подобных планах армянских революционеров свидетельствуют американский исследователь Д. Хепворт,²¹ британский корреспондент Э. Пирс²² и его соотечественник К. Уокер²³. Наблюдения британского консула в Эрзуруме Р. Грейвза о том, что «дух враждебности и расовой ненависти вызван в прежде дружелюбном турецком обществе, и он может однажды, если будет спровоцирован, вылиться в репрессии и зверства», оказались пророческими²⁴. К сожалению, именно так и случилось.

В подготовке восстания армян против Османской империи свою роль сыграли и российские имперские власти, о чём свидетельствует телеграмма советника III Политического отдела, направленная послу России в Стамбуле М.Н. Гирсу: «По соглашению с верховным главнокомандующим и наместником кавказским признано своевременным подготовить восстание армян, айсоров и курдов на случай войны с Турцией. Банды будут формироваться под наблюдением наших консулов в Азербайджане (Иранском. – *Авт.*) и начальников наших отрядов там, в полной тайне от персидской администрации. Подготовлены винтовки, которые, однако, будут выданы лишь в нужный момент. Есть и кредит на субсидии. К активным действиям банды будут допущены не иначе, как с нашего разрешения...»²⁵. Интересна характеристика российскими властями формируемых армянских, ассирийских и курдских отрядов, которые они иначе как «банды» не называют, что позволяет высказать предположение о наличии в их составе заметного числа уголовных элементов. При этом, как видно из вышеприведённого текста, российские власти и формируемые ими «банды» совершенно не считались с суверенитетом Пер-

сии и Османской империи. Сведения приведённого российского источника о планах поставки оружия армянским революционным организациям подтверждают события в черноморском городе Трапезунде (ныне Трабзон) в январе 1914 г., когда местные армяне сообщили австрийскому консулу в этом городе, что русские поставляют оружие армянским революционерам. Тогда в ходе обысков в марте 1914 г. османской полицией было обнаружено большое количество винтовок, что привело к арестам в армянской общине Трапезунда²⁶.

Российское общественное мнение, которое выражала, в частности, влиятельная партия конституционных демократов (кадетов), представленная в Государственной Думе Российской империи, в целом поддерживало правительство по «армянскому» вопросу. 2 и 6 ноября 1914 г. на заседаниях ЦК этой партии были обсуждены два сообщения её лидера Милюкова, где было сказано, что армяне, проживающие в шести вилайетах Османской империи, ждут воззвания к ним от российского наместника на Кавказе и готовы поддержать российскую армию. Милюковым были изложены три вероятных проекта решения «армянского» вопроса. Первый вариант заключался в возможности создания после победы над османами независимого «Великого Армянского государства», куда войдут как османские, так и российские территории, населённые армянами, что отвечало интересам партии Дашнакцутюн, а не России. Второй проект, получивший более широкое распространение, являлся идеей об учреждении на территории Османской империи армянской автономии в её составе. Но эти два проекта Милюков считал невыгодными для России и выступал за третий проект, который предусматривал аннексию тех территорий османов, где проживали армяне. При этом он выражал опасение, что «при объединении армян (под властью России. – *Авт.*) надо бы позаботиться, чтобы это не было объединением на русском бесправии». Эти опасения разделял и В.И. Вернадский, выступивший против единого армянского государства,

считая, что его создание на побережье Чёрного моря «для русских интересов совсем нежелательно». А автономия армян под протекторатом Османской империи, по его мнению, «грозила бы неприятностью при международных осложнениях», т.к. в лице автономной Армении «Россия скорее будет иметь врага, чем друга». С его точки зрения, лучшим решением была бы аннексия Армении Российской империей, которая бы связала армянскую интеллигенцию с русскими интересами. Такой же точки зрения придерживался «патриарх» русского либерализма И.И. Петрункевич: «В автономной Армении под суверенитетом Турции Россия имела бы беспокойного соседа, постоянно стремящегося присоединить к себе армян из соседних областей; это был бы постоянный нарыв под боком, тем более, что и европейские державы, несомненно, постараются свои интересы проводить в автономной Армении. Поэтому и в торговом, и в военном отношении выгоднее была бы аннексия Армении к России с некоторой полосой Чёрного моря, как моря русского»²⁷.

Так, образно говоря, российские имперские власти накануне первой мировой войны сами «выпустили джинна из бутылки», когда способствовали формированию армянских добровольческих отрядов под руководством Дашнакцутюн и Гнчак, обеспечивая их оружием, с целью использования против Османской империи, что привело уже в 1915–1920 гг. не только к резне дашнаками мусульманского населения, но и русского в Карской и Эриванской губерниях: «Террор дашнаков не прекращается... дашнаки всю силу гнева направили против мусульман, русских. Из тридцати тысяч русского населения Карской области осталось пятнадцать, остальное или разбежалось в Турцию или в Россию, или погибло... Пятнадцать мусульманских селений Тухурцского района вырезаны и разбежались. 29 июня 1920. № 94. Киров»²⁸. Армянские источники, хотя и враждебные Дашнакцутюн, в лице армянских коммунистов также сообщают, что дашнаками не только в Карской области терроризировалось русское

население, но и «огнём и мечом уничтожались мусульманские и русские деревни в Армении...»²⁹.

Свою лепту в разжигание настроений этнической нетерпимости среди турецко-подданных армян внесли и западные миссионеры своей идеологической и пропагандистской деятельностью на территории Османской империи, хотя для антиосманских и антимусульманских настроений турецких и российских армян были и внутривнутриполитические причины, как в Османской, так и в Российской империи.

Примечания

1. Корсун Н.Г. Курс лекций по военной географии, читанных в Военной академии РККА. М., 1923, с. 37.

2. Suny R.G. Looking toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington: Indiana University Press, 1993. P. 101.

3. Собрание актов, относящихся к истории армянского народа. Т. 2, М., 1838, с. 68.

4. Линч Х.-Ф.Б. Армения, путевые очерки и этюды. Т. 1, Тифлис, 1910, с. 589.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 10, с. 491.

6. Борьян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР. Т. 1, М.-Л., 1928, с. 173–179.

7. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 3, М., 1962, с. 127.

8. Китайгородский П. От колониального рабства к национальной независимости // Революционное движение в Передней Азии и Северной Африке. М., 1925, с. 30, 41.

9. Salt J. Imperialism, Evangelism and the Ottoman Armenians, 1879-1896. London: Frank Cass, 1993, p. 31.

10. Eliot C. Turkey in Europe. New York: Barnes and Noble, 1965, с. 400–402; Deringil S. The Well-Protected Domains: Ideology and Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London: I.B. Tauris, 1998, p. 128–129.

11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 7716, л. 405, 405об., 406.

12. Качазнуни О. Дашнакцутюн больше нечего делать. Тифлис, 1927, с. 10, 12-13, 15.

13. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7716. л. 418, 418об., 419.

14. Knapp G.H. The Tragedy of Bitlis. New York: Fleming H. Revell, 1919, p. 53.

15. Леви Гюнтер. Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность. М., 2016, с. 98.

16. РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 7716, л. 420.

17. Арутюнян А.О. Воспоминания. Ереван, 1956, с. 47-49.

18. Hovannisian R.G. Armenia on the Road to Independence. 1918, Berkeley: University of California Press, 1969, p. 44–45.

19. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1893. Washington, DC: GPO, 1894. P. 1416.

20. Herwoth G.H. Through Armenia on Horseback. London: Isbister, 1898, p. 341.

21. Pears E. Forty Years in Constantinople: The Recollections of Sir Edwin Pears, 1873–1875. London: Herbert Jenkins. 1916, p. 155.

22. Walker C.J. Armenia. The Survival of Nation. Rev. 2nd ed. New York: St. Martin's Press, 1990, p. 135.

23. British Documents on Ottoman Armenians. 4 vols. / Edited B.N. Simsir. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi. Vol. 3, p. 251.

24. Documents on Ottoman Armenians. 2 vols. Ankara: Directorate General of Press and Information, 1982–1983. Vol. 1, p. 23.

25. Kunzler J. Kobi: Vater der Armenier. Kassel: Johannes Stauda, 1967. S. 151.

26. Леви Гюнтер. Указ. соч., с. 96.

27. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 523, оп. 1, дело 32, л. 50, 66, 67, 67об, 68об, 21; Шелохаев В.В. Разработка кадетами национального вопроса в годы первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998, с. 362–363.

28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5, оп. 1, д. 2178, л. 1.

29. Ховсепян Х. Муваараз ве курулуш (Десять лет войны и освобождение). Ереван, 1930, с. 3-6.

З.В. Анайбан

ПРОТЕКТОРАТ РОССИИ НАД ТУВОЙ (1914 г.).

К истории вопроса

Не так давно, в 2014 г., Республика Тыва отметила важную и значимую для республики и её жителей дату – 100-летие со дня установления протектората России над Урянхайским краем – Тувой.

Покровительство России над Урянхайским краем (Тувой) уходит историческими корнями далеко за столетний отрезок времени. Однако и по сегодняшний день все перипетии этого события – как устанавливался, кто просил, что было потом – продолжают обсуждаться в научных и общественных кругах. Недавний всплеск интереса к истории взаимоотношений Урянхайского края и России оказался связанным с подготовкой и проведением юбилейных мероприятий, посвящённых названной дате. Надо сказать, что это не первая крупная дата в истории данного события. В разное время активно отмечались и 40-летие, и 50-летие, и другие, как принято говорить, «круглые даты». Но столетию российского протектората над Тувой, по просьбе руководства республики, впервые был придан федеральный статус, что и предопределило новый виток исследований этой темы.

Одним из материальных воплощений юбилея стал выпуск объёмного фолианта «Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события)», подготовленного научным сообществом при активном содействии Правительства Республики Тыва. Он содержит ценный документальный материал, хранившийся до этого времени в различных центральных и региональных архивах и касающийся проблем подготовки, провозглашения и дальнейшей реализации самого акта протектората. Бесспорно, данные этого издания проливают свет на многие важные и дискуссионные вопросы, имеющие прямое

отношение к жизни Тувы первой четверти двадцатого столетия. Это оказалась в высшей степени объективная и полная подборка документов той эпохи, позволяющая беспристрастно, со ссылками на первичные источники, восстановить хронологию событий начала XX века.

Как отметил в приветственном слове названной работы Глава – председатель Правительства Республики Тыва Ш.В. Кара-оол, «празднование 100-летия единения России и Тувы ознаменовано множеством событий политического, социально-экономического и культурного характера, но особенно важным для нас является научное осмысление исторических событий, способствующих развитию и укреплению русско-тувинских отношений в начале XX века, ставших основой дальнейшего политического сближения двух стран»¹.

В этой связи следует сказать, что в преддверии подготовки празднования этой даты дирекция Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва обратилась в различные подразделения Российской академии наук, в том числе и в Институт востоковедения, с просьбой поддержать предложение Правительства Республики Тыва, направленное в Администрацию Президента Российской Федерации, о придании предстоящему празднованию 100-летнего юбилея протектората России над Тувой федерального значения и дать заключение по вопросу об обоснованности и целесообразности его проведения. К письму прилагался пакет документальных материалов и результаты проведённого тувинскими социологами экспертного опроса, посвящённого изучению мнения и оценок жителей республики относительно этого исторического события. В «Заключении», подготовленном на основе представленных архив-

ных документов Отделом истории Востока ИВ РАН, было особо отмечено, что «установление протектората России над Тувой – событие по всем аспектам достойное и, по нашему мнению, должно быть отмечено на федеральном уровне, поскольку этот факт – не только важная веха в жизни тувинского народа и часть его исторической памяти, но на сегодня и один из факторов дальнейшей интеграции, единения и взаимообогащения различных этнических групп населения современной Тувы и остальных регионов Российской Федерации. Это особенно важно для обеспечения комфортного существования коренных народов нашей страны. Как мы знаем, не так давно, в постперестроечные годы, в ряде российских регионов, в том числе и в Туве, имели место межэтнические конфликты и столкновения. С нашей точки зрения, празднование подобных дат послужит залогом сплочения, этнической толерантности, налаживания прочных дружеских связей между людьми разных национальностей российского общества». Данное «Заключение» наряду с другими было опубликовано во вступительной части упомянутой работы.

Данная веха в истории Тувы всегда привлекала внимание научного сообщества и была предметом исследования как в советский, так и особенно в постсоветский периоды. Поэтому на сегодняшний день историография этого вопроса достаточно обширна, хотя в разные исторические периоды интерпретация и трактовка этого акта регулярно менялась.

Нетрудно заметить, что оценка протектората претерпевала существенные перемены под влиянием политической конъюнктуры. Все эти суждения и заключения зачастую были так или иначе связаны с наблюдаемой на тот момент общей этнополитической ситуацией в стране. В этом ряду следует особо назвать изданную в 1964 г. «Историю Тувы» (в двух томах), где установление протектората России над Тувой в целом оценивалось как позитивное явление, «несмотря на захватническую земельную политику, на политическое, экономическое и социальное угне-

тение народа»². В новом, переработанном и дополненном издании «Истории Тувы» протекторат рассматривается более прагматично. Так, признаётся, что «в условиях протектората началось экономическое оживление Тувы. Этому способствовали освобождение от албана и долгов Китаю, прогрессивное влияние на тувинскую, прежде в основном натуральную, экономику рыночных отношений, улучшение транспортных условия и т.п.»³. В этой же работе далее читаем следующее: «Протекторат впервые обеспечил возможность консолидации тувинцев в рамках основной этнической территории, что в последующем историческом развитии предопределило возможность создания ими первого национального государства. С принятием протектората России Тува фактически стала её частью, что сыграло очень важную роль в её дальнейшей судьбе...»⁴.

Итак, исходя из документальных архивных материалов, попытаемся проследить историю и обстоятельства этого события, а также на их основе объективно и непредвзято изложить хронику развития ситуации, связанной со столь значимым и важным фактом в жизни тувинского народа.

Первое, хотя и оспариваемое, документальное подтверждение распространения на эту землю российской защиты и поддержки относится к первой половине XVII века, к периоду царствования Михаила Федоровича. Это принципиально значимое событие нашло отражение в докладе совета министров Российской империи «По вопросу об Урянхайском крае» 8 ноября 1911 г., переданном на рассмотрение Николаю II, на котором император начертал резолюцию «Согласен». В предваряющей части этого доклада говорилось, что «В половине XVII века Алтын-Хан, владения которого, по-видимому, лежали в нынешнем Урянхайском крае, отдался под покровительство Царя Михаила Федоровича»⁵.

По сути, это дает все основания для торжественной встречи не только векового юбилей единения Тувы и России, а более весомой даты, насчитывающей на сегодняшний день срок, весьма близкий к 400-летию,

что само по себе заслуживает упоминания. По крайней мере, другая аналогичная помета царя Николая II «Согласен», сделанная 4 апреля 1914 г. на первой странице рукописного послания царю министра иностранных дел России С.Д. Сазонова по вопросу протектората России над Урянхайским краем от 29 марта 1914 г., не оставляет на этот счёт никаких сомнений.

Тем не менее, факт установления протектората над Алтын-Ханом и его владениями не находит подтверждения в некоторых других изданиях, посвящённых истории Тувы. Так, в разделе «Тува в период государства Алтын-ханов» второго, переработанного и дополненного издания «История Тувы» написано, что «...недоразумение с подданством России первого Алтын-хана всплыло, когда в 1618 г. к Алтын-хану прибыло третье русское посольство, которое было попутным, так как возглавлявший его И. Петлин должен был с помощью Алтын-хана проехать в Китай. Будучи у Алтын-хана и получив от него помощь для дальнейшего следования, И. Петлин обнаружил, что Алтын-хан не собирался быть подданным русского царя и поэтому отказался подписать грамоту о присяге, которую посол привёз из Москвы, чтобы юридически закрепить подданство Алтын-хана»⁶. Не подвергая сомнению компетенцию уважаемого коллектива, обеспечившего издание обновлённой «Истории Тувы», всё же заметим, что совет министров Российской империи и сам император Николай II не могли пребывать в неведении об этом существенном обстоятельстве.

В последовавшей далее смене правителей, возникновении и падении империй, незамысловатых ошибках чиновников-делопроизводителей права России на территорию современной Тувы впервые после XVII века были заявлены только в упомянутом выше докладе совета министров Российской империи как юридически непреложный факт. До этого момента более двух веков Тува находилась под властью маньчжурской династии Цин, управлявшей Урянхайским краем с помощью своих монгольских вассалов.

Представляется важным для понимания масштаба и сложности решения об установлении покровительства над Урянхаем процитировать упомянутый выше доклад на заседании правительства России: «При объезде рассматриваемой местности полковник Попов лично убедился, что линия эта (речь идет о разделительной границе южнее хребта Танну-Ола. – *Авт.*) обозначена рядом межевых знаков и охраняется караулами из китайских регулярных войск. По совокупности всех имеющихся данных полковник Попов приходит к убеждению, что вся страна к северу от охраняемой ныне китайцами границы, называемая Урянхайским краем, принадлежит с 1634 года России»⁷.

Приведенный нами документ совета министров Российской империи «К вопросу об Урянхайском крае» от 8 ноября 1911 г. и докладная записка Николаю II министра иностранных дел России С.Д. Сазонова от 29 марта 1914 г. о принятии населения Урянхайского края под покровительство России с одинаковыми царскими резолюциями «Согласен» (об этом несколько подробнее мы скажем ниже) легли в основу глубоких и необратимых перемен в центре Азии, в конечном итоге давших нам картину сегодняшней Тувы.

Но вернемся к докладу на заседании правительства России «По вопросу об Урянхайском крае». В его постановляющей части, состоящей из пяти пунктов, содержатся поручения об увеличении числа русских школ, врачебной помощи и ветеринарном надзоре, церковном строительстве, устранении препятствия для судоходства на Верхнем Енисее, строительстве колёсной дороги до с. Усинское (от него до будущего административного центра Тувы около 230 км)⁸. Эти меры наглядно свидетельствуют о доброжелательном и заботливом отношении совета министров Российской империи к возвращаемому в сферу российских интересов Урянхайскому краю и никак не могут быть истолкованы «хищным аппетитом колонизатора-захватчика». Предметом первоочередных действий обозначены не завладение природными ресурсами Урянхы или тор-

говля, а вопросы гуманитарного и экономического плана. Здесь уместно заметить, что за более чем двухсотлетнее владычество Китая в Туве на территории последней не было построено ни одного социально и экономически значимого сооружения.

Рассмотрение правительством России ситуации в Урянхайском крае в ноябре 1911 г. получило продолжение в нескольких исторически значимых документах (здесь и далее нами используются материалы различных архивов, копии которых в рукописном виде хранятся в ИВ РАН и которые в настоящее время опубликованы в вышеуказанном «Собрании...»). Так, буквально через три месяца на свет появилось «Сообщение амбын-нойона Комбу-Доржу и чиновников Оюннарского, Салчакского и Тоджинского хошунов Усинскому пограничному начальнику А.Х. Чакирову об объявлении Тувы отдельной страной и с просьбой оказать покровительство и защиту через русского царя от 15 февраля 1912 г.». В нём большая группа чиновников и религиозных служителей, в которой по именам названы более 50 человек и указывается на «весь Танну-Урянхайский народ», объявляет Урянхай отдельным государством и просит покровительства и защиты Великого Российского Государства. Об этом обратившиеся просят А.Х. Чакирова довести «к стопам Великого Белого Государя». Кроме того, излагаются просьбы «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселённые пункты среди урянхов, а также для охраны – пикеты по границе»⁹.

А.Х. Чакиров 14 марта 1912 г. шлёт управляющему канцелярией Иркутского генерал-губернатора рапорт, в котором извещает о полученном от амбын-нойона трех хошунов Урянхайского края Комбу-Доржу обращении и информирует о том, что амбын-нойон ранее отклонил предложение посланников Богдо-гегена Монголии перейти в подданство к этому государству¹⁰.

В этой связи важно отметить, что в октябре того же 1912 г. состоялось признание и принятие в покровительство России уже самой Монголии, которую, как и Урянхай-

ский край, оставили к тому времени китайские власти. На заседании совета министров Российской империи 3 января 1913 г. при рассмотрении вопроса «Об учреждении должности Усинского пограничного комиссара» принято во внимание, что «вопрос об отношении Российского правительства к названному краю (Урянхайскому. – *Авт.*) получает совершенно новую постановку. Водворение в Китае республиканского правления, провозглашение монгольской независимости и изгнание из Улясутая китайских чиновников, в управлении коих находился Урянхайский край, имели своим последствием прекращение всякой зависимости урянхов от Китая, а равным образом на эту страну не может простираться никаких прав и только что призванная к политическому бытию Внешняя Монголия, так называемая, Халха. Таким образом, Урянхайская земля оказывается ныне в сущности бесхозьяною»¹¹. Этот документ также получил резолюцию Николая II «Согласен» от 1 февраля 1913 г.

Обратим внимание на использование в правительственном документе России определения Урянхайского края как «страны». Полагаем, что основанием для такого статуса могло послужить содержащееся в приведенном нами выше обращении амбын-нойона трех тувинских хошунов Комбу-Доржу объявление Урянхайского края отдельным государством. Не исключено, что в правительстве Российской империи это нашло понимание и согласие, хотя отдельных документов на этот счёт не принималось.

С учётом всех рассмотренных обстоятельств совет министров Российской империи учредил должность Усинского пограничного комиссара и утвердил штат его канцелярии. Особое значение имело решение о командировании в Урянхайский край переселенческого чиновника «для оказания русским засельщикам этого края административной и культурно-хозяйственной помощи»¹².

С принятием постановлений от 8 ноября 1911 г. «По вопросу об Урянхайском крае» и от 3 января 1913 г. «Об учреждении долж-

ности Усинского пограничного комиссара» Россия в дальнейшем использовала весь необходимый арсенал дипломатических средств для отстаивания своих интересов в Урянхайском крае и его развития. Так, например, 12 сентября 1913 г. в ноте правительству Монголии Россия весьма категорично напомнила об отсутствии у Монголии каких бы то ни было прав на Урянхайский край и потребовала прекращения посылки туда монгольских эмиссаров¹³.

Вслед за обращением к России амбын-нойона Комбу-Доржу, 28 сентября 2013 г. Хемчикский хамбо-лама Чамзы как главный духовный наставник всего урянхайского населения направил прошение «Великого Российского Государства Господину заведующему Пограничными делами Усинского округа сановнику Церерину». В нем духовный правитель урянхов, кочевавших в долине р. Хемчик, вместе с чиновниками, духовными и светскими лицами объявил о том, что «мы вполне добровольно, с искренним намерением принимаем это, преклоняемся перед покровительством и защитой»¹⁴. Одновременно хамбо-лама Чамзы просил сохранить религию, порядок управления и освободить урянхов от воинской повинности. Здесь же излагалась просьба о встрече с российским императором. По сравнению с обращением амбын-нойона Комбу-Доржу, обращение хамбо-ламы Чамзы представляется нам более полным, учитывающим ряд важных моментов и обстоятельств уклада жизни населения Урянхайского края.

Несомненную ценность, раскрывающую во многом мировоззрение и моральные установки населения Урянхайского края, которые хамбо-лама Чамзы просил соблюдать в рамках покровительства России, представляют приложенные к прошению «Нравоучения». Приведем их полностью, поскольку актуальность этих слов и сегодня не утрачена:

«1. Стараться выполнять нравственный долг, почитание и веру в буддийскую троичность (Будда, учение, духовенство).

2. Почитать учёных, отцов и матерей.

3. Уважать старцев, старших и лиц родовитых и знаменитых.

4. Великодушно и хорошо относиться к друзьям, имеющим близкородственные отношения.

5. Оказывать содействие местному населению, подобно врачу.

6. Хранить лучшие достоинства нравов, жидущихся на просвещении и законности.

7. Заботиться о проявлении прямоты и честности дела, не ограничиваясь истинным дружеским стремлением.

8. Быть умеренным и беспристрастным в пище, одежде и имуществе.

9. Стремиться к усовершенствованию в науках и грамоте.

10. Воздерживаться от лукавства, обмана, кражи и клеветы.

11. Следовать за радостным восхождением и кротостью без зависти и плоти человеческой.

12. Оказывать защиту и гуманное состояние всем.

13. Не давать жене во владение головы своей и власти.

14. Не позволять себе нарушать душевное спокойствие других, пользуясь их кротостью.

15. Мудрец красноречия должен научить других чтимому искусству.

16. Доставлять в должной мере радость и удовольствие другу, пользующемуся доверием и близким отношением.

17. По делам важным должен быть определённый суд, не допускающий никаких злоупотреблений»¹⁵.

Можно только выразить сожаление, что эти прекрасные пожелания пусть даже через сто лет нам всем во многом ещё предстоит воплотить.

26 октября 1913 г. последовало «Прошение заведующего тувинцами Даа-хошуна гуна Буян-Бадыргы на имя императора Николая II о принятии хошуна в состав России под Высокую Державную Руку и покровительство». В тексте «Прошения» снова привлекает внимание тезис, с которого и начинается просьба, где говорится, что «Около трёхсот лет назад (в 1616 г.) при первом русском царе из царствующего ныне Дома Романовых Михаиле Федоровиче предки на-

ши, кочевавшие по реке Хемчику, присягали на подданство России через первого русского посланца в этом крае Василия Тюменца, и с того времени покровительство Императоров из Дома Романовых урянхайскому народу продолжалось в течение более 60 лет». Далее, гун Буян-Бадьргы пишет, что «Входившие ранее в состав Великой России, а затем незаконно отторгнутые от неё, мы, урянхи, коленопреклонённо просим ныне Великого Цаган-хана Николая Александровича, потомка **нашего Царя** (выделено в тексте. – *Авт.*) Михаила Федоровича Романова, снова принять нас, как триста лет тому назад, в состав Великой России»¹⁶.

Гун Буян-Бадьргы, как и хамбо-лама Комбу-Доржу, просит Николая II разрешения «прибыть в царствующий град Петербург и повергнуть к стопам Великого Цаган-хана верноподданические чувства»¹⁷. Ко «Всеподданическому Прошению» гун Буян-Бадьргы приложил список просьб и пожеланий, среди которых следует выделить просьбу об освобождении жителей хошуна от пошлин на добываемых диких зверей и рыбу, а также от воинской повинности.

И буквально через несколько дней направляется «Прошение заведующих тувинцами Бээзи-хошуна на имя императора Николая II от 29 октября 1913 г.»¹⁸. Оно практически идентично прошению гуна Буян-Бадьргы. Это вполне естественно, поскольку Даа-хошун и Бээзи-хошун были расположены по соседству. Оба последних прошения были переданы иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым в Министерство иностранных дел России с ходатайством дать на них ответ – официальное заявление о принятии Урянхайского края под покровительство России. Это ходатайство было подано 15 января 1914 г., а 15 марта 1914 г. иркутский генерал-губернатор обратился в МИД России с просьбой ускорить рассмотрение прошения, поскольку представители тувинских хошунов «обеспокоенные, с одной стороны, неполучением до сих пор ответа, с другой – находясь под постоянным страхом репресс (так в тексте. – *Авт.*) со стороны Чжалханцы-Хутухты»¹⁹.

29 марта 1914 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов подал императору Николаю II докладную записку (заметим, написанную от руки) о принятии населения Урянхайского края под покровительство России. С.Д. Сазонов писал: «Во исполнение таковой высочайшей воли приемлю смелость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть объявить через командированного в Урянхайский край чиновника Управления Иркутского Генерал-Губернатора населению пяти хошунов, на которые разделяется этот край, что отныне оно принято под покровительство Российского правительства». На эту записку 4 апреля 1914 г. царь наложил резолюцию «Согласен». Затем Николай II через министра иностранных дел России С.Д. Сазонова передал повеление иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву – объявить населению Урянхайского края о принятии его под покровительство России. Иркутский генерал-губернатор направил в Урянхайский край заведующего Пограничными делами Усинского округа коллежского асессора А.П. Церерина, который и объявил населению пяти обратившихся с прошениями хошунов, что «отныне оно принято под покровительство Российского Правительства»²⁰.

Первой обязанностью населения Урянхайского края было установлено «не иметь никаких сношений с иностранцами, в том числе с монгольскими властями, иначе, как через посредство лица, представляющего на месте Российской Правительству, а равно повергать на решение того же лица все могущие возникнуть споры или столкновения между отдельными урянхайскими хошунами»²¹.

Все направившие прошения об установлении российского протектората высшие должностные лица хошунов получили от заведующего пограничными делами Усинского округа А.П. Церерина письменные уведомления о принятии положительного решения. В ответных письмах главы соответствующих хошунов заверили А.П. Церерина о принятии на себя обязательств, обуслов-

ленных российским протекторатом. Так, заведующий Танну-Урянхайским Западным хошуном по р. Хемчику Буян-Бадырғы, ставший в дальнейшем одной из центральных политических фигур в Туве, писал в ответном послании А.П. Церерину: «Я в свою очередь заверяю, что буду управлять одинаково, беспристрастно и относиться к подведомственным мне чиновникам и народу, как отец к детям»²².

Несколько особняком выступили раньше всех обратившиеся с прошением главы Салчакского и Тоджинского хошунов. Пока шло рассмотрение, они успели от него отказаться и попытались примкнуть к Монголии. Однако с установлением российского протектората их попытки были пресечены, и эти хошуны вместе с Оюннарским после непродолжительного противостояния подчинились новому порядку.

Существенной особенностью установленного протектората стало отсутствие процедуры принятия российского подданства (гражданства) населением Урянхая. Эта тема была специально обозначена в письме статс-секретаря Николая II И.Л. Горемыкина министру иностранных дел России С.Д. Сазонову, в котором он прямо указывает, что «преследуемые нами в Урянхайском вопросе цели не требуют немедленного принятия такой решительной меры, сопряжённой с возбуждением сложных и деликатных вопросов в наших отношениях к Китаю и Монголии»²³. В дальнейшем, по мере закрепления России в Урянхае, решения первоочередных неотложных и насущных вопросов обустройства края, предполагалось установить положение полного подданства России относительно местного населения²⁴.

Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев 29 октября 1914 г. докладывал министру иностранных дел России С.Д. Сазонову о выполнении поручения по объявлению населению пяти хошунов Урянхайского края о принятии их под покровительство российского правительства²⁵. Этот доклад получил 14 ноября 1914 г. резолюцию Николая II «Успешно».

Следует отметить, что первый же год (1914 г.) установления российского протектората в Урянхайском крае принес ощутимые результаты для экономического и социального развития края. Так, в «Докладе чиновника особых поручений 6-го класса С.Р. Минцлова за 1914 г.» сообщалось, что появились школы, больницы, аптеки, метеостанция, началось строительство колёсной дороги от с. Усинское, на средства частного капитала развернулось геологическое изучение недр²⁶.

Однако дальнейший ход истории не благоприятствовал, мягко говоря, заботам российского правительства о развитии Тувы. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, из которой ей суждено было выйти потерпевшей тяжёлое поражение, через три года отрёкся от престола Николай II и самодержавие рухнуло, в 1917 г. Россию сотрясли Февральская и Великая Октябрьская революции, началась Гражданская война. В апреле 1917 г. Временное правительство России подтвердило протекторат над Тувой. Но спустя чуть более года, в июне 1918 г. съезд представителей тувинского и русского населения объявил о праве тувинского народа на самоопределение и о выходе Тувы из-под протектората России²⁷, а в августе 1921 г. Тува объявила себя самостоятельным государством и в первом параграфе первой своей Конституции приняла новый протекторат – уже Советской России²⁸.

Но пожелание статс-секретаря императора Николая II И.Л. Горемыкина о «полном и окончательном присоединении Урянхайского края к великодержавной России»²⁹ не осталось только на бумаге. Оно было успешно реализовано практически по сценарию совета министров Российской империи в октябре 1944 г., когда Тувинская Народная Республика была принята в состав Союза ССР на правах автономной области РСФСР.

Сегодня, по прошествии более века со дня установления протектората России над Урянхайским краем – Тувой, следует констатировать, что в сложившейся на тот период этнополитической и социально-экономиче-

ской ситуации в регионе данное решение для тувинского народа было единственно верным и исторически оправданным. Одним из свидетелей тому – мнение самих жителей республики. По результатам экспертного опроса, которое было приложено к пакету упомянутых архивных материалов, местное население не только достаточно хорошо осведомлено об этом событии, но и в подавляющем большинстве оценивает его позитивно и считает, что провозглашение протектората имело для тувинцев прогрессивное значение. Немаловажно и то, что, по мнению многих исследователей, этот исторический шаг способствовал сохранению тувинского этноса и его этнической идентичности.

Примечания

¹ Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Кызыл, 2014. С. 3.

² История Тувы. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 8.

³ История Тувы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. С. 30.

⁴ Там же. С. 326.

⁵ № 113. Особый журнал Совета Министров Российской империи от 08 ноября 1911 г. По вопросу об Урянхайском крае // Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1911 г. М.: Росспэн, 2002. С. 430.

⁶ История Тувы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. С. 179.

⁷ № 113. Особый журнал Совета Министров Российской империи от 08 ноября 1911 г. По вопросу об Урянхайском крае // Особые журналы Совета Министров Российской империи. С. 430–431.

⁸ Там же. С. 437.

⁹ Сообщение амбын-нойона Комбу-Доржу и чиновников Оюннарского, Салчакского и Тоджинского хошунов Усинскому пограничному начальнику А.Х. Чакирову об объявлении Тувы отдельной страной и просьба оказать покровительство и защиту через русского царя от 15 февраля 1912 г. // ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.

¹⁰ Рапорт Усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова управляющему канцелярией Иркутского генерал-губернатора о ходатайстве амбын-нойона по вопросу присоединения Урянхия к России // ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 154. Л. 5–5об.

¹¹ Особый журнал Совета Министров Российской империи от 03 января 1913 г. Об учреждении должности Усинского пограничного комиссара // Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1913 г. М.: Росспэн, 2005. С. 13–15.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Копия с ноты дипломатического агента и генерального консула России и Монголии А.П. Хионина в министерство иностранных дел Монголии по урянхайскому вопросу от 12 сентября 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 217.

¹⁴ Прошение Хемчикского хамбо-ламы Чамзы на имя заведующего Пограничными делами Усинского округа А.П. Церерина о принятии тувинского населения, проживающего на Хемчике, под покровительство России от 28 сентября 1913 г. // ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–8.

¹⁵ Приложение к прошению Хемчикского хамбо-ламы Чамзы на имя заведующего Пограничными делами Усинского округа А.П. Церерина о принятии тувинского населения, проживающего на Хемчике, под покровительство России от 28 сентября 1913 г. // ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 500. Л. 57–58.

¹⁶ Прошение заведующего тувинцами Даа-хошуна гуна Буян-Бадьргы на имя императора Николая II о принятии хошуна в состав России под Высокую Державную Руку и покровительство от 26 октября 1913 г. // ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–13.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Прошение заведующих тувинцами Бээзи-хошуна на имя императора Николая II от 29 октября 1913 г. // ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–16.

¹⁹ Письмо Иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева министру иностранных дел С.Д. Сазонову о необходимости ускорить решение вопроса о подданстве урянхов ввиду усиленной агитаторской деятельности представителей монгольского правительства на Хемчике от 15 марта 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3114. Л. 61–62об.

²⁰ Секретная телеграмма министра иностранных дел России С.Д. Сазонова Иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву о повелении императора Николая II объявить населению Урянхия о принятии его под покровительство России от 5 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 73.

²¹ Там же.

²² Заверение заведующего Танну-Урянхайским Западным хошуном по р. Хемчику

тузулакчи Буян-Бадыргы о принятии на себя обязательств, обусловленных российским протекторатом от 17 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 241.

²³ Письмо статс-секретаря императора Николая II И.Л. Горемыкина министру иностранных дел России С.Д. Сазонову с одобрением решения о принятии Урянхайского края под протекторат России от 9 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 61–62.

²⁴ Там же. Л. 62.

²⁵ Письмо Иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева министру иностранных дел С.Д. Сазонову об объявлении Урянхайским правителем о протекторате России над Урянхайским краем от 29 октября 1914 г. (на документе помета Николая II «Успешно». Царское Село. 14 ноября 1914 г.) // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 276–278.

²⁶ Доклад чиновника особых поручений 6-го класса С.Р. Миншлова за 1914 г. // Рассекреченный Миншлов. Кызыл, 2007. С. 55–67.

²⁷ За свободу народа. Сборник воспоминаний красных партизан Тувы. Кызыл, 1957. С. 241–243.

²⁸ Научный архив ТИГИ. Р/ф. Д. 42. С. 335–337.

²⁹ Письмо статс-секретаря императора Николая II И.Л. Горемыкина министру иностранных дел России С.Д. Сазонову с одобрением решения о принятии Урянхайского края под протекторат России от 9 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 62.

С.Л. Кузьмин

ИЗГНАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ПОВСТАНЦЕВ ИЗ ХАЙЛАРА В 1917 г. И ПОЛОЖЕНИЕ В БАРГЕ (ХУЛУНБУИРЕ)

В 1917 г. монгольские повстанцы, боровшиеся против включения исторической территории Монголии в состав Китайской Республики, на короткое время взяли под контроль существенную часть монгольского региона Барги (Хулунбуира), в том числе её столицу – Хайлар. Русский посёлок Хайлара прилегал к одноимённой станции Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), имевшей важное стратегическое значение. Через несколько месяцев повстанцы были изгнаны из столицы, а затем с остальных территорий Барги, которые контролировали. Захват Хайлара и положение в тот период в Барге описаны ранее¹. Данная статья посвящена реконструкции дальнейших событий – изгнанию повстанцев из Хайлара и положению в Барге после этого.

В мае 1917 г. первый секретарь российской миссии в Пекине В.В. Граве прибыл в Хайлар для переговоров о решении «харачинского вопроса»² – занятия монгольскими повстанцами столицы и значительной части Барги, сопровождавшегося масштабными грабежами. В начале июля 1917 г., в связи с заминкой в переговорах харачинов с китайскими властями Маньчжурии, Граве обратился к наказному атаману Забайкальского казачьего войска с запросом, можно ли использовать казачьи части из Забайкалья для изгнания харачинов из Барги. После долгой переписки с российскими властями разных уровней и переговоров с вице-министром иностранных дел Внешней Монголии Цэнд-гуном (Чэндэ-гуном) на границу Барги был выдвинут монгольский отряд под начальством войскового старшины А.Ф. Васильева³.

Командированный монгольским правительством в Хайлар Цэнд-гун обсуждал там с Граве вопрос о возможности предоставления внешним монголам мандата на восстановление порядка в Барге. Затем с этим

предложением Цэнд-гун обратился к Орлову. Тот дал уклончивый ответ, «сославшись на недостаток гарантий того, что [монголы] по восстановлении порядка удалятся из Барги»⁴.

Имелось в виду то, что после провозглашения независимости Монголии в 1911 г. её руководство проводило интеграционистскую политику, призванную объединить под властью теократического монарха Монголии – Богдо-гэгэна Джебцундамба-хутухты VIII – все монгольские территории распавшейся империи Цин, в том числе Баргу. Россия, поддерживавшая Внешнюю Монголию, не соглашалась на интеграцию с ней Барги, так как была связана секретными соглашениями о разделе сфер влияния там с Японией.

В результате посланный на восток Внешней Монголии отряд с российскими инструкторами не стал пересекать границу с Баргой. Ему было приказано сосредоточиться в хошуне Далай-вана и ждать приказаний из столицы – Урги в зависимости от хода событий в Барге⁵.

Однако Внешняя Монголия не собиралась отказываться от появившейся возможности реинтегрировать Баргу. 27 июля монгольский министр иностранных дел сделал Орлову официальное заявление следующего содержания. Ввиду огромных убытков от грабежей харачинов во Внешней Монголии и непринятия Китаем мер по восстановлению порядка монгольский совет министров требует послать войска в Баргу, а в случае неисполнения этих требований монгольские отряды перейдут границы Барги. Орлов объяснил, что такой переход будет означать войну с Китаем; если Монголия хочет получить поручительство России и Китая восстановить порядок в Барге, необходимо знать, на какое вознаграждение она рассчитывает.

Министр ответил, что Монголия желала бы объединиться с Баргой⁶.

В случае решения допустить халхаские отряды в Баргу управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват был готов выдать им 1100 бердан и по 100 патронов к каждой⁷. Орлов поддержал это предложение, так как монголы не имели достаточно оружия⁸.

Российский МИД, памятуя стремление ургинского правительства присоединить Баргу, делал всё, чтобы не допустить туда отряд Васильева⁹. Соответственно, Граве выступил за оставление халхаского отряда на границе Барги, пока харачины не уйдут оттуда¹⁰. Это вынудило совет министров Внешней Монголии заявить об отказе от посылки войск в Баргу. И.о. китайского сановника в Урге была вручена нота, выдержанная в умеренном тоне. В ней излагалась история переговоров по «харачинскому вопросу», сведения об убытках Монголии и просьба послать в Баргу китайские войска.

Монгольский совет министров обсуждал вопрос о вооружении баргутов, бежавших в Халху, и о посылке их на родину для борьбы с харачинами. Орлов отмечал, что «ввиду отсутствия уверенности в воинских качествах баргут и оптимистических сведений, полученных от Граве, намерение это также пока оставлено»¹¹. «Согласно с мнением Граве, монголы предполагают держать отряд на границе до полного очищения харачинами Барги». Главные силы внешние монголы перебрасывали на реку Халх-гол (Халхин-гол) на границе с Баргой¹².

В дополнение к первому отряду в 1500 человек внешние монголы собирались мобилизовать ещё 1500. Монгольский банк выделил хошунам под гарантии монгольского правительства на содержание солдат 55 тыс. (видимо, лан серебра)¹³.

Первая мобилизация войск к южной границе Барги была произведена в начале июня. А в начале июля, в связи с бегством ново-баргутов из Барги от харачинов во Внешнюю Монголию, выяснилась необходимость защищать и западную баргинскую границу. Первоначально мобилизованных 1500 человек не хватало на 500 вёрст границы против

5000 харачинской кавалерии. Тогда мобилизовали ещё 1500 человек и 700 человек – на юге по просьбе китайского правительства.

Монгольское правительство израсходовало 200 тыс. руб. из ссуды, ранее выделенной Россией; последние 100 тыс. руб. были отправлены в экспедицию 22 августа. Вместе с двумя экспедициями монголы стали держать на юге под ружьём 4000 человек. Каждый солдат получал 20 руб. в месяц¹⁴.

Однако эти меры не остановили повстанцев. Васильев сообщил, что 19 августа «шайка харачинов» пробралась в хошун бэйсэ Доржа Юлджилдока и угнала 1500 лошадей. Другая «шайка» из 200 харачинов гнала баргутов, живших между озерами Далай-нур и Буир-нур, на западную границу Барги с Халхой. Монголы были слишком малочисленны, чтобы охранять границу. 1000 мобилизованных уже месяц жили в лагере, ожидая оружие, но известий о получении оружия из Москвы и Маньчжурии не было¹⁵.

Переговоры Цэнд-гуна в Хайларе о боевых действиях халхасцев против харачинов и об объединении Внешней Монголии и Барги раздражали повстанцев. Это усугублял тот факт, что присланный в Хайлар правительством Внешней Монголии Цэнд-гун по происхождению был даур из Барги, а повстанцы поставили на смену прежнему баргинскому руководству, представленному даурским меньшинством, монгольское руководство из баргутов. В результате в период пребывания в Хайларе Цэнд-гун был обманом завлечён в повстанческий лагерь и подвергнут пытке, после которой у него перестала действовать правая рука. По настоянию Граве Цэнд-гун был освобождён, в уплату за что харачины получили 8700 руб. и несколько сот лан серебра. Монгольское правительство собиралось заявить китайцам протест¹⁶.

Провал попытки реставрации цинской монархии в 1917 г. и нехватка ресурсов для снабжения монгольских повстанцев склоняли их к переходу в войска провинций Маньчжурии. Начальник штаба цичикарского губернатора Ли сообщил Граве, что 13 июля

1917 г. заключил соглашение о переходе на службу в Цицикарскую провинцию повстанческого командира Доржа (Дордже, Дарчжий) с 1400 харачинами, которые должны покинуть Баргу через две недели; с другим командиром – Чадарбалом (Шадарбалом) продолжались переговоры¹⁷.

Позиция японцев, поддерживавших повстанцев, стала меняться: японцы согласились на их вывод из Барги. Министр иностранных дел Японии сообщил российскому послу в Токио В.Н. Крупенскому, что к японскому консулу в Цицикаре явился делегат находящийся при харачинах японцев и заявил, что все они, 13 человек, готовы покинуть Баргу, как только определится судьба харачинов¹⁸.

Граве предложил решить «харачинский вопрос» переводом кочевых харачинов в осёдлость путем выделения им земель в Маньчжурии. 5 августа 1917 г. он встретился с японскими инструкторами повстанцев – Сэки и Садаки. Во время продолжительного разговора, где он указывал на вред, наносимый ими русско-японским отношениям, они сообщили, что решили покинуть Баргу. Сэки собирался ждать прибытия с юга «застрявшего там доктора», а остальные японцы собирались покинуть Хайлар в течение недели. В Хайлар для переговоров с повстанцами были командированы начальник китайского монгольского бюро в Цицикаре харачин Го Вэньтин и полковник генерального штаба Чжэнь. Положительные результаты контактов Граве с японцами благотворно повлияли на переговоры харачинов с этими двумя лицами.

Переговоры шли с самого приезда Граве в Хайлар и касались условий приема харачинов на китайскую службу. Со стороны харачинов их вели Дорж с указанными двумя посланниками, а чиновник мукденского генерал-губернатора Чжан Цзолиня вёл переговоры с Чадарбалом. Другие командиры повстанцев от переговоров отказались. Граве непосредственного участия в совещаниях не принимал, но китайские делегаты держали его в курсе дел. Граве проводил идею, что «харачинский вопрос» – чисто китай-

ский, так как харачины – китайские подданные, поэтому китайским властям их надо удалить из Барги, где Русско-китайским соглашением 1915 г. установлен особый режим.

Секретные агенты российского вице-консульства в Хайларе и консульства в Цицикаре добились того, что для участия в переговорах в Хайлар был командирован помощник начальника монгольского бюро в Цицикаре Фу Хай, имевший секретные связи с консульством. Благодаря донесениям этих агентов Граве удалось отклонить попытку китайцев поселить харачинов в Барге и настоять, чтобы им были отведены свободные земли вне Барги – в районе Солунь-Шань Цицикарской провинции. Выяснилось также, что замедление переговоров было связано с тем, что китайские делегаты хотели слишком высоких комиссионных от «главарей харачинов» за их устройство на китайской службе. Граве сумел убедить их умерить свои притязания.

Труднее было воздействовать на самих монгольских повстанцев. Последние не хотели быть откровенными с Граве. Он убеждал их, что они находятся на службе не у маньчжурского князя Су, желающего восстановить Цинскую династию, а у японцев, которым этот князь «продался», что у князя денег нет, а деньги от его имени посылают японцы; они начинают «предавать харачинов», а российское правительство стремится уладить конфликт мирным путем. Кроме того, Граве через прикомандированного к нему К.Г. Батурина и Фу Хая связался с «мелкими начальниками харачинов» и объяснял им то же самое, указывая на выгоду для них от перехода на китайскую службу.

В результате 6 августа Дорж подписал соглашение с делегатами цицикарского губернатора. На основании этого Дорж и его 1400 человек поступали в войска провинции, семьи их должны были поселиться в Солунь-Шане, причем пять лет ничего не должны были платить за землю; Дорж получал титул гуна, главные его помощники – офицерские чины, его люди зачислялись на обычное жалованье китайских солдат. Од-

новременно выяснилось, что часть людей Чадарбала ушла из Барги в Солунь-Шань, а сам он принципиально согласился на переход на службу в Мукденскую провинцию. После заключения соглашения харачинов с китайцами Граве уехал из Барги в Пекин¹⁹.

Во исполнение достигнутых договорённостей 11 и 12 августа 1917 г. из Хайлара уехали 11 японцев, бывших при расквартированных в Цаган-нуре повстанческих отрядах; осталось только двое. Для наблюдения за отъездом японцев 11 августа в Хайлар прибыл японский консул²⁰. К 20 августа в Барге остался лишь один больной японец. «Таким образом, вопрос о японских агитаторах в Барге можно считать ликвидированным»²¹.

Часть повстанцев переходила на китайскую службу в условиях продолжающихся распрей милитаристов в Маньчжурии. Ночью 11 августа телеграф и почта Цицикара были заняты войсками генерала Сюй Ланьчжоу. Генерал Бао номинально остался губернатором, так как Сюй заявил, что желает покончить с авантюрой генерала Инь Шуна (который отказался признавать его) и заставить его признать Бао губернатором. Власть осталась в руках Сюя, «или, вернее, в руках полковника Чжан Куйу»²² и бывшего фудутуна Цзисяня... Вопрос о харачинах в Барге, видимо, опять откладывается на неопределенное время»²³.

По-видимому, с этого времени начался карьерный рост Чжан Куйу в связи с баргинским вопросом. В 1919 г. барон Р.Ф. Унгерн, деятель Белого движения в Забайкалье, выехавший в командировку в Маньчжурию и Китай для наведения контактов с монархистами, женился на маньчжурской принцессе Цзи. По донесению российского генконсула в Харбине, Унгерн утверждал, что его жена – дочь бывшего дворцового коменданта²⁴. Согласно данным японской разведки, Цзи происходила из рода Чжан²⁵. Сообщали, что отец Цзи – генерал Чжан Куйу, к тому времени губернатор Хайлара²⁶. Вряд ли эти указания полностью верны, но, очевидно, Чжан Куйу был родственником Цзи. Унгерновец А.С. Макеев считал Чжан Куйу

названным братом Унгерна²⁷. Во многих мемуарах говорится, что брак был политическим именно потому, что Унгерн хотел иметь базу для своих войск в Хайларе – недалеко от границы Внешней Монголии, где он в 1921 г. восстановил фактическую независимость и монархию Джебцундамба-хутухты. Чжан Куйу был одним из немногих китайских администраторов, поддерживавших Унгерна.

Хотя Чжан Куйу упоминается в мемуарах о бароне Унгерне, сведений о нем мало. В феврале 1918 г., в связи с беспорядками, произошедшими на КВЖД из-за борьбы разных русских партий, туда были введены китайские войска. Один из начальников – командир 2-й кавалерийской бригады Чжан Куйу – был назначен вторым помощником главнокомандующего временной охраной в полосе отчуждения КВЖД²⁸.

В январе 1920 г. указом президента Китая генерал Чжан Куйу был назначен комиссаром по обороне Хулунбуира²⁹. В марте 1920 г. китайские власти для усиления границы выслали на ст. Маньчжурия бригаду генерала «Джана», чтобы воспрепятствовать пропуску белых войск на КВЖД³⁰. Тем не менее, Чжан Куйу поддерживал белых. Он стал командующим китайскими войсками на западном участке КВЖД, затем – губернатором Хайлара. Он был знаком с атаманом Г.М. Семёновым и поддержал его идею совместной борьбы Китая и белой России с Коминтерном. Позже он был убит Чжан Цзолинем³¹.

Вернёмся в 1917 год. Важные события происходили тогда не только в районе Хайлара и к юго-западу от него, но и к юго-востоку – в районе Солунь-Шань, куда с юго-запада вошел отряд монгольских повстанцев. Чжан Куйу сыграл важную роль в принуждении их к миру.

«1/IX н. ст. цицикарским дущюнем [губернатором. – *Авт.*] было получено срочное донесение от штаба 3-го ина [отряда, батальона. – *Авт.*] 1-го конного полка Цицикарской дивизии, находящегося в районе Солунь-Шаня, что 26 августа н. ст. в 4 часа утра монгольскими повстанцами, в числе

около 800 чел., прибывшими из Удзумчина, сделано нападение на Солуньшанский административный пункт; два взвода названного ина завязали перестрелку, длившуюся свыше двух часов, но принуждены были отступить ввиду численного превосходства повстанцев и недостатка патронов. К 12 час. дня повстанцы заняли этот пункт, сожгли и разгромили управление и много частных домов; во время пожара погибло свыше 20 китайцев. Чиновники административного управления и несколько монголов захвачены повстанцами и уведены в горы. Солдаты взвода разбежались по разным направлениям, и много их не возвратились до сего времени. Ввиду этого, штаб ина просил дущюнь спешно принять меры к освобождению захваченных повстанцами пленников.

2/IX н. ст. указанный дущюнь совещался по этому делу с командиром 2-й пехотной бригады Чжэнь Годуном и командирами полков и решил командировать делегатов для переговоров с повстанцами, чтобы склонить их к переходу на службу в войска провинции и таким образом добиться освобождения пленников.

9/IX н. ст. в Цицикар прибыл начальник Солуньшаньского управления Фан Чжэньчжи и несколько чиновников указанного управления. Они доложили дущюню, что монгольские повстанцы первоначально всячески издевались над ними и не хотели отпускать без выкупа в сумме 1000 долларов и 100 лошадей за каждого, но благодаря вмешательству двух знакомых монголов этого отряда их выпустили без всякого выкупа.

12/IX н. ст. князь Джалайт-ван донес цицикарскому дущюню, что монгольские повстанцы, нападавшие на Солуньшань, 10/IX н. ст. появились в его хошуне и расположились лагерем на запад от ставки. Князь просил защитить мирное население и его ставку. Дущюнь немедленно командировал в хошун Джалайт-вана и.д. командира 1-го конного полка Цицикарской дивизии Чжан Куйу с поручением призвать этих разбойников к покорности.

13/IX н. ст. командир полка Чжан Куйу с 7-м и 8-м эскадронами отправился в эту командировку.

14/IX н. ст. в штабе войск Цицикарской провинции получено было донесение от штаба 3-го ина 1-го конного полка, находившегося в Цзинсинчжэне, что лагерь монгольских повстанцев, появившихся в хошуне Джалайт-вана, находится всего в 10 верстах от Цзинсинчжэня, или в 90 верстах на запад от Цицикара.

11 [15]/IX н. ст. разъезд ина на ст. Баймяоцзы (севернее Цзинсинчжэня) встретился с отрядом повстанцев численностью в 100 чел., последний открыл стрельбу, во время которой ни с той, ни с другой стороны потерь не было. Штаб просил указаний. Дущюнь приказал ожидать прибытия командира Чжан Куйу и принять оборонительное положение.

16/IX н. ст. командир 1-го конного полка Чжан Куйу донес дущюню, что переговоры затягиваются вследствие больших требований повстанцев: 1) назначения одного из главарей командиром полка и трёх – командирами инов; 2) сформирования из них отдельного конного полка, – и просил указаний.

16/IX н. ст. дущюнь приказал местному гарнизону принять все меры охраны города Цицикара и окрестностей ввиду нахождения монгольских повстанцев всего в 100 верстах от Цицикара. Одновременно командировал в ставку Джалайт-вана штаб-офицера Чжэн Сюшэня и чиновника Го Ятина для совместного с командиром полка Чжан Куйу и князем Джалайт-ваном склонения повстанцев к покорности.

20/IX н. ст. командир полка Чжан Куйу, офицер Чжан и чиновник Го Ятин возвратились обратно в Цицикар и доложили, что монгольские повстанцы согласились поступить на службу в войска на следующих условиях: 1) предводитель их монгол Фу³² назначается командиром ина; 2) из людей отряда формируется шесть эскадронов конницы; 3) излишку людей от сформирования отряда гарантируется проезд на родину, и что 21/IX н. ст. монгольские повстанцы под командованием их главара Фу выступают в

Цицикар. Ввиду этого дущюнь приказал приготовить помещения для них в казармах 1-го конного полка за городом.

26/IX н. ст. из княжества Джалайт-вана вновь прибыло в Цицикар 400 монгольских повстанцев, изъявивших свою покорность и поступивших в ряды цицикарских войск вместе со своим главарём Фу. Размещены они в указанных дущюнем казармах и в город выпускаются группами под наблюдением старших. Ведут себя вполне дисциплинированно. Эти 400 монгольских повстанцев из числа нападавших на Солуньшань повстанцев; остальные 400 не пожелали вступать в цицикарские войска и ушли на свою главную квартиру на р. Халх-гол.

26/IX н. ст. дущюнь снова командировал штаб-офицера Чжэнь Сюшэня и чиновника Фу Хая в Хайлар для переговоров о призвании к покорности остальных повстанцев.

26/IX н. ст. в Цицикаре получено донесение от командира 3-го ина 1-го конного полка о новом появлении 1000 чел. монгольских разбойников в м. Тошэньхэ, что на запад от Солуньшаня. Дущюнь приказал начать против них вооружённые действия и отогнать от Солуньшаньского района, а начальнику Солуньшаньского административного пункта г. Фан Чжуньши предписать под охраной одного конного ина отправиться обратно в Солуньшань и восстановить там своё управление.

Подлинный подписал начальник штаба ротмистр Крылов»³³.

Так обстояли дела на юге. А на севере Барги повстанческое движение монголов развивалось так. В августе 1917 г. один из их командиров Фушэнгэ с 450 монголами прибыл по согласованию с Граве в Хайлар, но 20 дней не получал согласия Бао на зачисление в войска. Бао не принял даже старшего по чину Сэбджингэ³⁴. В связи с этим Афанасьев переговорил с цицикарским губернатором о решении харачинского вопроса. Тот обещал послать делегата к Фушэнгэ для приема на службу. Относительно Чадарбала и других он сказал, что вести с ними переговоры можно только с предварительной посылкой войск³⁵.

Вёл переговоры с Фушэнгэ и есаул (затем атаман) Г.М. Семёнов. Намного позже, после ареста красными Семёнов показывал на допросе: баргинские князья на съезде в Чите в 1917 г. просили его примирить их с харачинами, он уговорил одного из их командиров – Фушэнгэ прекратить боевые действия против них и перейти в его части³⁶. По-видимому, имеется в виду II областной казачий съезд в Чите в августе 1917 г., когда в Хайларе находились захватившие его монгольские повстанцы. Но, вероятно, Семёнов лишь позже уговорил Фушэнгэ: сначала последний перешёл на службу в китайские войска – возможно, в сентябре (см. выше), предварительно уйдя с севера Барги во внутренне-монгольское княжество Джалайт, а уже оттуда – к Семёнову.

Однако переговоры о переходе монгольских повстанцев на китайскую службу не привели к стабилизации положения в Барге. «Вследствие раздоров харачинов между собой усилилась разбойничья деятельность отдельных партий, с которыми харачины-главари не могут справиться. Был случай грабежа русских. Более всего грабит отряд Доржи, к переходу которого, несмотря на согласие цицикарских властей, мер не принимается»³⁷. Возможно, Дорж использовал грабежи как инструмент давления на цицикарские власти, чтобы ускорить процесс перехода на китайскую службу. Усатый прямо указывал, что из-за планов Доржа перейти на китайскую службу усилились раздоры среди харачинов³⁸.

Появились сведения, что 50 харачинов выехали на прииски Килари для грабежей, что требовало охраны там русского населения и задержания грабителей. Тогда же выяснилось, что на реке Аршан (Уршун) харачинами было нагреблено у русских рыбопромышленников скота и имущества примерно на 70 тыс. руб. Для охраны рыбных промыслов на Аршане требовалось расположить там полсотни конных солдат³⁹.

Усиление грабежей вызвало новую волну беженцев из Барги во Внешнюю Монголию. По сообщению начальника российской заготовительной экспедиции в Монголии,

шайка в 200 разбойников напала на баргутов, кочевавших между озерами Далай-нур и Буир-нур, гнала их в Цэцэнханский аймак. Беженцы принадлежали к хошунам Новой Барги, переселённым из Цэцэнханского аймака при деде нынешнего хана аймака⁴⁰.

Российский очевидец тех событий сообщал: «Караваны баргут, спасавшихся бегством от разбойничьих нападений, напоминали по своему характеру отступление армии. С северо-востока на юг тянулись тысячи двухколёсных арб. Телеги сопровождалась всадниками-монголами». На телегах среди скарба сидели маленькие дети.

3 сентября в Урге стало известно о стычке монгольского отряда в 60 человек с 40 харачинами в окрестностях сомона Ганджур. Монголы отправили туда отряд в 2000 человек. В Барге 100 харачинов напали на ставку областного начальника. В перестрелке было убито 5 монголов, в том числе областной начальник, его сын и родственник, другой родственник попал в плен. Харачины захватили много серебра, 1000 лошадей, гурт крупного рогатого скота и баранов. Затем они направились к Далай-нору и по Аршану разграбили русскую рыбачью заимку.

Нападения парализовали торговлю скотом и сырьём в тех местах, где появились харачины. Китайцы и монголы считали причиной этого не прекращавшиеся с 1916 г. японские интриги: говорили, что японцы раздали оружие харачинам, обучали их военному делу, кормили, а затем отошли в сторону⁴¹.

Из российских торговцев были ограблены Тенищевы, Карапетовы и другие⁴². В целом, из-за новых грабежей ещё остававшиеся в Барге ново-баргуты откочевали во Внешнюю Монголию, и в Новой Барге, насчитывавшей около $\frac{2}{3}$ населения Барги, не осталось никого. В Старой Барге солонны и олёты были ограблены и откочевали на склоны хребта Хинган или к границе с Россией. Одни старо-баргуты, кочевавшие к северу от КВЖД, оставались пока на месте, их иногда грабили мелкие партии харачинов, прорывавшиеся через линию дороги⁴³.

Стала нарастать напряжённость в отношениях харачинов с русскими. Происходили грабежи россиян в Барге. В ночь на 22 августа группа харачинов у ст. Хакэ напала на пастухов-дауров, пасших скот русских. Они стали отстреливаться, и харачины не смогли угнать лошадей⁴⁴. Вечером 9 сентября 1917 г. харачины пытались арестовать в русском поселке Хайлара даура, заподозренного в агитации против них. Им было оказано сопротивление, харачины убили русского милиционера. Озлобленная этим толпа русских схватила одного харачина и убила. Военные власти приняли меры охраны поселка⁴⁵. В действительности этот харачин был сильно избит и отправлен на лечение (см. ниже).

Разбои усиливались по мере истощения провианта у повстанцев, одновременно росло недовольство местного населения, терпению которого в итоге пришел конец, и баргуты решили обороняться. Они обратились с просьбой к даурскому меньшинству, столь нелюбимому повстанцами. В результате были организованы два отряда в 600 человек около ст. Маньчжурия и ст. Мяньюхэ и к северу от Хайлара в старо-баргутских кочевьях.

Новый фудутун (наместник с правами губернатора) Барги – Чэхэджа не был посвящён в эти планы, «так как опасались, что честолюбивый старик раскроет заговор харачинским главарям, при содействии которых он получил управление Хулунбуиром». Эти подозрения подтвердились. Случайно увидев в российском вице-консульстве даура Укуя и одного из старших солонских начальников, Чэхэджа заподозрил неладное и обратился к харачинскому командиру Сэбджингэ с просьбой убить Укуя в гостинице в русском посёлке. По-видимому, за ним было установлено наблюдение: когда Укуй возвращался 9 сентября из вице-консульства в гостиницу, харачины выследили его, но он успел спрятаться в гостиницу. Так как китайцы-слуги не пустили в гостиницу харачинов, последние схватили одного из них и попытались увести с собой. Толпа русских и милиционер вступились за китайца.

Тогда харачинский тунлин (командир) Джимба выстрелил из револьвера и убил милиционера Юсупова. После этого толпа русских напала на харачинов и избила одного из них до потери сознания. За участие в убийстве его решили после выздоровления предать суду.

Эта дерзость харачин вызвала панику среди населения. Местные военные власти приняли меры охраны: были выставлены войска, высланы конные разъезды. Этот случай и ограбление русских наводили на мысль, что харачины перестали считаться с ними и могут напасть на поселок. Усатый решил не вступать ни в какие переговоры с Сэбджингэ, пока тот не принесёт извинений за убийство Юсупова и не накажет виновных.

Вскоре в поселке появились харачины, видимо, с целью разведки. Тогда были задержаны помощник Сэбджингэ – гун Минбо «и бывший работник телеграфной конторы в Урге, перешедший к харачинам. Все они будут переданы местным властям. Харачины установили наблюдательные пункты у русского поселка»⁴⁶.

Однако и между командирами монгольских повстанцев не было единодушия. Разногласия между Доржем и Сэбджингэ, не соглашавшимся перейти на китайскую службу, привели к вооружённым столкновениям. 12 сентября Дорж покинул окрестности Хайлара и двинулся со своими людьми на юг. Обескураженный Сэбджингэ стал договариваться с Доржем, чтобы тот временно задержался для решения вопроса о том, что они оба перейдут к китайцам. 15 сентября Дорж возвратился в Южную деревню у Хайлара примерно с 500 солдатами. У Хайлара силы харачин достигли 800-900 человек. В отрядах Бумбужава и Сэбджингэ, по донесениям агентов, тогда находилось 8 японцев, которые прибыли в Хайлар после происшествия 9 сентября⁴⁷.

С прибытием в Хайлар начальника российского Заамурского округа Пограничной стражи генерал-майора Н.М. Переверзева выяснилось, что русские могут противостоять монгольским повстанцам, «хотя раньше

некоторые военные чины убеждали генерала Переверзева в превосходстве харачинов. После обсуждения было решено, что действия начнутся 17 сентября, к каковому времени должны собраться баргинские силы со ст. Мяньдунхэ и Маньчжурия». План действий был сообщён баргутам, но они просили дождаться прибытия ещё одной конной сотни, и действия отложили до 18 сентября. Однако баргуты не успели предупредить своих. Рано утром 17 сентября часть баргинских звенков – солонов и ороحوнов – напала на Южную деревню в 17 верстах от Хайлара, где стоял отряд Доржа. Последний с отрядом бежал на юг. «Против остальных выступили наши войска. Харачины обстреляли город ружейным и орудийным огнем, есть убитые и раненые. Под давлением нашей артиллерии и конницы харачины оставили город Хайлар, занятый нами»⁴⁸.

В сентябре 1917 г. чиновник от баргинских солонов приехал в Ургу и встретился там с монгольским военачальником Хатан-Батор-ваном Максаржавом. Он рассказал, что 500 солонских солдат, изгнав харачинов из Хайлара, погнались за ними и имели два боя: в местностях Хуин-Хундлун и Хуйтэн, остальные харачины бежали на юг. В Хуин-Хундлуне солонны поставили заставу⁴⁹.

Операцию российским и баргинским войскам облегчило недоразумение между повстанцами. Услышав выстрелы и решив, что на него напал Дорж, Бумбужав из Западной деревни открыл стрелковый, а затем и орудийный огонь по повстанцам, отступавшим из Южной деревни к западу. Благодаря этому замешательству русские успели приготовиться и, когда повстанцы открыли по русскому поселку оружейную стрельбу, по ним был открыт ружейный и орудийный огонь. Повстанцы очистили рощу, а затем и город. Примерно в полдень они выпустили около десятка шрапнельных снарядов по поселку. Снаряды, которыми их снабдили японцы, были очень низкого качества и вреда не нанесли.

Бой продолжался до 6 час. вечера. Российские войска, собранные на линии КВЖД Переверзевым, заняли город Хайлар. Отсту-

павших повстанцев короткое время преследовала российская конница. Переверзев сообщал, что «неоценимую услугу оказали четыре позиционных орудия, запряжённые лошадьми дружин и лично управляемые в бою полковником Тверицыным. Харачины хорошо вооружены, имеют 4 орудия, инструкторы у них были японские офицеры. По сведениям, во время боя у них было около восьми японцев». При недостатке конницы и отсутствии конной артиллерии преследовать повстанцев с целью уничтожить или изгнать их из Барги он не мог.

Отступавшие повстанцы подожгли обе деревни у Хайлара – Западную и Южную. Отступление было настолько поспешным, что они оставили большие запасы патронов. Со стороны повстанцев было убито около 40 человек, с российской – 2 солдата и 1 женщина, у баргутов – 4 раненых. После этого Хайлар некоторое время пребывал в тревоге, опасаясь возвращения харачинов с подкреплениями, но опасения эти оказались напрасными. Разведка показала, что повстанцы отступали в беспорядке, имея много раненых людей и лошадей. Они направились к Цаган-нуру, где располагалась стоянка Чадарбала.

Поскольку было опасение, что повстанцы уйдут в хошуны Дзун-Удзумчин и Барун-Удзумчин Внутренней Монголии, где заготавливался скот для российской армии, Усатый послал к Васильеву на р. Халх-гол, чтобы тот принял меры к предупреждению этого. Российские военные власти, ввиду недостаточности своих сил в Хайларе, решили не преследовать повстанцев на Цаган-нур и считать вопрос законченным. В дальнейшем для наблюдений за ними и борьбы с их мелкими партиями баргуты отправили отряды милиции по 300 человек. Кроме того, формировались отряды из откочевавших во Внешнюю Монголию ново-баргутов, которые должны были прибыть в Хайлар⁵⁰.

Сообщая об отбитии нападения харачинов на ст. Хайлар, Переверзев просил командующего войсками оказать помощь: прислать 6 сотен при пулемётах и – крайне желательно – не менее 2 конных или горных

орудий⁵¹, отмечая, что «присутствие их [харачинов. – *Авт.*] является серьёзной угрозой Барге»⁵². Запрос пошёл по инстанциям. Из Иркутска ответили, что «просимых подкреплений выслать не могут»⁵³.

После изгнания из Хайлара монгольские повстанческие отряды не были ликвидированы. Дорж со своим отрядом ушёл в Солунь-Шань. Находясь в «Солуньских горах на границе хошуна Чжасакту-вана, прислал в Цицикар предложение о принятии его с 800 человек на китайскую службу»⁵⁴. Из его отряда был образован отдельный ин, Дорж стал его командиром. Противник перехода на китайскую службу Сэбджингэ был схвачен Доржем и передан в Цицикар, где и казнён⁵⁵.

В тот же район ушли повстанцы, стоявшие на Цаган-нуре, бросив около 100 юрт. Они «ушли по дороге в Долькуетун-гол, приток Хуин-гола, по направлению к Солунь-Шань»⁵⁶. В декабре 1917 г. хайларский фудутун получил официальное сообщение от вице-председателя Джоудаского сейма Внутренней Монголии, что несколько харачинских начальников, в том числе Мантата, Фыншэнгэ, Дачин, Чичимба со своими людьми числом более тысячи, прибыли в Джоудаский сейм и сдали оружие представителям дутуна провинции Жэхэ. Часть из них поступит на службу в китайские войска, остальные могут свободно вернуться на родину⁵⁷.

Однако часть повстанческих сил осталась на северо-востоке Барги, причем прибывший в Хайлар из Харбина японский консул подтвердил, что в харачинском отряде есть японцы: Уэма, Хатакэяма, Ито и др.⁵⁸

Эти группы продолжали рейды по Монголии, грабили монгольское и российское население. Правительство Внешней Монголии, по официальному заявлению чиновника Нямжава, действовавшего по уполномочению военного вице-министра и главнокомандующего войсками автономной Монголии Пунцагравдана, не могло само справиться с харачинами. 19 сентября 1917 г. по уполномочению Пунцагравдана в войсковое управление Забайкальского казачьего войска явил-

ся дзахирагч (помощник помощника главы управления хошуна) Нямжав в сопровождении российского подданного Цыбикова и заявил, что в мае около 30 харачинов в местности Аршан нагнали у баргутов около 100 лошадей; часть их, двигаясь в сторону станицы Могойтуйевской, напала на баргутских эмигрантов для грабежа, но была отбита. Месяц назад шайка харачинов в 30 человек напала на баргутского чиновника Довдан-Балжира, зарезала его самого, всё его семейство и 5 человек, бывших в ямыне (присутственном месте); одному удалось бежать. Отдельные группы харачинов, ядро которых базировалось в Хайларе, разъезжали по Монголии вдоль границы с Россией, грабили и убивали монголов, русских, бурят и всех, кто попадался на пути. Монгольские власти не могли бороться с харачинами, так как у них вооружение было хуже, харачины были разбросаны по Монголии, проходили через города под видом мирных жителей, имея документы от китайского правительства.

Вследствие этого Нямжав просил принять меры к предотвращению харачинских набегов. Пунцагравдан, как баргут по происхождению, обещал полное содействие в отражении харачинов от российских караулов, защите жизни и имущества российских граждан в Монголии. Всё это он подтвердил в своём заявлении. Для обсуждения последнего 19 сентября состоялось совещание Общего присутствия при участии забайкальского областного комиссара, советника областного управления В.М. Юринского. Совещание пришло к заключению, что желательно оказать содействие баргутам в отражении «шаек харачинов» вооружённой силой, но в данное время такой способ без сношения с российскими дипломатическими представителями в Монголии и Китае признан невыполнимым. Потому вопрос было решено передать на рассмотрение забайкальского областного комиссара.

На совещании выяснилось, что российские приграничные станицы и посёлки почти не имеют огнестрельного оружия, так как хранившиеся со времени Русско-японской войны винтовки Бердана для вооружения, в

случае необходимости, казачьего населения взяты на вооружение дружин ополченцев. Следовательно, если харачины нападут на баргутов, а затем, возможно, и на русских, то у последних не окажется оружия. Поэтому совещание сочло необходимым снабжение района хотя бы 100 винтовками с достаточным запасом патронов для казачьего населения.

Усатый в комментарии от 7 октября 1917 г. писал, что харачины совместными действиями российских войск и баргутской милиции из Барги изгнаны. Однако командированный в Хайлар Граве, имевший особые полномочия по улаживанию харачинского вопроса, обращался к наказному атаману Забайкальского казачьего войска с просьбой, можно ли рассчитывать на его войска в действиях против харачинов, но ответа не получил. Зато просьба монгольского военного вице-министра вызвала срочное обсуждение с указанным выше результатом⁵⁹.

Правительство Внешней Монголии было озабочено новым наплывом беженцев из Барги и новыми рейдами харачинов. 28-го дня 8-го месяца (13 октября)⁶⁰ разведчик донес халхасцам, что враги проникают со стороны горы Дархан-ула (на р. Халх-гол, где располагался старый лагерь повстанцев). Хатан-Батор-ван Максаржав, его помощник Баяр-гун (Баир-гун) и инструктор Васильев с монгольскими и российскими солдатами отправились им навстречу и вторглись в Баргу. Произошли бои. Солдаты захватили много оружия, скот, лошадей. Их потери составили 4 убитыми и 12 ранеными⁶¹.

Правда, даты этих боев неясны. По донесению Васильева, столкновения халхаских войск с харачинами произошли 20 и 22 сентября (очевидно, по старому стилю, или 3–5 октября по новому стилю) на правом берегу р. Халх-гол в районе горы Дархан-ула. В результате была уничтожена большая часть их партии, состоявшей приблизительно в 500 человек, остальные бежали на юг. Первую партию скота в 2000 голов, задержанную на р. Халх, Васильев направил для возвращения по маршруту, указанному Уса-

тым; планировалось отправить ещё две партии⁶². Однако повстанцев не останавливало присутствие монгольских войск с российскими инструкторами. Так, в перестрелке монгольских передовых частей с ними на р. Халх-гол был убит пулемётчик – старший унтер-офицер 19-го Сибирского полка Иванов⁶³.

После разгрома повстанцев у Дарханулы Максаржав, опасаясь их возвращения, отправил на разведку Баяр-гуна с 300 солдатами. Зимой Максаржав с Баяром вернулись в Ургу, оставив на границах Барги для охраны 2 отряда в 500 солдат под командой чиновника Билига из хошуна джун-вана Доржпалама и дзахирагча Лундрэва из хошуна бэйсэ Мишигдрожа, а оставшихся солдат расформировали⁶⁴.

Принимались и меры мобилизации баргинских беженцев в Халхе. «В связи с удалением из Барги харачинов, Манлай-ван организовал в хошуне Сан-бэйсэ отряд из беженцев, который может принять участие в изгнании разбойников». Для согласования действий в Сан-бэйсэ и Хайлар выехал Цэнд-гун⁶⁵. Перед отъездом Цэнд-гун говорил, что для баргинцев наиболее приемлемая кандидатура нового фудутуна – баргинский Манлай-Батор-ван Дамдинсурэн⁶⁶.

В связи с этим, «баргинцы собирают свои силы, возлагая надежду на возвращающихся из Внешней Монголии ново-баргутов, организованных товарищем военного министра в Урге, уроженцем Барги Манлай-ваном, который надеется при содействии халхаских войск выгнать харачинов. Войска Внешней Монголии, по полученным сведениям, находятся на р. Халхе на месте прошлогодней стоянки харачинов... Они преграждают харачинам путь отступления через восточную часть Цэцэнханского аймака»⁶⁷. Усилиями баргутов Манлай-Батор-ван Дамдинсурэн «организовал в хошуне Сан-бэйсэ отряд из беженцев, который может участвовать в изгнании разбойников»⁶⁸.

Вскоре после изгнания повстанцев из Хайлара возник вопрос о новой смене власти в Барге – вместо поставленной харачинами. В Ургу приехал один из ухэрид –

Чибсэнгэ, который заявил, что назначен в Ургу представителем от Барги, объявившей о своей самостоятельности. Правительство Внешней Монголии ответило, что не считает Баргу самостоятельным государством. Чибсэнгэ уехал обратно⁶⁹.

Один из наиболее вероятных претендентов на пост главы Барги – Чэхэджа скомпрометировал себя в последних выступлениях харачинов: попытка задержания в российском поселке даура, вызвавшая убийство российского милиционера, была проведена харачинами по просьбе Чэхэджи, который после неудачи уехал из Хайлара. Ввиду этого было организовано временное управление Хулунбуира из двух находившихся в Хайларе ухэрид – Баданги (старо-баргута) и Гуйфу (даура). Старо-баргутские и солонские представители высказывались за восстановление бывшего фудутуна – даура Шэнфу, свергнутого харачинами. Но мнение ново-баргутов ($\frac{2}{3}$ населения Барги), откочевавших в Халху, было неизвестно. Усатый рекомендовал отложить вопрос о назначении фудутуна до их возвращения⁷⁰.

Шэнфу вернулся в Хайлар, но должность фудутуна не принимал⁷¹. Это шло вразрез с позицией российской миссии в Пекине. Российский посланник в Пекине Н.А. Кудашев выступал перед МИД России за невозвращение Шэнфу и за признание фудутуном фактического главы Барги – гун-амбаня Аня (Чэхэджи). В ответ товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов сообщил, что предоставляет посланнику решить вопрос о правителе Хулунбуира сообразно с местными условиями; не считает возможным официально указать на вице-консула в Хайларе как на советника по управлению Баргой, но он должен держать связь с властями Барги, помогать им, «направляя их к упорядочению управления и финансов округа»; нет возражений против приглашения русского офицера для организации в Барге милиции.

Ново-баргуты, находящиеся во Внешней Монголии, легко могли подпасть под её влияние и стараться провести кандидата, удобного ургинскому правительству и сто-

ронника её объединения с Баргой. Телеграмма Орлова о том, что Цэнд-гун едет в Хайлар выставить кандидатуру Манлай-вана Дамдинсурэна, давала основание полагать, что это предложение верно. Правительство России считало нежелательным вмешательство ургинцев в баргинские дела, поэтому рекомендовалось противодействовать реализации этого намерения. При выборе кандидата в правители надо было следовать соглашению о Барге 1915 г.⁷²

Итак, МИД России продолжал действовать в рамках Русско-китайского соглашения по Барге 1915 г. и Китайско-русско-монгольского соглашения 1915 г., согласно которым Внешняя Монголия и Барга рассматривались не как единое государство, а по отдельности.

Обсуждая кандидатуры на пост главы Барги, Усатый отмечал, что дауры и солоны высказываются за восстановление Шэнфу, но он слишком подвержен китайскому влиянию. На предстоящих выборах наиболее подходящей кандидатурой был бы Чэхэджа, но он уехал из Хайлара и возвращаться не был намерен. Ухэрид Маханнама (?) и Чибсэнгэ пока не было в Хайларе, а ухэрида Бангунжав скомпрометирован сношениями с харачинами. Кроме того, Шэнфу был непопулярен в Барге⁷³. Кудашев отвечал Усатому, что не следует ничего предпринимать ни за, ни против восстановления Шэнфу, пока не прояснится отношение к нему новобаргутов⁷⁴.

Через некоторое время Шэнфу получил от военного министерства Китая через цинцарского губернатора телеграмму о восстановлении в должности фудутуна⁷⁵. В связи с этим другие дауры стали оказывать давление на население «в смысле оставления у власти дауров»⁷⁶.

Ещё одним претендентом на пост фудутуна стал Манлай-Батор-ван Дамдинсурэн. 9 сентября 1917 г. он прибыл в Хайлар с вице-министром иностранных дел Внешней Монголии Цэнд-гуном. Дамдинсурэн был уроженцем Барги, перешедшим на службу в Ургу в 1912 г., и прославился при освобождении г. Кобдо. Он пользовался значи-

тельным влиянием среди ново-баргутов, в особенности теперь. По словам Цэнд-гуна, ургинское правительство хотело использовать Дамдинсурэна для возвращения откочевавших ново-баргутов, набрать отряд, изгнать из Хайлара харачинов и вступить в переговоры с Китаем о присоединении Барги к Внешней Монголии. Но план этот не удался, так как отряд был готов только к октябрю, когда харачинов уже изгнали из Хайлара.

Однако 6 октября Дамдинсурэн привел на ст. Маньчжурия отряд из 600 ново-баргутов. Прибыв в Хайлар, он предложил Шэнфу и другим присоединиться к Халхе, а управление Баргой перенести в Лубиньфу около ст. Маньчжурия. Это не встретило сочувствия баргутов. В разговоре с Усатым Дамдинсурэн не говорил о присоединении к Халхе, а спросил, не потеряет ли он лицо, если выставит свою кандидатуру на должность фудутуна. Усатый ответил, что это противоречило бы соглашению по Барге. Манлай-Батор несколько раз возвращался к этому вопросу, но, встретив отказ Усатого, последовал его совету не вмешиваться в это дело и обещал 16 октября распустить собранных им новобранцев. Были сведения, что Дамдинсурэн принимал меры, чтобы убедить ново-баргутов не возвращаться в Баргу, где снова будет засилье дауров, а оставаться в Халхе⁷⁷.

В октябре 1917 г. была назначена новая баргинская администрация: Правое отделение – Чибсэнгэ, Баданга, Екчинга; Левое отделение – Дэгчжэмбу, Нэсүхэнгэ, Бадарху. Каждый из них должен был дежурить в Хайларе по 1 мес. Олётским ухэридой вместо Бангунжава был назначен Намжилжав, солонским ухэридой – Екчинга вместо Гуйфу; ухэридами Доронь и Ба – Добдонбалжир и Намжилжав⁷⁸.

Февральская революция 1917 г. и продолжавшаяся Первая мировая война всё более ослабляли позиции России. Но ещё больше эти позиции ослабили Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война. Согласно отчёту Усатого о деятельности вице-консульства в Хайларе с

1 ноября 1917 г. по 1 октября 1918 г., позиции России в Барге сильно ослабели. Участились грабежи. В Барге резко усилились позиции и экспансия китайского капитала. Вопреки соглашению 1915 г., в Хулунбуир были введены китайские войска, вдоль границы с Россией поставлены китайские караулы, в некоторых местах допущена китайская колонизация⁷⁹.

Закрепление китайских войск в Хайларе относится к 1917 г. В декабре 1917 г. китайские войска сопровождали в Россию выселяемых дружинников. По возвращении со ст. Маньчжурия они решили остановиться в Хайларе и потребовали от монголов размещения в Старом городе. Усатый, продолжая следовать соглашению по Барге от 1915 г., просил российскую миссию в Пекине принять меры к недопущению их высадки⁸⁰. Тем не менее, китайские войска остановились в Старом Хайларе. 29 декабря они ушли оттуда в казармы, предоставленные им российскими военными властями. Это значительно подняло престиж России в глазах монголов. Для ограничения сферы деятельности китайского отряда в полосе отчуждения по просьбе вице-консульства баргинские власти предоставили в распоряжение российских военных властей 70 монгольских (баргинских) солдат, которые стали нести караульную службу по гарнизону⁸¹.

Мукденские власти стали убеждать цицикарского губернатора Бао воспользоваться вводом китайских войск в полосу отчуждения КВЖД, занять Баргу и учредить там должность чжэншоуши. На эту должность советовали назначить полковника Чжан Куйу. Бао не дал прямого согласия, но командировал в Хайлар для переговоров с монгольскими властями начальника монгольского бюро управления губернатора – харачина по имени Гао Вэньтянь, «который на днях вернулся из Хайлара и сообщил, что монгольские власти согласились на ввод китайских войск в Баргу и обязались дать помещения для таковых в Старом городе. Указанное сообщение подтвердил прибывший вчера из Хайлара от монгольских властей их уполномоченный – 2-й помощник фудутуна

Жуйань. <...> Образование из самостоятельной Барги вновь округа, входящего в состав Хэйлунцзянской провинции с китайской администрацией и войсками, вряд ли будет полезно для нас в будущем во всех отношениях»⁸².

Командир прибывшего ина китайских войск при каждом удобном случае заводил разговор с баргинским фудутуном о том, что они люди одного государства, хотел расквартироваться в монгольском городе, перейдя туда из русского посёлка. 6 января из Цицикара с новогодними подарками от губернатора фудутуну и другим чиновникам приезжал Гао Вэйтянь. При его поддержке командиру ина удалось уговорить баргутов на предоставление помещений хотя бы для штаба ина. Баргуты предоставили для этого храм, но не в старом городе, а рядом с русским посёлком. Храм не был приспособлен для жилья и некоторое время не был занят, ин располагался в русском посёлке – в казармах бывшей дружины⁸³. Затем китайцы доставили из Цицикара в Хайлар 4 пулемёта и 50 человек пулемётной команды и расположили в храме рядом с посёлком – храм они просили для штаба, а теперь заняли самовольно. Усатый отмечал, что китайцы собираются нарушить соглашение 1915 г.⁸⁴

Вечером 19 января 1918 г. в Хайлар из Маньчжурии прибыл отряд китайских солдат в 250 человек, из которых 155 прошли прямо в Старый Хайлар без всякого предупреждения баргинских властей и расположились в частных домах. Баргуты обратились к Усатому. Воспользовавшись официальным визитом к нему Чжана Куйу, Усатый указал на неудобство расквартирования солдат в разных местах для наблюдения за ними и на то, что китайские отряды допущены сюда только для охраны полосы отчуждения и железнодорожных сооружений. Он предложил Чжану Куйу сосредоточить свой отряд в полосе отчуждения, обещая содействие в предоставлении на следующий день казармы, освобождающейся с уходом оттуда 547-й Симбирской дружины. Чжан Куйу согласился и заявил, что имеет приказание цицикарского командующего войсками

только об охране полосы отчуждения, и что расквартировать часть отряда в Старом Хайларе был вынужден вследствие недостатка помещений⁸⁵.

По донесению Афанасьева из Цицикара, баргуты согласились на ввод в Баргу китайских войск, обязавшись предоставить им помещения в Старом городе. Однако Усатый доносил в Пекин из Хайлара, что баргуты не давали согласия на ввод китайских войск в Баргу и на учреждение поста чжэншоуши⁸⁶.

Одновременно с вводом китайских войск был опубликован декрет президента Китайской Республики от 17 (30) января 1918 г., в котором говорилось: «Министр-председатель Ван Шичжэн представил поступивший от хэйлунцзянского дучжуня Бао Гуйцина и хулунбуирского фудутуна Шэнфу доклад следующего содержания: "Вследствие того, что со времени набега мятежников на гор. Хайлар как знаменное, так и китайское население находится в бедственном положении, ходатайствуем об ассигновании денежных средств на оказание ему помощи". Ознакомление с содержанием означенного доклада вызывает чувство глубокого сострадания. Поэтому на министерство финансов возлагается обязанность выдать 10 тыс. долларов в распоряжение названного фудутуна, которому надлежит, в соответствии с истинным положением вещей, раздать таковые действительно нуждающимся, дабы тем пойти навстречу высоким намерениям правительства, озабоченного оказанием защиты и помощи монгольскому населению»⁸⁷.

Очевидно, издание этого указа было результатом поездки в Пекин в декабре 1917 г. баргутов Сулфанги и Юншоу, выехавших из Хайлара 4 декабря. «Цель поездки – получение пособия в вознаграждение за разгром харачинами, если это невозможно – заключение займа»⁸⁸.

Таким образом, контроль монгольских повстанцев над значительной частью Барги, включая её столицу, в 1917 г. не привёл к интеграции разных монгольских земель и к независимости их от китайского господства, к чему стремились повстанцы. Вытеснение

повстанцев с этой территории, невозможность обеспечения там их отрядов и, как результат, ширококомасштабные грабежи населения, тенденция перехода их на китайскую службу в сочетании с революционной смутой в России создали предпосылки к введению китайских войск и администрации в Баргу и последующей отмены её автономии.

Примечания

¹ Ностаева Е.В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. 2010, № 1(21). С. 43–48; Кузьмин С.Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. 2018 (в печати); Кузьмин С.Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги в 1917 г. 2019 (в печати).

² По названию монгольской народности, составлявшей значительную часть повстанцев.

³ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 52–119.

⁴ Телеграмма Орлова из Урги от 24 июля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 76.

⁵ Телеграмма Орлова из Урги управляющему российским генеральным консульством в Харбине от 25 июля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 96.

⁶ Телеграмма Орлова из Урги от 28 июля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 77.

⁷ Телеграмма Граве от 31 июля 1917 г. в 4-й политический отдел МИД, АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 43.

⁸ Телеграмма Орлова из Урги от 10 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 81.

⁹ АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 52–119.

¹⁰ Телеграмма Граве от 6 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 123.

¹¹ Телеграмма Орлова из Урги от 10 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 82.

¹² Телеграмма Орлова из Урги от 17 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 85.

¹³ Телеграмма Орлова из Урги от 19 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 86.

¹⁴ Телеграмма Орлова из Урги от 2 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 100–101.

¹⁵ Телеграмма Орлова из Урги от 19 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 90.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 108–108об., 121; ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 167–167об.; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 160.

¹⁷ Телеграмма Граве в миссию в Пекине от 14 июля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 156; ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 66, 71.

¹⁸ Телеграмма Крупенского из Токио Кудашеву в Пекин от 2 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 165.

¹⁹ АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 52–119.

²⁰ Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е отделение от 12 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 170.

²¹ Донесение Усатого из Хайлара от 20 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 175.

²² В русских документах и мемуарах писали по-разному: Чжан-Ку-ю, Джан-ку-ю, Чжан-куй-у, Чжан Куй-у, Чжан Куй-ю, Джан-куй-ю, Джан-ку-у, Чжан Куйву, Чжан Куй-и, Чжан Куню.

²³ Копия телеграммы российского консула в Цицикаре С.В. Афанасьева Усатому в Хайлар от 12 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 3.

²⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1579. Л. 21.

²⁵ Адзия рэкиси сирйю сэнта (Japan Center for Asian Historical Records). Дневник за май 1921 г. Л. 0187.

²⁶ Россия (Харбин), 07.08.1921.

²⁷ Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоиздатель А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. С. 128.

²⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 52.

²⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1548. Л. 313.

³⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1346. Оп. 2. Д. 616. Л. 30.

³¹ Семёнов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. С. 248–249.

³² По-видимому, Фушэнгэ (Фушенга).

³³ Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи № 23, г. Харбин 10 октября 1917 г., разослана 23 октября 1917 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 15–15об.

³⁴ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 22 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 176.

³⁵ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 23 августа 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 177.

³⁶ Марковчин В.В. Три атамана. М.: Звонница, 2003. С. 149.

³⁷ Телеграммы вице-консула в Хайларе Усатого в российскую миссию в Пекине от 1 и 4 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 181; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 16.

³⁸ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28.

³⁹ Послание Усатого уездному комиссару в Нерчинский Завод от 1 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 14; послания Усатого из Хайлара Хорвату и в российскую миссию в Пекине от 2 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 226; АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 15.

⁴⁰ Копия письма Орлова из Урги Кудашеву от 5 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 760. Л. 250.

⁴¹ Н. Б-и. Тревожные вести из Монголии // Харбинский вестник, № 4201, 20.09.1917; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 760. Л. 253.

⁴² Ностяева Е.В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.). С. 46.

⁴³ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28.

⁴⁴ Харбинский вестник, 29.08.1917.

⁴⁵ Телеграмма Усатого Хорвату от 9 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 228.

⁴⁶ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28.

⁴⁷ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар и Харбин от 13 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 184; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 112; Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28.

⁴⁸ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 17 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 187; АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 30.

⁴⁹ *Мягмарсамбуу Г.* Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав [Легендарный народный герой Хатан-Батор С. Максаржав]. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК, 2003. С. 70–71.

⁵⁰ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28; Телеграмма Переверзева из Хайлара от 19 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 193–193об. (копия), 338–339об.

⁵¹ Телеграмма Усатого чиновнику при Иркутском краевом комиссаре от 18 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 191.

⁵² Телеграмма Переверзева из Хайлара от 19 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 193–193об. (копия), 338–339об. (ориг.)

⁵³ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар, Харбин от 27 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 133; ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 208.

⁵⁴ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 2 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 142; ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 214.

⁵⁵ *Мещерский А.С.* Автономная Барга. Шанхай: Русское книгоиздательство, 1920. С. 12.

⁵⁶ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар и Харбин от 2 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 139.

⁵⁷ Донесение Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу и Цицикар от 4 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 160.

⁵⁸ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 19 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 32.

⁵⁹ Копия отношения Забайкальского областного комиссара временного правительства российскому вице-консулу в Хайларе от 28 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 299. Л. 145–152.

⁶⁰ Так в оригинале. Видимо, дается датировка по монгольскому календарю и по новому стилю.

⁶¹ *Мягмарсамбуу Г.* Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав [Легендарный народный герой Хатан-Батор С. Максаржав]. С. 70–71.

⁶² Донесение войскового старшины Васильева Усатому в Хайлар от 25 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 36; д. 3. Л. 22, рукопись; ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 211.

⁶³ Телеграмма Орлова из Урги от 24 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 205.

⁶⁴ *Мягмарсамбуу Г.* Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав [Легендарный народный герой Хатан-Батор С. Максаржав]. С. 70–71.

⁶⁵ Телеграмма Орлова от 21 сентября 1917 г. из Урги в Хайлар // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 95.

⁶⁶ Телеграмма Орлова из Урги от 25 сентября 1917 г. в миссию в Пекине // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 207.

⁶⁷ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар, Харбин от 27 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 133.

⁶⁸ Телеграмма Орлова из Урги в Хайлар от 31 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 196.

⁶⁹ Телеграмма Орлова из Урги от 18 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3073. Л. 93.

⁷⁰ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 23 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 34.

⁷¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 22 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 33.

⁷² Телеграмма Кудашева Усатому в Хайлар от 27 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 19–21об.

⁷³ Донесение Усатого в миссию в Пекине от 30 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 23–28; Телеграмма Кудашева от 18 сентября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 760. Л. 248.

⁷⁴ Ответ Кудашева Усатому от 11 октября 1917 г. на его донесение от 30 сентября // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 29.

⁷⁵ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 16 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 30; ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 218.

⁷⁶ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 17 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 219.

⁷⁷ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 17 октября 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 31–32об.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 40.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 49–53.

⁸⁰ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 18 декабря 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 5.

⁸¹ Донесение Усатого в миссию в Пекине от 29 декабря 1917 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 81–81об.

⁸² Донесение Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 12 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 9–9об.

⁸³ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 16 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 10–10об.; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 82–82об.

⁸⁴ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 17 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 11; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 83.

⁸⁵ Донесение Усатого в миссию в Пекине от 20 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 84–84об.

⁸⁶ Донесение Усатого от 19 января 1918 г. в Пекин // АВПРИ. Ф. [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 241; ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 14; д. 1565. Л. 505.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 12.

⁸⁸ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 5 января 1918 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1565. Л. 543.

Вальдемар Шмидт

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИЯ И НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПАЛЕСТИНЫ: ЭТАПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. 1933–1939 гг.

Вопрос о взаимоотношениях нацистской Германии и немецких колоний темплеров в Палестине не нашёл должного внимания в исследованиях историков и до сих пор остаётся одним из мало изученных исторических фактов. К числу более значимых работ по данной теме следовало бы отнести работы немецкого историка Пауля Зауэра и исследования Франсиса Никозиа, а также работы Ральфа Балке.

В плане рассмотрения темы большое значение представляет научное исследование Фридриха Пауля Нойберта, освещающее общие вопросы немецкой политики в палестинском конфликте 1937–1938 гг. В этой работе автор затрагивает вопросы о положении палестинских немцев и позиции нацистской Германии по этой проблеме¹. Что же касается полной истории христианских немецких общин на территории Палестины после 1918 г., то данная тема нуждается в дальнейшей разработке. По данной проблеме, касающейся развития немецких колоний Палестины перед началом Второй мировой войны, имеется ряд вопросов, которые непосредственно нуждаются в освящении:

1. отношение немцев Палестины к еврейским поселениям;
2. отношение к арабским поселениям;
3. взаимоотношения немецких колоний в Палестине с английским управленческим и административным аппаратом подмандатной территории;
4. их реакция на приход нацистской партии к власти в Германии.

Исследование вышеназванных вопросов и особенно рассмотрение тяжёлого положения немецких поселений в Палестине после 1933 г. позволят более основательно проанализировать политику гитлеровского режима

относительно Палестины и Ближнего Востока в 1930-е годы. С другой стороны, взаимоотношения нацистской Германии с немецкими колониями в Палестине может рассматриваться как определённый исторический этап в восприятии германского национал-социализма за пределами Европы.

Нужно отметить, что в политике нацистской Германии в Палестине и на Ближнем Востоке выделяются два этапа. Первый этап внешней политики Германии в Палестине и на Ближнем Востоке охватывает период после окончания Первой мировой войны и до 1936 г. Его характеризует слабый интерес Германии к этому региону, помимо этого, немецкая дипломатия не стремилась разрушать дипломатические отношения с Великобританией, имевшей мандат на управление этими территориями. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в результате итогов Первой мировой войны немецкая внешняя политика утратила возможность оказывать какое-либо существенное влияние на экономические и политические процессы, происходившие в Палестине и на Ближнем Востоке².

Второй этап интереса Германии к региону Палестины вызван событиями 1937 г., а именно ростом арабского национализма и использованием его в интересах нацистской Германии в борьбе против Англии и укреплении политического влияния в этом регионе. Этот период охватывает хронологически 1937–1939 гг.

Перед началом Второй мировой войны на территории Палестины проживало 2500 немцев, большинство которых составляли последователи общества темплеров³. Немецкие колонисты Палестины после окончания Первой мировой войны оказались в действительности, которая сильно отличалась от их довоенных представлений. Они вынужденно

оказались между двумя политическими силами – еврейским и арабским национализмом, находившимися во враждебных отношениях друг к другу, что неизбежно привело бы к исчезновению этих поселений.

Для того чтобы выжить, немецкие колонисты Палестины приняли совершенно невозможную позицию – позицию нейтралитета в борьбе арабов и евреев. Помимо этого, они были вынуждены проявлять лояльность к английскому управлению подмандатной территорией.

К 1933 г. в английской подмандатной территории проживало 1800 немецких темплеров. Остальные немецкие колонисты Палестины принадлежали к различным религиозным направлениям протестантизма и католицизма⁴. После прихода Гитлера к власти и вследствие проводимой нацистским правительством антисемитской политики и антиеврейских мероприятий евреи рассматривали их, немцев, как враждебный элемент в Палестине. Совершенно иная точка зрения на немецкие колонии в Палестине сложилась у арабов. Арабы видели в них возможных союзников в совместной борьбе против сионизма и английской власти.

Английская управленческая администрация в Палестине рассматривала немецких колонистов как прямых последователей нацистской Германии и как основу для создания «пятой колонны» в этом регионе.

Следует охарактеризовать ситуацию в среде немецких колонистов Палестины после окончания Первой мировой войны, что впоследствии оказало определённое влияние на их отношении к нацистской Германии. К первым серьёзным проблемам в дальнейшем развитии немецких колоний в Палестине привело поражение Германии в Первой мировой войне. В период прекращения военных действий между Англией и Турцией правительство Великобритании использовало ситуацию для выселения немецких подданных из Хайфы, а также из других мест в Палестине, подвластных бывшей Османской империи.

Палестинские немцы пережили окончание Первой мировой войны географически

разделёнными на три группы: в Египте интернированные, в северных районах Палестины – оставшиеся под управлением Англии, а также в самой Германии⁵.

В 1917 г. территория Палестины была оккупирована английскими войсками, и из 1800 проживающих в Палестине немцев, принадлежащих к религиозному обществу темплеров, 850 были сосланы до окончания войны в Египет. Первая высылка немцев из южных колоний Палестины в Египет в район Сиди Бишра недалеко от Александрии состоялась в феврале 1918 года⁶. Другой лагерь интернированных палестинских немцев находился под Каиром. В нём находились палестинские немцы, высланные из южных немецких колоний⁷. Он был создан в июне 1918 года⁸.

Жители северных немецких колоний Палестины не были интернированы из Палестины. Они остались в своих поселениях, занятых осенью 1918 г. англичанами, однако должны были отдать часть жилых домов представителям английской военной администрации.

Для интернированных в Египет 850 палестинских немцев, в основном женщин, детей и стариков, окончание войны в ноябре 1918 г. облегчения не принесло. Они по-прежнему оставались на положении заключённых. Страны-победительницы разрабатывали планы выселения немцев из палестинских колоний и в дальнейшем использования их состояния для погашения репараций.

В конце 1919 г. в Штутгарте из бывших солдат и групп немцев, попавших из Палестины в Германию, образовался «Союз палестинских немцев»⁹. Эта организация требовала справедливости по отношению к немцам Палестины, обращалась в немецкие государственные учреждения и организации, а также к единомышленникам в лагере стран-победительниц с этим требованием.

Министерство иностранных дел и правительство Вюртемберга с помощью дипломатии искало возможность возвращения палестинских немцев на родину. Именно с такой позицией выступал в Версале и Париже Тео-

дор Фаст, представлявший в немецкой делегации на мирной конференции общество темплеров. В Англии интересы темплеров защищали квакеры и униаты.

Немцы, интернированные из палестинских колоний в Хелуан (Египет), надеялись, что пробудут здесь недолго. Поэтому темплеры, а также протестанты и католики держались совместно¹⁰. Несмотря на сложные жизненные условия, под руководством духовника Иеремии и руководителя темплеров Рорера 14 октября 1918 г. в лагере для интернированных открылась школа. В апреле 1919 г. в ней состоялись выпускные экзамены, которые были признаны в Берлине¹¹.

11 ноября 1918 г. Германия подписала договор о прекращении военных действий, что негативно сказалось на положении палестинских немцев¹². По поводу положения палестинских немцев в лагере для интернированных газета «Der Tag» 20.05.1920 года опубликовала специальную статью, в которой говорилось: «Повсюду в мире идёт война против немцев, с неограниченной яростью направленная на их уничтожение»¹³. Только в июне 1920 г. палестинские немцы получили от британской администрации разрешение вернуться в Палестину. Решение английской администрации о возвращении в среде палестинских немцев было встречено с энтузиазмом. Уже в августе 1920 г. палестинские немцы, интернированные в Египет, смогли вернуться в насильно покинутые ими поселения Яффу, Сарону, Вильгельму и Рефаим возле Иерусалима. В конце 1920 г. 300 палестинских немцев вернулись в Палестину из Германии.

Прежде чем говорить о проблеме взаимоотношений немцев Палестины с Третьим рейхом, следует отметить моменты, связанные с представлениями немецких колонистов Палестины о самой Германии. В начале 1930-х годов Германия ассоциировалась у темплеров с крупнейшей империей. Веймарская республика с её противоречиями, проблемами и партийными разногласиями для немецких колонистов Палестины оставалась чуждой. Единственный момент проявления интереса к веймарской Германии у немец-

ких колонистов Палестины произошёл в период выборов 1925 г., когда на пост президента был избран Пауль фон Гинденбург, воспринимавшийся колонистами как символ бывшего могущества Германии¹⁴.

Успех национал-социалистического движения на политической арене Германии не остался без внимания среди палестинских немцев. Своё мнение о новом движении в Германии они не только формировали из газет, которые приходили из Германии, но и непосредственно получали информацию от молодёжи, обучавшейся в Германии и затем возвращавшейся в Палестину. Здесь она делилась своими первыми впечатлениями об Адольфе Гитлере и его партии. Однако, несмотря на рост влияния национал-социализма в среде темплеров, старая часть колонистов не приняла идеи Гитлера, и многие просто не имели иллюзий насчет нового канцлера Германии.

Развитие взаимоотношений колоний палестинских немцев с Третьим рейхом можно условно разделить на три хронологических периода.

1. 1933–1934 гг., период, который можно охарактеризовать как этап активной пропаганды национал-социалистических идей в среде палестинских немцев;

2. 1935–1936 гг. – этот период характеризуется выработкой отношения немцев Палестины к расовой доктрине национал-социализма;

3. 1937–1939 гг. – вовлечение немцев Палестины в национал-социалистическое движение.

Первые официальные контакты немцев Палестины с отделом по вопросам заграницы при НСДАП происходили по личной инициативе. Так, например, в 1931 г. проживавший в Хайфе архитектор Карл Руфф обратился в издательство Франца Эйера в Штутгарте, чтобы получать нацистскую газету «Völkische Beobachter». Кроме этого, в письме он писал, что хотел бы быть связующим звеном между палестинскими немцами и руководителями нацистской партии¹⁵. В последующие месяцы взаимоотношения между Карлом Руффом и нацистами Германии

быстро развивались. Руфф предлагал свои услуги осведомителя при отделе по вопросам заграницы при НСДАП. Его функции заключались в том, чтобы сообщать сведения о политическом, а также экономическом состоянии палестинских колоний.

Не все палестинские немцы знали, какие политические изменения произошли в Германии после избрания Адольфа Гитлера 30.01.1933 г. на пост канцлера. В их понимании просто произошла замена одного коалиционного правительства другим. О ситуации в палестинских колониях после прихода Гитлера к власти сообщал в своих письмах будущий руководитель палестинских групп НСДАП Корнелиус Шварц.

Большое значение для выяснения вопросов развития взаимоотношений Третьего рейха с палестинскими колониями имеет позиция центрального органа темплеров «Die Warte des Tempels». Редакция газеты с 1923 г. находилась в Штутгарте, её главным редактором был Дитрих Ланге. В 1920-е годы он находился под влиянием религиозных работ теолога Христофа Шримпфа. Однако его позиции меняются в начале 1930-х годов, когда он сближается с религиозным движением, возглавляемым профессором Якобом Хауэром¹⁶ в Тюбингене. Через профессора Хауэра он сближается с национал-социалистическим движением. Редактор «Die Warte des Tempels» был в восторге от идеи «народного единства», которую пропагандировали национал-социалисты.

Будучи редактором официального органа общества темплеров, он использовал газету для пропаганды национал-социалистических идей и распространения идеологии движения Гитлера среди палестинских немцев. 15.05.1933 года на страницах газеты впервые публикуются отрывки из выступлений Гитлера. Под влиянием деятельности Ланге как главного редактора газеты «Die Warte des Tempels» в первые годы национал-социализма утратила облик независимой религиозной газеты и все больше и больше становилась рупором пропаганды национал-социалистических идей.

Во многих номерах газеты «Die Warte des Tempels» публиковались статьи Карла Франка с разъяснением основных положений книги Альфреда Розенберга «Миф XX века». В опубликованной Ланге статье «Народ и раса» подчеркивалось, что национал-социалистические представления о расе не поняты в среде палестинских немцев. В 1934–1935 гг. газета публикует статьи, которые сдержанно оценивают антисемитскую политику национал-социализма, но уже осенью 1935 г. на её страницах публикуется заключительная речь Гитлера на нюрнбергском партийном съезде, которая позже неоднократно печаталась в последующих номерах газеты. Дитрих Ланге как редактор центрального печатного органа общества темплеров подчёркивал, что политика антисемитизма является основным моментом в деятельности национал-социализма, его политической программой.

В 1935 г. национал-социалистический институт по изучению еврейского вопроса выпустил вторым тиражом книгу «Евреи в Германии», о которой в газете темплеров была опубликована объёмная статья. Годом позже в статье, опубликованной в «Die Warte des Tempels», Ланге писал: «Расовая проблема составляет фундамент национал-социализма. Через её решение национал-социализм стремится дать немецкому народу, а также его соседям здоровые основы, которые будут способствовать счастливому будущему»¹⁷.

Среди немецких колонистов Палестины события в Германии конца 1932 и начала 1933 года оценивались неоднозначно. Рихард Хоффманн отмечал, что приход Гитлера к власти в Германии оказал заметное влияние на развитие немецких колоний в Палестине, прежде всего в плане национального возрождения Германии, политики, которую пропагандировали нацисты¹⁸. В частности, статья, опубликованная в «Die Warte des Tempels» в конце 1933 г., содержала оптимистический отклик на приход Гитлера к власти: «Мы признаём мысли национал-социализма вполне правильными»¹⁹.

Однако у части немцев Палестины идеи национал-социализма и деятельность гитлеровского режима вызывали полное недоумение²⁰. Основой для противоречий между немецкими переселенцами Палестины и нацистской Германией в 1930-е годы стало именно расовое учение национал-социализма. Немцы Палестины в основном принадлежали религиозному обществу темплеров. Остальные части были протестантами и католиками, которые были заняты главным образом в религиозной деятельности, в религиозных школах, больницах и детских домах. Поэтому расистская философия и расовая политика нацистов вошли в противоречие с христианским мировоззрением немцев Палестины.

В середине августа 1935 г. в газете «Warte des Tempels» была опубликована статья, посвященная вопросу «народ и раса»²¹. Изменение направленности газеты общества темплеров произошло 13.01.1935 г., когда было решено, что будущим местом издания газеты станет Иерусалим. С 1.01.1936 г. газета стала издаваться в Иерусалиме.

Ко времени прихода Гитлера к власти за пределами Германии проживало более 30 млн немцев. После 1933 г. нацистское правительство начинает поддерживать тезис, что немцы, живущие за пределами Германии, также являются неотъемлемой частью «новой Германии». Нацистский режим испытывал огромный интерес к немцам, проживавшим за пределами Германии, прежде всего в плане их приобщения к деятельности Третьего рейха. Расовые взгляды руководства Третьего рейха были направлены на распространение этой идеологии среди немцев за пределами Германии, и эта политика выражалась в стремлении нацистского руководства к пропаганде идеи об «общих корнях и крови» немцев, живущих в Германии, и тех, кто живёт за её пределами.

Особую значимость для развития национал-социалистических идей среди немцев за пределами Германии НСДАП уделяло пропаганде с помощью радиовещания. Только в 1933 г. немецкое радио передало 50 выступ-

лений Гитлера. Иными словами, немцы, живущие за границей, являлись для нацистского руководства прочной основой для создания «новой Германии».

Заседание кабинета по вопросам внешней политики, состоявшееся 7.04.1933 г., непосредственно показало первые попытки нового правительства в отношении немецкого населения за пределами Германии. По итогам этого заседания было принято следующее решение: «Забота и охрана интересов немцев, живущих за границей, должны всё время укрепляться. Мы должны найти средство для связи немецких национальных меньшинств за границей с национальным движением в Германии»²². Позже, выступая в Киле перед группой представителей немецких национальных меньшинств, приехавших на эту встречу из-за границы, Гитлер говорил о значимости и обязанностях немцев, живущих за пределами рейха, и их отношении к «новой Германии».

Вскоре после прихода национал-социализма к власти в Германии появляются национал-социалистические организации в Палестине. В 1934 г. в Палестину прибыл пастор Браузе, являвшийся работником аппарата пропаганды нацистской партии. В выступлениях в немецких колониях, в частности, в иерусалимской общине темплеров, Браузе долго разъяснял идеи национал-социализма и их преимущества. Практически в каждой немецкой колонии Палестины имелись местные группы НСДАП.

Особенно сильно была развита сеть нацистской юношеской организации Гитлерюгенд, которая проявляла большую активность в Палестине. Для их собраний немецкий консулат в Яффе выделил помещение, где в апреле 1934 г. хвалили членов Гитлерюгенда как «представителей новой Германии», которые верны идеям Гитлера. В 1935 г. в Яффе и Сароне (с населением 500 человек) 62 подростка являлись членами нацистской организации Гитлерюгенд. В мае 1938 г. в этих поселениях количество приверженцев нацистской молодежной организации достигло 80 человек. Руководителем палестинской организации Гитлерюгенда с

1935 г. был Евгений Фабер. В апреле 1935 г. около 200 юношей и девушек, принадлежавших нацистским молодежным организациям Палестины, собрались в Яффе для празднования 46-летия Адольфа Гитлера. В 1936 г. руководство Гитлерюгенда в Палестине заказало нацистскую литературу для обучения молодежи идеям национал-социализма. В 1936 г. в Сароне состоялся грандиозный праздник, посвященный третьей годовщине прихода Гитлера к власти.

Крупные партийные ячейки НСДАП в Палестине существовали в Хайфе, Яффе, Иерусалиме. Крупной по численности партийной ячейкой НСДАП в Палестине была иерусалимская группа, насчитывавшая 67 официально зарегистрированных членов. Её руководителем был Людвиг Буххальтер. Второй по величине группой НСДАП был филиал в Хайфе, в её состав входило 48 членов национал-социалистической партии. Руководитель иерусалимской партийной ячейки Буххальтер непосредственно координировал свои действия с генеральным консулом в Палестине Вальтером Доле, резиденция которого находилась в Иерусалиме. Число приверженцев НСДАП в Палестине постоянно возрастало.

Многие палестинские немцы старого поколения не питали особых иллюзий насчет нового канцлера Германии. 1933 год стал решающим в дальнейшем историческом развитии Палестины. Во-первых, шло массовое переселение евреев в Палестину, как результат произошедших в Европе событий. С 1933 по 1939 год в Палестину официально переселилось 176 тыс. евреев, около 50 тыс. – из нацистской Германии²³. Массовая эмиграция евреев в Палестину в этот период привела к росту арабского сопротивления против переселения евреев, что вынудило Великобританию, обладавшую мандатом на управление этой территорией, проводить политику регламентации в отношении эмиграции и покупки земли евреями в Палестине. В 1936 г. еврейские поселения в Палестине подверглись нападению со стороны арабов, были разрушены важные транспортные пути сообщения. Цель этих выступле-

ний арабов сводилась к началу всеобщей забастовки, их требования были следующие:

1. получение национальной независимости;
2. запрещение дальнейшей еврейской эмиграции и продажи земли евреям переселенцам.

Эти требования арабов были переданы английской администрации в Палестине ещё в ноябре 1935 г., но они остались без внимания. Именно в период палестинского кризиса 1936 г. возникает особенный интерес к Палестине в нацистской Германии. Кризис показал, что политика Англии направлена на создание еврейского государства, что в конечном итоге ущемляло права арабского населения Палестины²⁴. Для преодоления кризисной ситуации была создана комиссия под руководством лорда Пиля, целью которой являлось изучение всех аспектов палестинской проблемы. Результатом деятельности комиссии явился предложенный ею в июле 1937 г. план раздела Палестины, направленный на создание на её территории независимых еврейского и арабского государств, а также сохранения мандата Великобритании по управлению Святыми местами²⁵. Концепция раздела Палестины была отвергнута арабами. Однако британский парламент и Лига Наций поддержали проект раздела Палестины, в связи с чем для реализации плана Пиля была создана комиссия.

Перед опубликованием сообщения комиссии Пиля о плане раздела Палестины руководитель национал-социалистических групп в Палестине Корнелиус Шварц обратился к руководству заграничных организаций НСДАП с просьбой, чтобы немецким переселенцам в Палестине была оказана помощь в защите их интересов. В своём сообщении Шварц писал о возможном развитии подмандатной территории и указывал, что реализация плана по разделу Палестины будет способствовать территориальному ограничению немецких переселенческих колоний в еврейской части, где предполагалось в будущем создание еврейского государства. Шварц также подчеркивал, что включение немецких поселений в территории, впослед-

ствии отошедшие еврейскому государству, будут способствовать ограничению их существования в Палестине.

С другой стороны, после опубликования плана Пиля генеральный консул в Иерусалиме Доле также незамедлительно отправил сообщение во внешнеполитическое ведомство фашистской Германии об английском плане раздела Палестины. Доле подчёркивал, что предложенный Англией план ущемляет интересы немецких колонистов в Палестине и будет способствовать возникновению проблем. Кроме этого, генеральный консул в Иерусалиме сообщал, что поскольку немецкие колонии Палестины по плану Пиля останутся на территории предполагаемого в будущем еврейского государства, это будет представлять опасность для немецкой политики в отношении евреев Западной Европы, так как евреи Палестины будут оказывать давление на проведение этой политики.

Исходя из сложившейся ситуации, генеральный консул в Иерусалиме Доле искал возможность прояснить позиции английской управленческой администрации в Палестине в отношении переселенцев-немцев. 26 июля 1937 г. Доле по собственной инициативе провёл переговоры с английской администрацией в Палестине. При встрече с представителями английской администрации он подчёркивал, что ведёт переговоры не по заданию немецкого правительства, но хочет привлечь внимание английского управленческого аппарата в Палестине к положению немецких переселенцев после осуществления плана Пиля.

Немецкая политика в отношении переселенцев в Палестине обрела конкретные очертания с июля 1937 г. Её суть сводилась к тому, что все немецкие организации, имевшиеся в Палестине, должны были постараться убедить англичан, что в случае раздела Палестины немецкие переселенцы должны получить право самоуправления и пользоваться статусом национальных меньшинств. Однако английская управленческая администрация в Палестине так и не дала чётких ответов относительно дальнейшего положения немецких переселенцев в случае

раздела этой территории. Несмотря на то, что между германским консулом и английской администрацией в Палестине существовали вполне приемлемые отношения, с началом войны в сентябре 1939 г. возникла необходимость интернирования немецких колонистов с территории Палестины.

Примечания

¹ Neubert, Friedrich Paul Harald. Die deutsche Politik im Palästina – Konflikt 1937/1938. Bonn, 1977.

² См. Ближневосточная политика великих держав и арабско-израильский конфликт / Под общей редакцией академика О.А. Колобова. Т. 1. Нижний Новгород, 2008. С. 218-314.

³ Wacker, Helga. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Kanada und Australien. Mit einem Anhang über die Besonderheiten in Südafrika und Palästina. Mannheim, 1965. S. 133.

⁴ См. Fast, Th. Zur Statistik des Deutschtums in Palästina // «Zeitschrift des deutschen Palästina – Verein». Bd. 50 (1927). S. 249-251.

⁵ Balke, Ralf. Hakenkreuz im Heiligen Land. Die NSDAP – Landesgruppe Palästina. Erfurt, 2001. S. 13.

⁶ Balke, Ralf. Die Landesgruppe der NSDAP in Palästina / Dissertation. Düsseldorf, 1997. S. 20.

⁷ Der Deutsche in Palästina / (Hrsg.) von Karl Götz. Berlin – Leipzig, 1935. S. 81.

⁸ Imberger, Karl. Die deutschen landwirtschaftlichen Kolonien in Palästina. Tübingen, 1938. S. 39.

⁹ Sauer, Paul. Vom Kirschenhardthof im Namen Gottes nach Palästina und Australien. Zur Geschichte der württembergischen Templer // Deutsche in Palästina und ihr Anteil an der Modernisierung des Landes / (Hrsg.) Jakob Eisler. Wiesbaden, 2008. S. 133.

¹⁰ Sauer, Paul. Uns ruft das Heilige Land. Die Templergesellschaft im Wandel der Zeit. Stuttgart, 1985. S. 161.

¹¹ Der Auslandsdeutsche. Zeitschrift für die Kunde vom Auslandsdeutschtum. Herausgegeben vom Deutschen Ausland – Institut. Stuttgart. 18. Jahrgang. Heft 7. S. 364.

¹² Denen, die uns vorausgegangen sind, zum Gedenken. Deutsche Friedhöfe Haifa und Jerusalem. 1974. S. 67.

¹³ «Der Tag» vom 29.05.1920.

¹⁴ *Balke, Ralf*. Das Hakenkreuz im Heiligen Land: die Gleichschaltung der deutschen Siedler in Palästina // *Deutsche Palästina und ihre Die Warte des Tempels vom Anteil an der Modernisierung des Landes* / (Hrsg.) von Jakob Eisler. Wiesbaden, 2008. S. 170.

¹⁵ Ibid. S. 170.

¹⁶ Якоб Вильгельм Хауэр родился 4.04.1881 в Дитцингеме (Вюртемберг), умер 18.02.1962 в Тюбингене. Автор религиозно-исторических трудов. Хауэр основал «Движение германской веры» в 1934 году и руководил им до 1936 года. В своих работах Хауэр объяснял различия между религиями расовым фактором.

¹⁷ «Die Warte des Tempels» vom 14.03.1936. S. 22.

¹⁸ *Hentig, Werner Otto von*. Palästina // «Jahrbuch der Hochschule für Politik». Berlin, 1940. S. 118.

¹⁹ «Die Warte des Tempels» vom 15.12.1933. S. 55.

²⁰ *Sauer, Paul*. Beilharz Chronik: Die Geschichte eines Schwarzwälder Bauer – und Handwerkergeschlechts von 15. Jahrhundert bis heute in Deutschland, Palästina und Australien. Ulm, 1975. S. 178.

²¹ «Die Warte des Tempels» vom 15.08.1935. S. 56.

²² *Nicosia, Francis R.* Hitler und der Zionismus. Das 3. Reich und die Palästina Frage 1933-1939. Leoni am Starnberger See, 1989. S. 155.

²³ *Balke, Ralf*. Israel. Geschichte. Politik. Kultur. München, 2000. S. 54.

²⁴ *al-Hamui, Mamoun*. Die britische Palästina-Politik. Berlin, 1943. S. 136-151.

²⁵ *Scheile, Adolf*. Der Plan der Teilung Palästinas // «Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht» № 8 (1938). S. 470-499; *Weiß, Günter*. Die Entwicklung der Palästinafrage seit dem Balfour – Bericht // «Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht» № 9 (1939/1940). S. 328-426.

Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, О.Д. Василюк, С.А. Кириллина,
Т.К. Кораев, М.С. Мейер, А.М. Абидуллин

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Е. КРЫМСКОГО:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА АКАДЕМИКУ П.К. КОКОВЦОВУ
(1901–1932 гг.)***

Комплексное изучение истории и культуры семитских народов на рубеже XIX – начала XX в. в Европе и России стало одним из ключевых направлений классического востоковедения. Семитология как важный раздел сравнительного языкознания и ведущее направление ориенталистики сформировалась как комплексная историко-филологическая и историко-культурологическая наука и получила статус академической и университетской дисциплины.

В конце XVIII – начале XX в. в Европе и России углубляются языковедческие, исторические, источниковедческие, культурологические основы отдельных дисциплин семитологии – библеистики, арабистики, гебраистики, ассириологии, эфиопистики и других направлений комплексных исследований древнего и современного семитского географического и историко-культурного пространства Передней Азии и Африки. Достаточно вспомнить имена таких европейских учёных-семитологов, как К. Брокельман (1868–1956), Ю. Велльгаузен (1844–1918), В. Гезениус (1786–1842), И. Гольдциер (1850–1921), И. Готфрид (1744–1803), К.Ф.А. Дильман (1823–1894), Э.М. Катрмер (1782–1857), Р. Киттель (1853–1929), Т. Нёльдеке (1836–1930), М. Лидзбарский (1868–1928), Ж.Э. Ренан (1823–1892), А.И. Сильвестр де Саси (1758–1838), Б. Штаде (1848–1906), И.Г. Эйхгорн (1752–1827) и др. Их опубликованное наследие вызывало научный интерес отечественных ученых ведущих академических и уни-

верситетских центров востоковедения, в том числе представителей российской комплексной семитологической историко-филологической и культурологической дисциплины.

В 1900 г. А.Е. Крымский в своей энциклопедической статье «Семитские языки» (Словарь Брокгауза и Ефрона) отмечал, что данное понятие «введено Эйхгорном... на основании 10-й гл. Бытия и сделалось общепринятым»¹. Основным источником для автора статьи стало второе издание пятитомного труда немецкого теолога и ориенталиста Иоганна Готфрида Эйхгорна (1752–1827) «Einleitung in das Alte Testament» («Введение в Ветхий Завет», 1787 г.).

К этому периоду в России наметился важный исследовательский рубеж в развитии научной семитологии, её академических и университетских направлений и становлении специальных университетских курсов в области арабистики, гебраистики, эфиопистики, египтологии, ассириологии и в целом изучении истории и культуры древних и современных семитоязычных народов Передней Азии. Связанные с семитологией институциональные и исследовательские процессы рубежа XIX–XX вв. нашли отражение в биографиях и наследии многих отечественных востоковедов. Среди них заслуживают упоминания такие отечественные академические учёные, как А.В. Болдырев (1780–1842), Х.Д. Френ (1782–1851), Г.П. Павский (1787–1863), А.С. Фиркович (1786–1874), Б.А. Дорн (1805–1881), К.А. Коссович (1815–1883), В.Ф. Гиргас (1835–1887), В.Р. Розен (1849–1908), Д.А. Хвольсон (1819–1911), А.Я. Гаркави (1835–1919), М.В. Никольский (1848–1917), Н.А. Медников (1855–1918), Б.А. Тураев (1868–1920), П.К. Коковцов (1861–1942), А.Я. Борисов

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00331.

(1903–1942), А.Е. Крымский (1871–1942), В.С. Голенищев (1856–1947) и др.²

Еще в 1860-х гг. наряду с семитским языкознанием «история семитических народов» становится перспективным университетским предметом в рамках исторических курсов факультета восточных языков (ФВЯ) Санкт-Петербургского университета. В 1868 г. в связи с планируемой научной командировкой востоковеда и гебраиста А.Я. Гаркави в Западную Европу обозначилась университетская традиция: «Заняться именно теми предметами, для изучения которых отечество наше представляет наименее пособий – древностями египетскими, финикийскими, вавилонскими, ассирийскими»³.

К началу XX в. российская университетская семитология имела не только ярко выраженную филологическую направленность, но также комплексный характер, что свидетельствовало об очевидном прогрессе специализации этой научной дисциплины. Семитская история и культура обретали свой академический и университетский статус в Академии наук, университетах и научных обществах (например, в Императорском Православном палестинском обществе). Семитская культура стала предметом университетского преподавания на ФВЯ Санкт-Петербургского университета и в Лазаревском институте восточных языков. Показателем роста значимости семитологии стало приглашение в 1855 г. на кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности ФВЯ профессора Д.А. Хвольсона. В 1907–1917 гг. свою роль в развитии семитологии сыграло «еврейско-арабско-сирийское отделение» (разряд) Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В первые десятилетия XX в. А.Е. Крымский читал общесемитологические курсы на специальных курсах Лазаревского института восточных языков и издавал соответствующие учебные пособия⁴.

В истории отечественной ориенталистики и семитологии видное место занимает научное и эпистолярное наследие семитолога-энциклопедиста П.К. Коковцова⁵ и востоко-

веда широкого профиля А.Е. Крымского⁶. Их имена и труды известны востоковедам России, Украины и Европы.

«Уникум» и «семитолог-энциклопедист» П.К. Коковцов в оценке И.Ю. Крачковского: «Старейший по избранию член Академии наук СССР, старейший представитель славного поколения учеников Виктора Романовича Розена, которое яркими именами Ольденбурга, Марра, Бартольда вписало блестящую страницу в историю нашей науки»⁷.

Биография и наследие А.Е. Крымского нашли достойное отражение в отечественной и отчасти в зарубежной литературе и историографии. Тем не менее, перспективным остается дальнейшее изучение востоковедческого творчества украинского и российского учёного и просветителя крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. Востоковед-ближневосточник и славист, учёный и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом – мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации – основополагающие направления учебной и исследовательской деятельности А.Е. Крымского.

Особый интерес представляет человеческое и профессиональное общение двух востоковедов в первые десятилетия XX в., ярко представленное в их письмах. В эпистолярном наследии этих выдающихся представителей отечественного востоковедения нашли отражение их научные интересы, творческие планы и активное обсуждение увидевших свет работ, что даёт представление о состоянии российской семитологии начала XX столетия.

Одним из направлений их деятельности стал перевод на русский язык и публикация исследований известных европейских семитологов. В частности, в 1902 г. под редакцией и с дополнениями профессора П.К. Коковцова была опубликована работа по истории сирийской литературы известного английского ориенталиста В. Райта⁸.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН и Институте рукописи Научной библиотеки Национальной Академии наук Украины в Киеве были обнаружены письма-автографы А.Е. Крымского и П.К. Коковцова, относящиеся к периоду 1901–1932 гг. Всего в Санкт-Петербургском филиале архива РАН⁹ сохранились девять писем профессора Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ) и академика Украинской академии наук А.Е. Крымского, адресованных профессору восточного факультета Санкт-Петербургского университета П.К. Коковцову. Семь писем дореволюционного периода (1901–1909 гг.) были отправлены из Москвы, Звенигородки (Киевская губерния) и села Болшево (Московская губерния). Два письма советского периода (датированы 30 июля и 16 августа 1932 г.) посланы академику П.К. Коковцову из Звенигородки Киевской области Украинской ССР.

В фондах ИР НБ НАН Украины хранятся два дореволюционных письма П.К. Коковцова экстраординарному профессору арабской словесности ЛИВЯ А.Е. Крымскому (от 15 марта 1901 г. и 10 февраля 1909 г.). Планируется их последующая публикация в «Восточном архиве» с соответствующими комментариями.

Также сохранилась официальная телеграмма академика П.К. Коковцова (от 31 октября 1913 г.), отправленная в Восточную комиссию (образована в 1887 г.) Московского археологического общества (МАО было основано в 1864 г.): «От души поздравляю Восточную Комиссию и маститого юбиляра». Это послание П.К. Коковцова было связано с 25-летием Восточной комиссии МАО и 70-летием со дня рождения первого председателя комиссии, востоковеда и эллиниста Ф.Е. Корша (1843–1915). К сожалению, пока не обнаружены письма П.К. Коковцова, написанные А.Е. Крымскому в 1920–1930-е гг. Например, А.Е. Крымский в своём письме от 6 августа 1932 г. из Звенигородки упоминал о получении послания П.К. Коковцова, написанного в 20-х числах июля 1932 г. Не будем терять надежды, что эти письма также будут найдены и опубликованы.

Дореволюционная переписка А.Е. Крымского и П.К. Коковцова связана с совместной плодотворной подготовкой и публикацией работы «Семитские языки и народы. Т. Нёльдеке в обработке А. Крымского (С участием П.К. Коковцова). Ч. 1» (М., 1903). Основной перевод работы был сделан студентами Лазаревского института восточных языков и воспитанниками А.Е. Крымского – В.Ф. Минорским (1877–1966) и Б.В. Миллером (1877–1956), в дальнейшем выдающимися востоковедами России и Европы.

В 1904 г. в журнале «Странник» в разделе «Новости русской литературы» отмечалось: «Важность обсуждаемого в данной книге предмета самоочевидна. Его научно-богословское значение бесспорно по ближайшему отношению к Библии и к судьбам еврейского народа. <... > Выбор оригинала тоже заслуживает похвалы, поскольку страсбургский профессор Теодор Нёльдеке справедливо считается авторитетным корифеем в семитологии»¹⁰.

Два сохранившихся письма А.Е. Крымского академику П.К. Коковцову советского периода относятся к 1932 г. Основной посыл этих писем связан с благодарностью и оценкой книги П.К. Коковцова «Еврейско-хазарская переписка в X веке». Это известное в истории российского хазароведения критическое издание текстов по сохранившимся рукописям¹¹.

В своём последнем письме А.Е. Крымский писал П. К. Коковцову: «Я получил Ваше заказное письмо, из к[ото]рого увидел, что моего письма (простого), отправленного Вам в 20-х числах июля, Вы не получили, или ещё не получили. В нём я от души благодарил Вас за присланную Вами “Хазарскую переписку”, чтение к[ото]рой доставило мне много наслаждения. Нечасто, особенно теперь, приходится читать такие, прекрасно обработанные исследования. Ещё раз спасибо от всей души! Редко я так наслаждался. Для моей работы последних лет, т. е. для истории хазар от их начала до X в., основательное проштудирование Вашего исследования и, особенно, **критически** издан-

ных Вами **текстов** имело тот важный для меня результат, что я отныне *уже* без малейших колебаний устраняю “Хазарскую переписку” из числа своих источников. Это апокрифическое произведение представляет собою, конечно, очень интересный материал для истории еврейского национализма и его чаяний, но для истории хазар, к[ото]рую мы знаем из произведений, современных существованию хазарского государства, переписка эта не только непригодна, но может лишь затмить ту совершенно ясную историческую картину, к[ото]рую мы знаем из надёжных источников». В настоящее время в Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. Вернадского хранится исследование А.Е. Крымского «Хазари» (Ф. XXXVI). А.Е. Крымский был одним из крупных исследователей истории ранних хазар и Хазарского каганата¹².

На разных этапах изучения истории российского востоковедения всегда важное внимание уделялось анализу и систематизации персональных текстов, в частности письмам, мемуарам и автобиографиям ученых. Таким образом, в разнообразных публикациях формировался и углублялся визуальный образ и личностный голос отечественного востоковеда и мыслителя, дополняя оценку личной жизни и судеб представителей отечественной науки и культуры.

Так же, как и в других письмах А.Е. Крымского российским востоковедам и коллегам, здесь отчётливо раскрываются его внутренний мир и личностные эмоции, исследовательские поиски и отношения с корреспондентами. Эти письма дополняют известные или забытые события эпохи.

Их авторы принадлежали к одному поколению и олицетворяли эпоху классического востоковедения, в том числе значимый этап отечественных семитологических поисков. Письма А.Е. Крымского П.К. Коковцову позволяют ввести в научный оборот забытые или прежде неизвестные, сейчас документально подтверждённые факты и уточнённые сведения, связанные с наследием и взаимоотношениями А.Е. Крымского и П.К. Коковцова и в целом историей рос-

сийского и украинского востоковедения рубежа XIX–XX веков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма А.Е. Крымского П.К. Коковцову. Хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН – Ф. 779. Оп. 2. Д. 230.

№ 1 (л. 1–1об.)

Москва. 1901. 6. III.

Многоуважаемый Павел Константинович!

Лазаревский институт печатает перевод «Семитских языков» Нёльдеке¹³, снабжённый обильными моими примечаниями. Так как я знаю, что для Вас это издание может представлять интерес, то позволяю себе послать Вам корректуру 1-го листа. Желательно было бы, чтобы Вы внимательно просмотрели мои примечания и отметили те пункты, с к[ото]рыми Вы не согласны. Само собою разумеется, что оказанная Вами помощь будет оговорена в предисловии...

В типографском отношении издание заставляет многого желать, но что ж поделать! Приходится считаться с средствами типографии, к[ото]рая не имеет, напр., вокализованных шрифтов (даже ташьдида¹⁴ нельзя выразить!). Впрочем, для печатания моей диссертации *уже* заказаны кое-какие новые шрифты. Единственная хорошо снабжённая *восточными* шрифтами типография Гербека¹⁵ имеет то неудобство, что в год может печатать всего листа три-четыре.

Кроме «Семитских языков» в печатаемый том входит ещё «Zur Churanteristin Charakteristik der Semiten», тоже Нёльдеке¹⁶, и введение к «Hist. gen. desl. sem.» Ренана¹⁷.

С истинным уважением А. Крымский.

Адрес: Лазар[аревский] Инст[итут] В[ос- точных] яз[ыков], А.Е. Крымскому.

№ 2 (л. 2–2об.)

М[осква]. 25 окт[ября] 1901.

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Я не благодарил Вас отдельным письмом за Ваши ценные поправки ко 2-му листу Нёльдеке¹⁸, но они все внесены, с Вашим именем,

конечно, в напечатанный 2-й лист, и только в примеч[ании] 50 **два** слова в скобках («эдемском, мандейском») не помечены как происходящие от Вас; не помечены вследствие совершенной краткости этой вставки.

Сегодня мне прислали вторую корректуру 3-го листа; я её ещё не просматривал, так что могут найтись кое-какие мелкие опечатки (кроме того, надо будет сделать поправки и со стороны типографской техники), но, во всяком случае, читать присланный оттиск Вам будет совершенно легко, и я потому отправляю Вам корректуру нынешнюю, а не последнюю, как делал раньше. Для *проверки* этих страниц Ваши обширные познания в семитологии окажутся незаменимыми, а так как здесь затронут очень деликатный вопрос (об отношениях свистящих и междузубных звуков в разных семитских языках), то я не решусь печатать этих страниц, пока Вы их не освятите своим авторитетом. В надежде скорого ответа остаюсь всецело преданный Вам А. Крымский.

№ 3 (л. 4–4об.)

М[осква]. 1902. 24.V.

Многоуважаемый Павел Константинович!

Я приготовил к печати «Еврейско-финикийский язык» и часть «Арамейского» (кончая западным наречием), но типография успела сверстать только один лист (в остальных много правок), и этот лист я посылаю Вам на рассмотрение. Конечно, с моей стороны будет наглостью торопить Вас с просмотром, но всё же, зная Вашу любезность и, кроме того, Ваш интерес к скорейшему появлению «Семитских языков» (на обложке к[ото]рых я считаю необходимым поместить и Ваше имя, ввиду Вашего близкого участия), я решаюсь просить Вас о возможности скорейшего просмотра. Если типография успеет сверстать в понедельник следующий лист, то Вы его получите в среду-четверг, и, быть может, я успею получить от Вас обратно даже второй лист раньше моего отъезда из Москвы (уезжаю ж я 1-2 июня); а пока что – прошу Вас пересмотреть *хоть* лист, посылаемый сегодня.

Деликатный пункт о времени составления Библии я старался изложить так, чтобы не оскорблялось религиозное чувство читателей. Если Вы полагаете, что необходимо бы сделать ещё какое-нибудь *особое* предварительное замечание в успокоительном духе, то я и это сделаю.

С истинным, глубоким уважением А. Крымский.

Адрес: Москва, Лазаревский Институт. После 1-2 июня: Киевской губернии г. Звенигородка, мне.

№ 4 (л. 5)

г. Звенигородка Киевской губ. 1902. 11. VII.

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Я произвел многочисленные изменения в тех листах, к[ото]рые Вы были любезны просмотреть и исправить (замечу в своё оправдание, что сведения по истории Библии, подвергшиеся теперь исправлению, были даны мною почти исключительно по Рёйсу). Теперь посылаю Вам два новых листа на Ваш благосклонный просмотр.

Крепко пожимаю Вашу руку и благодарю за Вашу помощь.

С истинным уважением А. Крымский.

Адрес: Киевской губ. г. Звенигородка, мне.

№ 5 (л. 6–6об.)

М[осква]. 1902. 14.IX.

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Письмо Ваше меня чрезвычайно огорчило, и я, несмотря на очень поздний час ночи, немедленно по прочтении его пишу к Вам несколько слов *для своего оправдания*. Я виноват, что, посылая корректуру, не написал отдельного письма. Меньше всего имел я в виду распространять «Сем. языками» какие-нибудь тенденциозные утверждения; напротив, я **заранее** сказал набрать примечание: «нек[ото]рое смягчение внесено П.К. Коковцовым», потому что предполагал, что Вы, прочитавши корректуру, излагающую воззрения Велльхаузена,

сделаете свои примечания, смягчающие тенденцию Велльхаузена¹⁹. Вы меня обвиняете в том, что я замалчиваю воззрения Дильмана²⁰ и др. Но я, как неспециалист, потому-то и послал корректуру к Вам, что Вам, специалисту, легко было бы в кратких словах обрисовать новейшие выводы науки, опровергающие и умеряющие то, что широко популяризировано Велльхаузенем, Штаде²¹ и Кюненом²². Для меня же, человека, крайне интересующегося семитологией, но знающего специально только один её отдел, удобопонятны только труды резюмирующего характера, такие, как *тот же* Велльх[аузен] (в авторитетной для всего мира «Enc. Brit.»), Штаде (в не менее солидной серии изданий Окиена) и т.п., а между прочим и Масперо²³ – книга, сделавшаяся учебником и, без всяких оговорок, популяризирующая Велльхаузена и Кюнена. Вы отказываетесь внести смягчение, находя, что мнение независимой критики не допускает смягчения. Что ж! Мне остаётся только попросить прощения за неприятность, сделанную Вам без моей злой воли, и, всё-таки изложивши мнение независимой критики, снабдить его ещё несколькими оговорками, носящими, к сожалению, характер очень общий, а не фактически убедительный.

В свою защиту добавлю, что учебник Масперо, **переведённый на русский язык**, служит для студентов 1-го курса Лазар[евского] Инст[итута] обязательным руководством для экзамена по истории востока (читает её на 1-курсе Миллер, но своих лекций не позволяет литографировать и предлагает изучать Масперо). Что у меня сказано с оговорками, то предложено у Масперо как **бесспорная** истина, и потому издаваемый нами перевод Нёльдеке есть для студентов несомненная **реакция** против заученного ими догматического изложения Масперо. Так и для посторонних читателей «Сем[итских] языков» глава о библейской истории послужит предостережением против увлечения книгой Масперо, которая, как мне доподлинно известно, имеет самый широкий круг русских читателей именно за отдел об

истории Сирии и Палестины, а не Египта или что-н[ибудь] подобное.

Ещё раз извиняюсь за причиненную Вам неприятность и, принося Вам глубокую благодарность, остаюсь с истинным уважением А. Крымский.

№ 6 (л. 7–7об.)

М[осква]. 1903. 6. II.

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Позвольте Вас, прежде всего, поблагодарить за любезно присланную «Историю сирийской литературы», которая в Вашей обработке приняла совершенно новый вид и к которой я (конечно, кроме того, что сразу же прочел её) буду много и много раз обращаться. Но ещё больше благодарю Вас за те слова одобрения, к[ото]рые я от Вас получил *по случаю* «Истории мусульманства»: когда от Вас, из Петербурга, слышишь доброе слово, то забываешь здесь своё московское одиночество и получаешь новые силы для работы. И тем более было мне отрадно получить Ваше письмо, что предпоследнее письмо Ваше, носившее характер недовольства, страшно меня огорчило и расстроило.

«Семитские языки» Нёльдеке, хоть уже показаны на обложке, ещё не вышли, потому что я всё не мог улучшить времени для последней, окончательной корректуры, занятый изданием *экзаменационных* лекций для студентов по истории мусульманского востока.

Своих «Лекций по семитским языкам» я Вам до сих пор не посылал, потому что они изданы очень неисправно. Пожалуй, на всех экземплярах я сделал сбоку ту приписку, к[ото]рую Вы найдёте и на экземпляре, посылаемом для Вас теперь; но всё же мне не хотелось посылать Вам это неисправное издание. Однако раз Вы изъявили желание иметь его, исполняю Вашу просьбу (о плате, конечно, не может быть и речи).

С глубоким уважением А. Крымский.

P.S. Не сообщите ли Вы мне имя и отчество Бартольда? Никто здесь не знает, и мне известны только его инициалы.

№ 7 (л. 8–9об.)

с. Болшево Моск. губ., 5 февр. 1909

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Надеюсь, Вы мне простите неприглядный лист бумаги, на к[ото]ром я пишу: в деревне, где я живу во время, свободное от лекций, не оказалось почтовой бумаги.

«Семитские языки» ч. II я Вам в своё время выслал в 1905 (так у меня отмечено в записной книжке), вероятно, одновременно с «Ист[орией] Сасанидов» (имеете ли Вы её?), и, надо думать, что Вы не получили издания вследствие тогдашней почтовой неурядицы, забастовки. Теперь я искал чистого экземпляра у себя в Киевской губ., – не нашёл, а в Москве, где издание разошлось ещё года 1,5 тому назад, и подавно нельзя было найти. Наконец, один из оканчивающих студентов отдал мне свой потрёпанный экземпляр, из которого, однако, вырваны начальные страницы, содержащие подстрочник **دیفال**²⁴ (пособие для экзамена), – и в этом жалком виде я и послал Вам экземпляр.

Следует издать II часть печатно, тем более, что и 1-я (печатная), и 2-я (литограф.) части «Сем[итских] яз[ыков]» входят в **обязательную** программу экзамена по арабской словесности у моих слушателей, и они уже два года должны (считая и конец нынешнего) обходиться тем ничтожным количеством экземпляров 2-й части, которое у них ходит по рукам, из рук в руки. Зная, как Вам дорога правильная постановка семитологии в России, я обращаюсь к Вам с той же просьбой и с тем же предложением, с которым обращался при издании 1-й части. А именно: не найдёте ли Вы возможным сделать свои добавления и поправки на том литографированном экземпляре, который я Вам выслал? С Вашими пометками (конечно, и с указанием Вашего имени) книга немедленно пойдёт в печать и, пожалуй, могла бы и летом выйти в свет. Если же Вам, сверх того, хочется для библиографических целей сохранить у себя и литографированный экземпляр 1-го изд. II части, то я обязуюсь такой Вам раздобыть, – подержанный, конечно

но (отберу у кого-нибудь из студентов, пообещавши дать взамен напечатанный экземпляр). Для ускорения можно бы Вам прислать ко мне просмотренные Вами листы не все сразу, а по частям, – напр., сперва арамейский язык, потом вав[илоно]-асс[ирийский] и т.д.

Лично от себя я уже очень мало сделаю дополнений в печатное издание. Внесу только статью: «История Вавилонии и Ассирии», которая мною уже составлена. Статью эту, в случае Вашего согласия, я отдам переписать на машинке и тоже пришлю Вам, чтобы в печать не попали в качестве учебных аксиом некоторые утверждения, которые, благодаря Винклеру²⁵ и другим, сделались за последние годы общепринятыми, но которые Вы, как лицо, могущее проверить первоисточники и вполне вникнувшее в способ разработки, б[ыть] м[ожет], находите преждевременно спешными. Я же, как Вам известно, прежде всего, арабист, а прочими семитскими изучениями хотя и занимаюсь с любовью, но специалистом себя в них чувствовать не могу. Для меня Ваши личные воззрения, хотя бы они отступали от общепризнанных (или, вернее, общепопуляризованных), всегда представляют высокую цену. Как голос самостоятельного авторитета.

С глубоким уважением А. Крымский.

Когда это письмо дойдёт до Вас, я буду уже в Москве.

№ 8 (л. 10–10об.)

Г. Звенигородка Киевской области, 30.VII. 1932.

Дорогой Павел Константинович!

Я с огромным наслаждением прочитал Вашу «Хазарскую переписку». В отделе библиографии, по-моему, следовало бы хоть словечком упомянуть перепечатку Белёвского²⁶ в его «Monumenta historica Poloniae». Текст у него, конечно, лишь простая перепечатка из Буксторфа, но польский перевод – свой, сделанный специалистом для издания с еврейского языка. Так как это издание у нас на юге является **обычным**, то желательно было бы, чтобы Вы о нём сказали хоть пару слов. Много чести Вы де-

лаете фантазиям Маркварта²⁷, считаясь с ними (хоть и не соглашаясь). Его сближение «Самкуш»=«Самкрш» [Самкерц. – *Авт.*] =«Таматарха», с притязаниями на **фонетичность**, прямо возмутительно: тюркологи, с к[ото]рыми он **мог бы** посоветоваться, могли бы ему указать, что по-тюркски «Тамар» (диал. «тама», в том числе у чувашей без «р») значит «пролив», «устье», и «тама-тарха[н]» (рус. «Тьмутар(а)кань»)²⁸ значит «тарханство при (Керченском) проливе» (срав. «Астрахань» = «Хадж-тархан»). Ясно, что в «Самкуш» надо лингвисту видеть нечто самостоятельное фонетически.

Для той моей работы, к[ото]рую я усердно веду вот уже три года, т. е. для работы над историей хазар до X в., хазарская переписка (даже в своём новом, критическом виде, к[ото]рый Вы ей придали), всё равно окажется неприемлемой. Вы правильно заметили, что апокрифичность многих её мест подрывает доверие и к тем её местам, к[ото]рые **могли бы** быть и неапокрифическими. Поэтому для Вас не будет странным услышать, что я **совершенно** устранию эту переписку из числа своих источников и считаю нужным опираться на писателей армянских, отчасти сирских, византийских, «Константинову хазарскую миссию», арабов и пр. Для меня совершенно ясно, что Хакан, приблиз[ительно] до 800 г., был подлинным государем, сам вёл войска в бой, лично производил завоевания, и что майордомская власть у хазар – это факт уже IX в., явившийся результатом, между прочим, тех внутренних волнений в Хазарии, о к[ото]рых упоминает и Константин Багрянородный. Я беру этот один пример, чтобы пояснить своё полное недоверие к тому памятнику, к[ото]рый меня желает уверить, будто и в VII в. уже Хакан был в распоряжении какого-то из «старших князей». Вы лично, правда, с чуткостью отметили, что указания на двоевластие, на «иглу», нельзя с уверенностью извлечь из точных слов письма; но ведь почти все, кто пользовался письмом Хакана как источником, нисколько **не сомневаются**, что в письме речь идет о двое-

властии в VII в. Такие несуразности – и в других пунктах.

Во всяком случае, бесконечно благодарю Вас за присылку Вашей ценной книги. Я её прочитал подряд три раза.

Всецело Ваш А. Крымский.

№ 9 (л. 12–12об.)

6.VIII. 1932. Звенигородка

Дорогой Павел Константинович!

Я получил Ваше заказное письмо, из к[ото]рого увидел, что моего письма (простого), отправленного Вам в 20-х числа июля, Вы не получили, или ещё не получили. В нём я от души благодарил Вас за присланную Вами «Хазарскую переписку», чтение к[ото]рой доставило мне много наслаждения. Нечасто, особенно теперь, приходится читать такие, прекрасно обработанные исследования. Ещё раз спасибо от всей души! Редко я так наслаждался.

Для моей работы последних лет, т. е. для истории хазар от их начала до X в., основательное проштудирование Вашего исследования и, особенно, **критически** изданных Вами **текстов** имело тот важный для меня результат, что я отныне *уже* без малейших колебаний устранию «Хазарскую переписку» из числа своих источников. Это апокрифическое произведение представляет собою, конечно, очень интересный материал для истории еврейского национализма и его чаяний, но для истории хазар, к[ото]рую мы знаем из произведений, современных существованию хазарского государства, переписка эта не только непригодна, но может лишь затмить ту совершенно ясную историческую картину, к[ото]рую мы знаем из надёжных источников.

Это я Вам и писал в своем незаказном письме. Прибавил также несколько «кислых» слов по адресу фантазёра Маркварта, именно по поводу его «фонетического» сближения имен «Таматарха» и «Самкуш» или «Самкрш». **Печатно**, правда, никто не указал ещё, что «Тамтарха» (Тьмутар(а)кань) значит по-тюркски «тарханство, лежащее у (Керченского) пролива», но думаю, что исследователю-ориенталисту, хотя

бы и не тюркологу, не грех было бы, пускаясь в этимологии неведомых ему восточных языков, предварительно навести справку у специалистов, с к[ото]рыми он, конечно, ежедневно встречался. К счастью, он не успел, кажется, написать своего этнографического исследования о народах Кавказа по арабским источникам, к[ото]рое он грозил издать.

Всего Ваш А. Крымский.

Примечания

¹ *Крымский А.Е.* Семитские языки // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз и Ф.И. Ефрон. Т. 29. Сахар – Семь мудрецов. СПб., 1900. С. 461.

² См.: История отечественного востоковедения с середины XIX до 1917 года. М., 1997; *Белова А.Г.* Семитское языкознание в России (XIX–XX вв.) // Восток. 2003. №3. С. 23–35; *Она же.* Семитское языкознание в России (XIX–XX вв.) // Восток. 2004. №3. С. 40–52; *Шифман И.Ш.* Основные этапы развития семитологии в России до 1917 г. / Подг. к изд., введ. и прим. А.Г. Грушевого // Письменные памятники Востока. 2007. №1(6). С. 246–265.

³ *Бартольд В.В.* Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Работы по истории востоковедения. Т. IX. М., 1977. С. 146.

⁴ Среди них выделим «Лекции по истории семитских языков, читанные в 1901–1902 акад. году», «Семитские языки вообще и арабский язык доклассический» (М., 1902), «Лекции по истории семитских языков, читанные в 1901–1902 акад. году. Классический арабский язык. С прилож. перевода двух глав из ибн-Акыля» (М., 1903) и особенно «Семитские языки и народы. Т. Нёльдеке в обработке А. Крымского (с участием П.К. Коковцова). Ч. 1» (М., 1903).

⁵ *Коковцов П.К.* Коковцов Павел Константинович // Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии Наук. Ч. 1. Пг., 1915. С. 326; *Пигулевская Н.В.* Памяти акад. П.К. Коковцова // Вестник Академии наук СССР. 1942. №4. С. 103–107; *она же.* Академик Павел Константинович Коковцов и его школа // Вестник Ленинградского университета. 1947. №5. С. 106–118; *Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов (1861–1942) в истории русского востоковедения // Известные страницы отече-

ственного востоковедения. Вып. III. М., 2008. С. 19–31 (Впервые данная статья была опубликована в Известиях Академии наук СССР. Отд. лит. и языка. 1944. Т. III. Вып. 6); Избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову. Из переписки выдающихся русских семитологов / Предисловие и публикация И.С. Смеловой, Е.О. Шухман // Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Вып. 1. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М., 2011. С. 33–69; *Орбели Р.Р.* Письма В.В. Стасова к П.К. Коковцову // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 199–207 и др.

⁶ *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973; *Он же.* Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). М., 1968; *Он же.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Долинская А.А.* Невольник долга. СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года; *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950; *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. *Смилянская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975; Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / Публ. И.М. Смилянской // Известные страницы отечественного востоковедения. М., 1997.

⁷ *Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов (1861–1942) в истории русского востоковедения // Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1957. С. 416.

⁸ *Райт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы / Пер. с англ. К.А. Тураевой, под ред. и с доп. проф. П.К. Коковцова. СПб., 1902. «Краткая история сирийской литературы» В. Райта была написана как энциклопедическая статья для Энциклопедии «Британика» (Encyclopaedia Britannica). В 1894 г. она была переиздана и стала учебным пособием для студентов. Вильям Райт (1830–1889) – автор популярной грамматики арабского языка (1859, 1875 гг.), профессор арабского языка в Лондонском университетском колледже (1855–1856 гг.), в колледже Свя-

той Троицы в Дублине (1856–1861 гг.) и в Кембриджском университете (1870–1889 гг.).

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 230.

¹⁰ Странник. 1904. Январь-июнь. С. 991.

¹¹ Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

¹² Крымский А.Ю. Історія хазарів з найдавніших часів до X віку. Ч. I // Хазарський альманах. Т. 7. Історія хазарів з найдавніших часів до X віку. Ч. I. Київ-Харків-Єрусалим, 2008.

¹³ Семитские языки и народы Теодора Нёльдеке в обработке А. Крымского (с участием академика П.К. Коковцова). Ч. [1]. М., 1903–1912. Ч. 2 (Семитские языки и народы. Очерки и обработка А. Крымского). М., 1910–1912.

¹⁴ Ташдид – надстрочный значок арабской письменности, отражающий удвоение согласной.

¹⁵ Типография О.О. Гербека в Чернышёвском переулке, 5, единственная, наряду с типографией ЛИВЯ, где в Москве 1890-х – 1900-х годов выпускалась арабографическая печатная продукция.

¹⁶ Noeldeke Th. Zur Charakteristik der Semiten // Noeldeke Th. Orientalische Skizzen. Berlin, 1892. S. 1–20.

¹⁷ Ренан, Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский писатель, историк и востоковед. Член Французской академии. Автор «Сравнительной истории семитических языков» (заглавие этой книги упомянуто Крымским в сокращении), переводов библейских текстов с комментариями и др. В его многотомных «Истории происхождения христианства» и «Истории израильского народа» (обе переведены на русский язык уже после его смерти, в 1902–1903 гг. в Киеве увидело свет «Собрание сочинений» Ренана в 12 томах), ключевые направления библейской критики демонстрируют солидарность с радикальными выводами Тюбингенской школы исторической экзегетики. В частности, в «Жизни Иисуса» (1-й т. «Истории происхождения христианства») Христос предстает не божеством, а идеализированным человеком – галилейским проповедником, что вызвало нападки клерикалов. Свои субъективистские социально-этические взгляды Ренан выразил в «Философских диалогах и фрагментах» и примыкающих к ним «философских драмах».

¹⁸ Нёльдеке, Теодор (1836–1930) – германский востоковед, филолог и историк. Экстраор-

динарный профессор, позднее – ординарный профессор восточных языков Кильского университета, затем профессор кафедры семитских языков Страсбургского университета. Составитель академических грамматик сирийского, мандейского и новоарамейского языков, автор фундаментальных трудов по языкознанию, исторической грамматике, религиоведению, истории, этнографии, литературы народов Западной Азии (ок. 700 работ по семитологии, арабистике, иранистике и тюркологии, как специализированных, так и научно-популярных). Библиистике посвящена сравнительно немногочисленная, но весьма значимая группа сочинений Нёльдеке [«Об амаликитянах и некоторых других соседних с израильянами народах», «Ветхозаветная литература, представленная в ряду извлечений», «Исследования по ветхозаветной критике», «Надпись царя Меши Моавского (IX в. до Р. Х.) с пояснениями»]; ещё одной сферой его интересов была реконструкция по имеющимся древнегреческим изводам еврейских оригиналов поздних книг ветхозаветного корпуса. Поныне сохраняет значение предложенная им хронология создания частей коранического текста (3 «мекканских» и 1 «мединский» период). «История Корана» (в 3 т.), созданная в тесном сотрудничестве с Ф. Швалли и завершённая уже после смерти Нёльдеке его учениками, остаётся базовым трудом для современного исламоведения, хотя многие её постулаты были впоследствии опровергнуты или устарели. Издатель ряда хроникальных и литературных памятников (перевод разделов по истории доисламского Ирана из «Летописи посланников и царей» ат-Табари с пространными комментариями). Член многих научных учреждений мира, в т.ч. член-корреспондент Российской императорской АН и почетный член АН СССР.

¹⁹ Велльхаузен, Юлиус (1844–1918) – один из наиболее влиятельных германских востоковедов конца XIX в., профессор Грейфсвальдского университета, получил известность как глубокий знаток ветхозаветных книг и эллинистического иудаизма («Исследование текста Книг пророка Самуила», «Фарисеи и саддукеи»). Он определил свой дальнейший путь в науке, выдвинув, под влиянием предшественников (И.К.В. Фатке, Э. Рейса, К.Г. Графа), свою гипотезу о происхождении «Моисеева закона» (впервые – в «Истории Израиля»). Рассматривая Тору с Книгой Иисуса Навина как «Шестикнижие», сложившееся в условиях «Вавилонского пленения» VI–V вв.

до н.э. и состоящее из 4 разновременных пластов («Элохист», «Яхвист», «Девтерономист», «Жреческий кодекс»), Велльхаузен отказался от призвания протестантского теолога. Перейдя на должность профессора восточных языков (в Галле, Марбурге, Гёттингене), он перенёс аргументацию, которую отшлифовал при «документальном» анализе Ветхого Завета, на раннеисламское предание («Мохаммед в Медине»). Немецкий исследователь наметил неоднородность в кораническом тексте и поднял вопрос о пережитках в мусульманской религии архаических верований номадов Аравии (его исламоведческие работы вошли в цикл «Эскизы и наброски», в т.ч. «Остатки арабского язычества», «Медина до ислама», «Введение в древнейшую историю ислама»). Разрабатывал он и тему генезиса Халифата («Арабская держава и её падение»).

²⁰ Дильманн, Христиан-Фридрих-Август (1823–1894) – видный германский востоковед и богослов, профессор Берлинского университета, специалист по библейской текстологии («О происхождении ветхозаветной религии», «О теологии как университетской дисциплине», «О летоисчислении израильтян до вавилонского пленения»), автор комментария к Моисееву Пятикнижию, Книгам Иисуса Навина и Иова и крупнейший знаток грамматики и лексикологии эфиопского языка (гыыз) и истории Эфиопии («О времени составления “Перипла Эритрейского моря”», «Эфиопская хрестоматия», «К истории Аксумской империи в IV–VI вв.»).

²¹ Штаде, Бернгард (1848–1906) – германский богослов-протестант, один из наиболее ярких представителей библейской критики школы Ю. Велльхаузена, специалист по Ветхому Завету. Профессор Гиссенского университета, теологический факультет которого превратил в один из центров немецкой семитологии. Автор ряда авторитетных трудов по гебраистике, в т.ч. «Истории народа Израилева» (в 2 т.; совместно с О. Гольцманом) и «О ветхозаветных представлениях о посмертном существовании», а также учебных пособий («Учебник древнееврейской грамматики» и «Древнееврейский словарь к Ветхому Завету» в 2 т.; совместно с К. Зигфридом). Редактор-издатель (с 1886 г.) «Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft» («Журнала ветхозаветных исследований»).

²² Кюнел, Авраам (1828–1891) – нидерландский богослов-реформатор, профессор теологии Лейденского университета, крупнейший, наряду с Й.Г. Шольтеном, представитель критиче-

ского направления в библейской текстологии; единомышленник Ю. Велльхаузена. Работал преимущественно над историей Пятикнижия Моисеева (книги Бытия, Исхода и Левит, в т.ч. по самаритянским версиям), оставил несколько фундаментальных трудов по религии древнего Израиля – «Историко-критическое разыскание о возникновении и собирании книг Ветхого Завета», «Богослужение Израиля до падения Иудейского государства», «Пророки и пророчество в Израиле», автор историософского памфлета «Национальные религии и религия универсальная».

²³ Масперо, Гастон Камиль (1846–1916) – французский египтолог. Член французской Академии надписей (1883 г.; с 1914 г. – учёный секретарь). Основатель Французского Института восточной археологии в Каире (1881 г.). В 1881–1886 и в 1899–1914 гг. – директор «Службы древностей» и Египетского музея. Открыватель множества прославленных памятников древнеегипетского искусства и литературы (погребения фараонов XVII–XXII династий в Дейр-эль-Бахари, «Тексты пирамид» на внутренних стенах пирамид V и VI династий в Саккара, гробницы в Дахшуре, Мейдуме, Саккара и т.д.). Инициатор расчистки и реставрации храмов Карнака и Луксора. Первый издатель Генерального каталога Каирского музея. Востоковед-универсалист и талантливый популяризатор, Масперо, на основе широкого круга известных к его времени источников, написал «Древнюю историю народов классического Востока» (т. 1–3, 1895–1899; русский перевод 1895 г. упоминается Крымским), в которой определял древневосточные общества как феодальные, хотя и признавал широкое применение труда рабов.

²⁴ Араб.: Альфийя – Поэма в тысячу стихов.

²⁵ Винклер, Гуго (1863–1913) – германский востоковед и библеист. Профессор восточных языков Берлинского университета. Впервые опубликовал такие уникальные источники по месопотамской истории, как дипломатическая переписка из архива Ахетатона, летописи Саргона II и законы Хаммурапи и др., участвовал в раскопках финикийского города Сидон, возглавлял археологическое обследование столицы хеттов – Хаттусаса, где открыл один из богатейших архивов клинописных текстов (свыше 10 тыс. глиняных табличек), на базе которого, первым обосновав принадлежность хеттского языка к индоевропейской языковой семье, составил пионерский очерк истории Хеттского

царства в XIII–XII веках до н.э. Основатель Германского переднеазиатского общества, идеолог панвавилонизма (концепции о центральной роли цивилизации Двуречья в древнем мире), главные принципы которого сформулировал в своих работах «Древневосточные исследования» и «Политическое развитие Вавилонии и Ассирии».

²⁶ Белёвский Август (1806–1876) – польский писатель (известен под псевдонимом Ян Плаза). Уроженец Восточной Галиции, выпускник Львовского университета, участвовал в восстании 1830 г. на австрийской территории, после освобождения провёл большую часть жизни во Львове, где возглавлял Народную библиотеку Оссолинских; с 1865 г. – член-корреспондент РАН по историко-филологическому отделению. Перевёл на польский «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Автор нескольких работ, посвящённых прошлому поляков («Мысли о славянской истории», «Критическое введение в историю Польши», «Генеалогия польских вождей и королей с 880 по 1195 г.»). Основатель и издатель первого польского исторического альманаха «Monumenta Poloniae Historica» (Крымский, очевидно, пишет о нём, не сверяясь с текстом).

²⁷ Маркварт Йозеф (1864–1930) – германский востоковед, специалист по истории и этнографии Западной и Центральной Азии. Доцент кафедры языков христианского Востока в Лейденском университете, затем профессор иранской и армянской филологии Берлинского университета. Известен также многочисленными работами в самых различных сферах ориенталистики – от семитологии до тюркологии. Его источниковедческая эрудиция и склонность к экстравагантным гипотезам, нередко вызывавшая критику коллег, отразились в таких трудах, как «Эраншахр согласно “Географии” псевдо-Мовсеса Хоренаци», «Нашествия и переселения в Восточной Европе и Восточной Азии», «Каталог провинциальных столиц Эраншахра».

²⁸ Тмутаракань – древнейший город Таманского полуострова, был расположен на территории станицы Тамань Краснодарского края. Это название носил, когда входил в состав Киевской Руси. Начиная с эпохи античности и до периода османского правления в различных источниках известны следующие названия – Гермонасса, Тумен-Тархан (Тумантархан), Таматарха (Та Матарха), Самкерц, Тмутаракань, Матарха (Матраха), Матрика, Матрега, Таман.

В.Г. Бухерт

К ИСТОРИИ ХАРБИНСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Одним из очагов русской культуры и науки в Харбине было созданное в 1922 г. Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК)¹, основанное в 1923 г. Харбинский музей («Музей Северной Маньчжурии»). В 1926 г. в состав ОИМК вошло Маньчжурское сельскохозяйственное общество (МСХО)², а в 1927 г. – харбинское Общество русских ориенталистов (ОРО)³. В 1931 г. ОИМК было преобразовано в Научно-исследовательский институт, продолжавший свою деятельность и в условиях оккупации Северо-Восточного Китая Японией.

20 августа 1945 г. Харбин был освобождён советскими войсками, а уже через месяц, 24 сентября 1945 г., сотрудники Харбинского научно-исследовательского института обратились к первому секретарю Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегову⁴ с докладной запиской, в которой сообщали, что озабочены вопросом о дальнейшей судьбе своего учреждения: «К китайцам переходить нам было бы крайне нежелательно, так как мы были под их управлением и знаем, что это означает. Кроме того, по справедливости, Институт и Музей учреждения русские, были и являются таковыми сейчас. В этом отношении мы достигли полного понимания и обещания поддержки со стороны русских военных и консульских кругов». Сотрудники обращались с просьбой «возбудить вопрос» о присоединении Харбинского научно-исследовательского института и Музея Северной Маньчжурии к Дальневосточному филиалу АН СССР, добавляя, что это является их «горячим желанием»⁵.

Е.М. Савицкий⁶, обследовавший, вместе с П.П. Кобеко⁷ в середине ноября 1945 г. Харбинский краеведческий музей, писал 26 февраля 1946 г. академику Н.Г. Бруевичу⁸: «На мой взгляд, Харбинский краеведческий музей, так же, как и нами не осмотрен-

ные Порт-Артурский и Дайренский музеи, не говоря уж о научной и материальной ценности экспонатов, в первую очередь следует рассматривать как своеобразные и удобные форпосты для закрепления советского политического и научного влияния в Маньчжурии и даже собственно Китае. Кроме того, при умелой постановке дела, эти музеи могут помочь более подробному изучению Маньчжурии нашими учёными и использованию разнообразных естественных богатств и вообще экономики края в желательном для СССР направлении»⁹.

Сведений о дальнейшей судьбе Харбинского научно-исследовательского института в Архиве Российской академии наук обнаружить не удалось.

№ 1

Историческая справка о деятельности Научно-исследовательского института и его Музея в гор. Харбине

Харбин. 12 сентября 1945 г.

Существующий ныне в гор. Харбине Научно-исследовательский институт и его Музей имеют, хотя и небольшую, но богатую событиями историю.

Мысль о создании в г. Харбине научного центра и музея возникла с первых же годов появления русских в Маньчжурии. Первая попытка создать музей была ещё в 1908 году. Возникли соответствующие общества, некоторые из коих одно время вели значительную работу. Параллельно работали отдельные краеведы-любители. Нельзя также не отметить работу некоторых органов Китайско-Восточной железной дороги, главным образом её Коммерческой части и Экономического бюро.

Но более систематическая работа началась после создания в г. Харбине в 1922 го-

ду Общества изучения Маньчжурского края. Инициативная группа целиком состояла из русских людей и собиралась, как вспоминает об этом член-учредитель Общества Э.Э. Анерт¹⁰, в помещении Московского народного банка. Всемерное содействие организации Общества оказывал тогдашний управляющий КВЖД инж[енер] Б.В. Остроумов¹¹ и другие руководители дороги.

Однако китайская администрация, боясь почему-то появления русского научного общества в крае, долго не давала разрешения на его открытие, а в конце концов поставила условием, чтобы председателем его был китаец, а в состав руководящего органа вошли ещё несколько человек китайской национальности. В результате такого давления общество открылось под председательством доктора Вана¹², тогдашнего председателя правления К[итайско-]В[осточной] жел[езной] дор[оги]. Однако основная масса членов Общества была русская. Так, по данным на 1928 год китайцы, включая почётных членов и председателя, составляли 4½ % общего числа членов. При этом никакой научной работы они не вели. Вице-председателем, а фактически председателем Общества был А.С. Мещерский¹³.

В следующем, 1923 году Общество основало Харбинский музей («Музей Северной Маньчжурии»), в котором опять-таки всю работу вели исключительно русские. Первым заведующим Музеем был Б.П. Яковлев¹⁴. Музей открылся одновременно с организованной по случаю 25-летия К[итайско-]В[осточной] жел[езной] дор[оги] «юбилейной выставкой», и значительная часть её экспонатов пошла на пополнение Музея. Надо при этом заметить, что участниками этой выставки, кроме железной дороги, были, главным образом, русские фирмы.

Помещение под Музей было отведено в так называемых «Московских торговых рядах». Здание это было при основании Харбина построено для крупных московских фирм, которые предполагали в Харбине открыть свои отделения. Но потом оно осталось в ведении К[итайско-]В[осточной]

жел[езной] дор[оги]. Дорога отвела часть этого здания под Музей бесплатно.

Работа общества велась и дальше почти без участия китайцев. В 1926 году с Обществом слилось Маньчжурское сельскохозяйственное общество, которое передало обществу 3 участка земли, на одном из коих был организован впоследствии Ботанический участок, а на другом опытное селекционное поле. Вслед за Сельскохозяйственным обществом слилось с Обществом изучения Маньчжурского края ещё Общество русских ориенталистов, одно из старейших научных обществ Маньчжурии.

Работа Общества велась по секциям. Читались доклады. Печатались издания трудов русских научных работников. Работала Сунгарийская речная биологическая станция.

Но всё это было прервано в 1928 году. Китайские власти в лице местного Департамента народного просвещения внезапно закрыли Общество, ссылаясь на приказ главноначальствующего Особого района восточных провинций Чжан Хуансяня.

Музей был передан Департаменту. Ботанический участок был закрыт. В здании участка была помещена начальная китайская школа, учащиеся которой поломали все насаждения и совершенно загрязнили участок. Также было закрыто и селекционное опытное поле.

Однако, ввиду полного отсутствия китайских научных работников, Департамент вынужден был вновь обратиться к тем русским научным силам, которые не бросили работать при Музее и занимались своим делом на добровольных началах. 1-го января 1931 года китайцы сделали новую уступку и создали Научно-исследовательский институт, в котором оставили себе директорский пост, канцелярию и хозяйственную часть, а всю научную часть передали русским. Институту подчинились Музей, остатки Ботанического участка и всё прочее имущество.

При китайской власти Институт существовал меньше года. Однако трудами русских членов Института были произведены раскопки в Кусянтуне и была проведена большая объединённая экспедиция в Восточную

Маньжурию, проработавшая 1½ месяца. В составе её было три отряда, руководили которыми Э.Э. Анерт (геологический), А.С. Лукашкин¹⁵ (зоо-ботанический) и В.В. Поносов¹⁶ (палео-этнологический).

В конце 1931 года произошёл японо-китайский конфликт, и в начале 1932 года Харбин был занят японцами. Русские служащие сохранили Музей в целости, хотя в течение ряда месяцев не получали жалованья.

Захватив власть в крае, японцы создали здесь марионеточное государство Маньчжоу-го, к которому перешли Институт и Музей.

Некоторое время Институт продолжал числиться при местном департаменте народного просвещения (Маньчжоу-го), а затем был передан в ведение Континентального научно-исследовательского института в Синьцзине (Чанчуне), в качестве его харбинского филиала (1937 г.). Директорами Института были японцы, сначала г. Фукушима (до начала 1945 г.), а затем зоолог г. Окугава. Хотя в число сотрудников Института были назначены некоторые японцы, но они часто менялись и мало что сделали для Института и местной науки. Музей всё время оставался в руках исключительно русских. Заведующим с 1931 до 1939 года был А.С. Лукашкин¹⁷, а затем была учреждена должность второго заведующего, и обязанности заведующих были возложены на В.В. Поносова и В.Н. Жернакова. По инициативе зоолога М.А. Фирсова¹⁸ была создана Зоологическая экспериментальная станция, которая, однако, существовала недолго и заглохла после его смерти.

Попыток восстановить Ботанический участок не делалось, и здание его было обращено в квартиру директора г. Фукушима.

Последние события и капитуляция Японии снова вернули Институт и его Музей в русские руки, так как японские сотрудники оставили свои посты, а несколько китайцев занимали в Институте лишь канцелярские должности, причём половина их тоже прекратила работу и на службу не является. Вместо ушедшего директора японца г. Окугава временно вступил старший после него

служащий, заведующий Музеем В.В. Поносов. Музей в дни сложения японцами оружия не пострадал, так как охранялся служащими Института и молодыми научными работниками-любителями. Пострадал лишь от толпы китайцев последнее время не функционировавший Ботанический участок, на котором вырублены деревья и уничтожен трудовой огород союза служащих Института.

Старейшие научные работники и служащие Института

В. Поносов
В. Жернаков
М. Никитин
Э. Анерт
А. Гуляев
Т. Гордеев

АРАН. Ф. 2 (Секретариат Президиума Российской академии наук). Оп. 1 (1945). Д. 371. Л. 30–34. Машинописная копия.

№ 2

Харбинский научно-исследовательский институт – Н.М. Пегову

Харбин. 24 сентября 1945 г.

Депутату Верховного Совета СССР
тов. Пегову, г. Владивосток

Более 20 лет в городе Харбине работает учреждение, которое, после ряда изменений, известно последние 15 лет под именем Научно-исследовательского института. Институт ставит своей задачей всестороннее изучение Маньжурии и, в силу этого, является учреждением не только нужным для науки вообще, но и с точки зрения освоения края в практическом отношении. С этой точки зрения он является прежде всего нужным для русского дела на Дальнем Востоке.

Институт является наследником Общества изучения Маньчжурского края, основанного русскими в гор. Харбине в 1922 году и закрытого китайскими властями в 1928 г. От Общества Институт получил в наследство

богатый Музей, ныне замечательно пополненный и систематизированный, и другое имущество.

В течение 15 лет Институт и Музей работали и пополнялись трудами почти исключительно русских. Общество изучения Маньчжурского края было русским по своему составу, а в сменившем его Институте, хотя и были китайцы, а впоследствии японцы, но первые занимали только канцелярские должности, а вторые хотя и приезжали с научными предположениями, но часто менялись и существенного влияния на исследование края не оказали. Персонал Музея всё время от самого его основания в 1923 году и по сей день обслуживается исключительно русскими научными силами.

Музей состоит из ряда отделов, в которых сосредоточено (по данным за февраль месяц сего года) 20342¹⁹ экспоната, в том числе:

- по экономике – 7393
- по геологии – 1615
- по археологии – 4943
- по ботанике – 952
- по этнографии – 2780
- по палеонтологии – 280
- по зоологии – 2380

Особенно богато представлены отделы по зоологии и этнографии. Музей пополняется сборами ежегодных экспедиций и экскурсий сотрудников Института, причём кроме выставочного материала накапливается ещё более обширный материал узко-научного характера, хранящийся в ящиках и обрабатываемый для научных печатных работ.

В силу препятствий всякого рода, чинимых японскими и китайскими администраторами, удалось только частично опубликовать приготовленный к печати материал. Много лежит подготовленного и полуподготовленного для издательства.

После капитуляции Японии Институт оказался опять всецело в руках русских. Японский директор отошёл от управления, и временно Институт возглавил старший из штатных научных исследователей археолог В.В. Поносов. Музей был взят под охрану служащих Института и молодёжи из органи-

зации исследователей-пржевальцев²⁰, благодаря чему Музей был сохранён в целостности и его не постигла ужасная судьба Чаньчуньского музея, начисто разграбленного китайской чернью. С 12-го сентября Музей передан в управление специального директора В.И. Кузьмина.

В первый день после капитуляции Японии (15 августа) в Институте оставались на местах русские служащие:

Научный персонал:

Замещавший временно директора Института,

научный исследователь, археолог и этнограф В.В. Поносов

Научный исследователь, экономист В.Н. Жернаков²¹

Научный исследователь, энтомолог М.И. Никитин

Советник, геолог

Э.Э. Анерт

Советник, почвовед и ботаник

Т.П. Гордеев²²

1) Техническо-научный и технический персонал:

Библиотекарь, в прошлом сотрудник биологического кабинета В.С. Стариков
Старший технич[еский]

сотрудник А.Н. Гуляев

Канцеляристка Л.И. Наполова

В период после капитуляции Японии в состав членов Института и Музея вошли:

Директор Музея В.И. Кузьмин
Врем[енно] завед[ующий] хозяйством А.Г. Малявкин²³

Лаборант В.С. Макаров

Работа Института не прерывалась, и сейчас имеются изыскательские предположения, к которым предполагается приступить в самом непродолжительном времени.

За долгую службу только трое из нашего состава получили звание «научного исследователя», в то время как приезжавшие японские сотрудники, почти не работая, получали последовательно ряд научных званий.

Но персонал Института озабочен вопросом о дальнейшей судьбе. К китайцам переходить нам было бы крайне нежелательно, так как мы были под их управлением и зна-

ем, что это означает. Кроме того, по справедливости, Институт и Музей учреждения русские, были и являются таковыми сейчас. В этом отношении мы достигли полного понимания и обещания поддержки со стороны русских военных и консульских кругов.

Нашим горячим желанием было бы присоединение нас к ведомству Академии наук СССР. Поэтому мы настоящим докладом обращаемся к Вам с просьбой возбудить вопрос о возможности присоединения нашего Института и Музея к Дальневосточному филиалу Академии наук СССР²⁴.

Если бы такой вопрос встретил Ваше и академических кругов одобрение, желательно было бы командировать к нам представителей для согласования ряда вопросов.

Старший член Совета Института	В.В. Поносов
Директор Музея	В.И. Кузьмин
Исследователь	В.Н. Жернаков
Исследователь	М. Никитин
Советник	Э. Анерт
Советник	Т. Гордеев
Научный сотрудник	А. Малявкин

*АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1945). Д. 371. Л. 2–5.
Машинопись, подписи – автограф*

№ 3

Е.М. Савицкий – Н.Г. Бруевичу

26 февраля 1946 г.

Для служебного пользования

Секретарю Академии наук СССР, академику Н.Г. Бруевичу

От старшего научного сотрудника
ИОНХ АН СССР Е.М. Савицкого

Докладная записка

Согласно Вашему распоряжению, переданному мне через референта секретариата Президиума АН СССР т. Антонова²⁵, сообщаю известные мне сведения о состоянии Харбинского краеведческого музея. Следует оговориться, что в задание Комиссии чл[ен-корр[еспондента] П.П. Кобеко обследо-

вание маньчжурских музеев не входило и, поэтому, в отчёте Комиссии этот раздел не фигурирует.

В середине ноября прошлого года, во время пребывания Комиссии в Харбине, перед отъездом в СССР, по просьбе начальника дороги генерала Журавлёва²⁶, мы вдвоём с П.П. Кобеко, в течение нескольких часов, осматривали Харбинский краеведческий музей.

Он был основан русскими и принадлежал железной дороге. Музей занимает довольно большое каменное двухэтажное здание и имеет много экспонатов, касающихся истории Китая, быта монголов и маньчжуров, полезных ископаемых Маньчжурии, образцов различных, типичных для края растений, чучел рыб, птиц, зверей и т. д. Кроме того Музей имеет небольшой (нами не осмотренный) заповедник и начинающий развёртываться научно-исследовательский отдел. Я не являюсь специалистом по музеям, но всё же беру на себя смелость утверждать, что многие экспонаты представляют большую научную и материальную ценность.

Более подробное описание этого Музея содержится в брошюре, находящейся у П.П. Кобеко. Правда, за период японского хозяйничанья в Маньчжурии Музей плохо пополнялся новыми экспонатами и в нём, например, слабо представлены образцы современной маньчжурской промышленности.

Кадры Музея в то время состояли из русских, подавших заявление о приёме в советское гражданство.

Результаты осмотра Музея были доложены зам[естителю] советского консула в Харбине (фамилию не помню) и генералу Журавлёву. Насколько я знаю, ввиду того, что дорога, по соображениям финансового порядка, не могла в то время принять этот Музей на свой бюджет, П.П. Кобеко и генерал Журавлёв обратились к президенту АН СССР, академику С.И. Вавилову²⁷ с телеграммой, в которой просили об оказании помощи Музею, особенно в части научного шефства. Какие изменения в состоянии Музея произошли за истекшие три месяца, мне неизвестно.

На мой взгляд, Харбинский краеведческий музей, так же, как и нами не осмотренные Порт-Артурский и Дайренский музеи, не говоря уж о научной и материальной ценности экспонатов, в первую очередь следует рассматривать как своеобразные и удобные форпосты для закрепления советского политического и научного влияния в Маньчжурии и даже собственно Китае. Кроме того, при умелой постановке дела, эти музеи могут помочь более подробному изучению Маньчжурии нашими учёными и использованию разнообразных естественных богатств и вообще экономики края в желательном для СССР направлении.

Необходимые организационные мероприятия, по-моему, следует проводить именно с учётом этих перспектив.

Е. Савицкий

АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 371. Л. 21–22об. Автограф.

Примечания

¹ О нём см.: Павловская М.А. Краткий очерк по истории Общества изучения Маньчжурского края. Г. Харбин (1922–1928) // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток, 1997, С. 121–125; Она же. Ориенталисты русского Харбина в первой трети XX в. (по материалам харбинской печати) // Россияне в азиатско-тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Владивосток, 24–26 сентября 1997 г. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 198–206.

² Маньчжурское сельскохозяйственное общество (МСХО) было основано в 1912 г.

³ О нём см.: Павловская М.А. История Общества русских ориенталистов (Харбин, 1909–1927 гг.) // Российские соотечественники в азиатско-тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября 2001 г. Владивосток, 2003. С. 60–8.

⁴ Пегов Николай Михайлович (1905–1991) – партийный, государственный деятель, дипломат, 1-й секретарь Приморского комитета ВКП(б)

(1939–1947), секретарь ЦК КПСС (1952–1953), секретарь Президиума Верховного Совета СССР (1953–1956), посол в Иране (1956–1963), Алжире (1964–1967), Индии (1967–1973), зам. министра иностранных дел СССР (1973–1975), зав. Отделом ЦК КПСС по работе с иностранными кадрами и выездам за границу (1975–1982).

⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 371. Л. 5.

⁶ Савицкий Евгений Михайлович (1912–1984), учёный, специалист в области металловедения, чл.-корр. АН СССР (с 1966 г.).

⁷ Кобеко Павел Павлович (1897–1954) – физик, чл.-корр. АН СССР (с 1943 г.).

⁸ Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) – учёный в области машиностроения, генерал-лейтенант инженерно-технической службы, академик АН СССР (с 1942 г.), академик-секретарь АН СССР (1942–1949).

⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 371. Л. 22об.

¹⁰ Анерт Эдуард Эдуардович (1865–1946) – горный инженер, геолог.

¹¹ Остроумов Борис Васильевич (1879–1944) – инженер путей сообщения, управляющий КВЖД (1921–1924).

¹² Ван Цзинчунь (?–?) – председатель Правления КВЖД.

¹³ Мещерский Андрей Стефанович (?–?) – ветеринарный врач КВЖД.

¹⁴ Яковлев Борис Павлович (1881–1949) – орнитолог, директор Музея Общества изучения Маньчжурского края (1923–1931).

¹⁵ Лукашкин Анатолий Стефанович (1901–1988) – орнитолог, зоолог.

¹⁶ Поносов Владимир Васильевич (1899–1975) – археолог.

¹⁷ «В конце 1931 и начале 1932 г. неск[олько] месяцев заведовал Музеем Г.Я. Маляревский» (прим. авторов текста). Маляревский Григорий Яковлевич (1866–1932) – экономист.

¹⁸ Фирсов Михаил Аркадьевич (1879–1941) – орнитолог.

¹⁹ Так в тексте, при подсчёте нижеуказанных цифр получается другой итог – 20343.

²⁰ Имеется в виду Национальная организация исследователей-пржевальцев (НОИП), образованная в Харбине 1934 г. на основе созданного в 1929 г. Клуба им. Н.М. Пржевальского.

²¹ Жернаков Владимир Николаевич (1909–1977) – экономист.

²² Гордеев Тарас Петрович (1875–1967) – ботаник, почвовед.

²³ Малявкин Анатолий Гаврилович (1917–1994) – историк-востоковед.

²⁴ Дальневосточный филиал АН СССР был организован в 1932 во Владивостоке по инициативе академика В.Л. Комарова

²⁵ Антонов Сергей Николаевич (1910–?) – физиолог, референт-консультант Секретариата Президиума АН СССР (с 1945 г.).

²⁶ Имеется в виду управляющий Китайско-Чанчуньской железной дороги генерал-директор движения 3-го ранга А.Ф. Журавлёв.

²⁷ Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) – физик, академик (с 1932 г.), президент (с 1945 г.) АН СССР.

В.В. Беляков

ГЕНЕРАЛ НАГИБ О НИЗЛОЖЕНИИ КОРОЛЯ ФАРУКА

Революция в Египте 23 июля 1952 года описана неоднократно – и в самом Египте, и за его пределами. Но рассказ генерала Мухаммеда Нагиба¹ об этом событии, несомненно, заслуживает внимания. Прежде всего потому, что генерал Нагиб был активным, хотя и не главным, участником переворота. Кроме того, его рассказ был опубликован в американском журнале «Лайф» в номере от 25 августа того же 1952 года – всего через месяц после описываемых событий.

Есть в тексте и интересные детали. Например, о том, что среди руководства «Свободных офицеров» не было никого выше подполковника, а офицеры этого ранга не имели чести быть знакомыми с иностранными дипломатами. Правда, рассказчик умалчивает о том, знал ли он сам иностранных дипломатов. По-видимому, знал, учитывая, какой пост он занимал – командующего сухопутными войсками. Но генерал Нагиб не был членом руководства «Свободных офицеров», так что к нему не обращались с просьбой информировать дипломатические миссии. Войти в контакт с иностранным дипломатом удалось, по существу, случайно: один из офицеров был знаком с помощником авиационного атташе посольства США.

Провожал теперь уже бывшего короля только один дипломат – представлявший дипкорпус посол США. Опять случайно? Вряд ли. И само интервью генерала Нагиба было опубликовано в американском журнале.

* * *

Семена нашей борьбы за свободу были посеяны много-много лет тому назад. Но только сейчас, после длительного ожидания, они дали свои плоды.

Нас была горстка людей с сердцами, полными веры. Мы испытывали жгучий стыд, унижение после палестинской кампа-

нии. Мы, солдаты нашей страны, откликнулись на зов по ту сторону Синайской пустыни. Будучи патриотами своей родины, мы двинулись, чтобы отразить врага, угрожавшего нашим восточным границам за Суэцем. И тогда, сражаясь в жгучих песках пустыни, мы узнали, что враг не только маячил в темноте впереди нас, но что он окопался также в городах за нашей спиной, – мы узнали о предателях, в жилах которых текла наша кровь. Нашим войскам поставлялось вооружение, но без необходимых частей. Боеприпасы, поступавшие, в конце концов, на пункты боепитания, оказывались непригодными. Медикаменты для наших раненых – а их было много – доходили до нас в ничтожных количествах. Многие виды вооружения, в которых крайне нуждались наши солдаты, так и не прибыли. Поистине, мы были окружены. Опасения, которые мы лишь смутно испытывали, сидя в мирных казармах до начала кампании, стали реальностью. Теперь мы наверняка знали, что люди, которые руководили нашими действиями в палестинской кампании, продали себя, своих соотечественников и даже своих сыновей дьяволу.

Подлость, которую они в себе вынашивали, их собственные грехи подталкивали их на ещё большую измену своей стране. Однако именно тогда впервые возникли также небольшие группы офицеров, объединившихся с целью бросить вызов предателям, – группы египтян, решивших отомстить за погибших товарищей и вырвать своё отечество из лап тех, кто без зазрения совести торговал своей честью и жизнью своих соотечественников.

Нам было больно осознавать, что нашей стране суждено быть втоптанной в грязь. Мы решили посвятить свою жизнь восставлению её достоинства. Однако даже тогда мы пытались кое-что изменить, прежде

чем приступили к действиям. Мы распространяли брошюры, в которых рассказывали народу о том, какой неприглядной стала наша история. Мы пытались наставить короля на путь разума. Однако тиран, имея в руках власть и причинив уже столько зла, которое подталкивало его на дальнейшие злодеяния, пытался затушить пламя. Руководимые им подлые силы продолжали вершить несправедливые деяния. Они боролись против добра, защищали пороки, и в результате правление Фарука² стало символом взяточничества, коррупции и разврата. Они полностью подорвали репутацию Египта, из-за них наша страна стала известна как часть мира, которая недостойна быть независимой и не может вести чистую жизнь.

Однако наш негромкий голос продолжал призывать к защите страны. Мы верили, что у нас достаточно сил для того, чтобы нанести поражение силам зла. Однако тиран был глух и слеп. Он пренебрёг этими предостережениями и назвал тех, от кого они исходили, «детьми».

Затем произошло одно незначительное событие. Состоялись выборы в генеральный комитет клуба египетских офицеров. Король попытался проявить свою власть даже в этой сфере. Его кандидат генерал-майор Хусейн Сирри Амер был человеком, которого многие считали недостойным носить нашу военную форму. Его имя неоднократно упоминали в связи с торговлей наркотиками и с незаконной распродажей государственных земель. Многие офицеры подозревали, что он замешан в скандальной истории с закупкой негодного вооружения (для египетской армии. – В.Б.) во время палестинской войны.

Мы отклонили его... и король был потрясён. Его гордость была уязвлена тем, что в Египте ещё существует группа людей, не повинующихся ему. В ответ Фарук расставил ловушку этим военным и решил уничтожить их. Он приказал общему собранию членов офицерского клуба изменить устав клуба с тем, чтобы он мог навязать свою волю. Однако он потерпел новое поражение и потерял всякое самообладание. Он уготовил

гибель всем, кто выступал против него. Движимый ненавистью, он распустил законно и справедливо избранный генеральный комитет офицерского клуба. Это также было незначительное событие, но теперь это было началом конца.

Мы, солдаты Египта, обратили свои взоры к небесам. Мы просили Аллаха наставить нас на правильный путь. Мы подготовились к великим деяниям. Затем мы вновь обратили свои взоры к Аллаху и спросили: «Когда же наступит наш день борьбы, день освобождения, день, когда ты, Аллах, защитишь нас?»

Каждый день мы продолжали нести службу в наших частях. Однако вечера мы проводили иначе. Небольшие группы офицеров собирались вместе для того, чтобы решить вопрос о том, какую роль будет играть каждый из них, когда Аллах подаст знак.

Наш план был простым и несложным, но вместе с тем эффективным и решительным. Были предусмотрены все меры для того, чтобы предупредить действия, которые мог предпринять тиран. Мы были готовы к тому, когда он попытается снова навязать свою нелепую эгоистичную волю в ущерб лучшим интересам нашей страны. Мы дали клятву, что мы освободим страну от тирании, унижений и бесчестия или умрём.

Мы называли себя «Дуббат аль-Ахрар», что значит «Офицеры свободы». За исключением меня самого, среди нас не было ни одного человека со званием выше подполковника. Большинство были младшими офицерами. Ни один из нас не был связан с какой-либо политической партией или религиозной организацией, вроде «Мусульманского братства». Планы переворота обсуждались со мной и затем передавались в руки 9 офицеров, образовавших Центральный комитет. Даже я не знал, кто были эти девять офицеров, хотя позднее, когда мне предложили стать главнокомандующим вооружёнными силами, я узнал, что офицер, поддерживавший со мной связь, входит в состав Центрального комитета. Таким образом, в то время, когда щупальца тирана проникали везде, была обеспечена максимальная сек-

ретность. Однако в то время мы не давали клятвы сохранять тайну, которая защищала бы нас и предохранила бы наши планы. Мы полагались на честь и моральное достоинство каждого из участвовавших офицеров.

По мере того, как движение расширялось, мы тщательно проверяли каждого человека, прежде чем облечь его своим полным доверием. И у нас, как во всех странах и во всех армиях, имелись люди, на которых нельзя было полагаться до тех пор, пока мы не внушили им уверенность в победе. Даже о вашей американской революции 1776 года писали, что только одна третья часть населения американских колоний пошла на риск вооружённого восстания.

С солдатами мы поддерживали только косвенный контакт.

Мы направляли наши усилия на то, чтобы воодушевить каждого солдата, подготовив его морально к тому дню, когда он сможет помочь сокрушить тирана, который душил армию и страну.

Конкретный план освобождения, разработанный Центральным комитетом, предусматривал участие небольшого числа людей, поскольку, в отличие от подлинного сражения, нам не противостоял настоящий враг. Нужно было только захватить ключевые пункты в расположениях армии, затем заменить высокопоставленных офицеров, симпатии которых вызывали подозрение, тщательно подобранными людьми.

Одновременно с этим необходимо было изолировать другие пункты в пределах Каира, чтобы защитить наши фланги. К этому времени уже были созданы во всех родах войск местные комитеты из офицеров, в силу необходимости малочисленные по своему составу. В этих комитетах были представители всех родов войск – артиллерии, бронетанковых частей, пехоты, а также авиации и военно-морских сил. Все ожидали сигнала, всё было подготовлено.

Кризис ускорил переворот

Затем страну потрясли сразу два правительственных кризиса подряд. Король пред-

ложил Хусейну Сирри (бывшему паше, так как все подобные титулы сейчас отменены), известному в Египте как одному из умеренных деятелей, стать премьер-министром и сформировать правительство. Это произошло 2 июля. Зная, возможно, о привязанности ко мне некоторых людей в армии, в особенности ветеранов палестинской войны, Сирри попросил короля назначить меня военным министром. Однако престол отклонил мою кандидатуру. Хусейн Сирри отказался принять предложенный ему высокий пост, и 21 июля его правительство пало.

В этот же день король предложил Ахмеду Нагибу аль-Хилали (бывшему паше) стать премьер-министром и сформировать правительство. Возможно, знамение времени был тот факт, что военным и военноморским министром был назначен шурина короля Фарука – гражданский деятель Исмаил Ширин, которого навязали армии, присвоив ему чин полковника. По мнению членов Центрального комитета, это было не только знамение времени, но и знаком свыше.

Центральный комитет разослал приказы всем группам «офицеров свободы» в вооружённых силах Египта. Выступление было намечено на 1.30 ночи 24 июля. Затем, в связи с тем, что по всему Египту уже в течение 3-4 дней циркулировали слухи о волнениях в армии, было решено начать выступление на целый день раньше – в 1.30 ночи 23 июля. Нами, без сомнения, руководил Аллах.

Генеральный план начал осуществляться. Подобно своим предкам из пустыни, молодые египетские офицеры стали действовать бесшумно и умело. Они по одиночке начали прибывать в свои лагеря, имея приказ быть наготове и занять позиции к 23.30 22 июля.

В 23.00 22 июля Центральному комитету внезапно сообщили, что есть достаточные основания полагать, что наш план раскрыт. Один молодой офицер, покидая свою квартиру, был замечен двумя людьми, в симпатиях которых он сомневался. Они на мгновение остановили его и увидели, что он воо-

ружён. Он был уверен, что, будучи взволнован, не сумел небрежно ответить на их ничего не значащие вопросы. И он был прав. Как раз в тот момент доносчики устанавливали связь с генерал-лейтенантом Хусейном Фаризом – начальником генерального штаба египетской армии.

Однако офицеры из Центрального комитета были уверены в своём плане и полагались на Аллаха. Они выжидали. Час выступления приближался. Небольшие группы офицеров, находившиеся под их командованием, расходились по всему Каиру. Они также ждали.

В генеральном плане Каир был разбит на четыре сектора. В каждый сектор Центральный комитет выделил по одной группе, состоявшей из четырёх офицеров и двух солдат. Каждой группе был придан один «виллис» и одна тяжёлая закрытая автомашина. В плане в качестве первой цели намечалось обезглавить командование войсками, в особенности бронетанковыми частями. В задачу каждой группы входил арест заранее намеченных офицеров в своём секторе. Число этих высокопоставленных офицеров в среднем в каждом секторе доходило до 8-10 человек. Приблизившись к дому каждого из этих офицеров, два «офицера свободы», выделенные Центральным комитетом, должны были войти и произвести арест, в то время как два других офицера и солдаты оставались внизу, чтобы прикрывать операцию с улицы. Каждого арестованного офицера должны были держать под охраной в закрытой автомашине до тех пор, пока в данном секторе не арестуют всех намеченных офицеров. После проведения операции по очистке каждого сектора арестованных офицеров предполагалось поместить в казармах военного училища и держать там до завершения всей операции. Когда пришёл час выступления, эти планы были блестяще претворены в жизнь.

К моменту выступления другие части двигались уже по всему Каиру. Первый этап операции был в разгаре. Заслоны из специально отобранных войск окружили все армейские казармы. Их поддерживали броне-

машины, связанные между собой по радио. Необходимо было перехватить всех офицеров и не дать им явиться в свои части, где они могли бы отдать приказ. Сами солдаты не знали, что приказы, которые они получали и выполняли, отдавали «офицеры свободы» и что тем самым они участвуют в перевороте.

Египетская правительственная радиостанция, Центральная телефонная станция, каирский железнодорожный вокзал и генеральный штаб египетской армии были заняты пехотой, действовавшей при поддержке бронеавтомобилей. Для охраны стратегических пунктов в городе и для демонстрации силы были вызваны танки. Не предполагалось, что будет оказано сопротивление. Однако демонстрация силы и поддержка со стороны бронетанковых частей казались правильным шагом, имевшим целью предотвратить возможные неприятности.

Каирские аэродромы были окружены пехотой, так же действовавшей при поддержке бронеавтомобилей. Они просто закрыли все входы, чтобы помешать нежелательным лицам проникнуть на аэродромы. Никаких инцидентов не произошло, и в 10.00 23 июля войска, патрулировавшие аэродромы, были отведены.

Большая удача

К тому времени нам впервые по-настоящему повезло. Начальник генерального штаба египетской армии генерал-лейтенант Хусейн Фариз, получив информацию от доносчиков, приказал командующему бронетанковым корпусом бригадному генералу Хасану Хикмету расследовать наличие волнений среди солдат, находившихся под его командованием. Вместо того чтобы позвонить по телефону или дать сигнал тревоги, начальник генерального штаба сыграл нам на руку. Хикмет был схвачен сразу же, как только приблизился к казармам, где находились его части, и затем заключён в армейской столовой. Командующий гарнизоном Каира генерал-майор Али Нагиб – мой брат

– был арестован таким же образом. Начальник штаба был арестован в здании генерального штаба после того, как было сломлено незначительное сопротивление часовых. Два человека были легко ранены. При захвате Каира, кроме этого, не было произведено ни одного выстрела.

Один инцидент во время первого этапа операции создал значительную проблему для офицеров Центрального комитета, как только они узнали, что их план приведён в действие. Они хотели уведомить иностранные миссии в Каире, что нет никаких причин для беспокойства и что эта операция представляла собой давно уже назревшие мероприятия по наведению порядка египетскими вооружёнными силами. Однако, поскольку все они имели сравнительно низкие офицерские звания, никто из них не поддерживал непосредственной связи с каким-либо иностранцем. Затем один офицер вспомнил, что он знает американца, с которым встречался в обществе некоторое время назад. Таким образом, помощник авиационного атташе американского посольства подполковник Дэвид Эванс был первым иностранцем, которого Центральный комитет уведомил о перевороте.

Было известно, что американский посол Джефферсон Кеффери находился в летней столице Египта – Александрии. Будь он в Каире, хотя никто из нас и не знал его, мы бы известили его лично, чтобы успокоить его, ибо он является одним из тех людей, которые с душой относились к своей работе в Египте, и, по моему мнению, проявил себя лучшим американским послом, который когда-либо был у нас.

Запоздалый телефонный звонок

В четыре часа утра 23 июля произошел скорей забавный, чем серьёзный инцидент. Офицеры из Центрального комитета позвонили мне на квартиру. Они попросили, чтобы я стал главнокомандующим вооружёнными силами Египта. Я только успел принять это приглашение, как телефон зазвонил снова. Меня вызывал из Александрии Мор-

тада эль-Мараги, министр внутренних дел в правительстве Ахмеда Хилали. Он сказал мне, что получил сообщения о странных событиях в Каире, и попросил меня выяснить, не кроется ли за этим что-нибудь серьёзное, и затем в случае необходимости сообщить. Я ответил ему: «Есть, будет сделано» и затем вышел из помещения, чтобы взять на себя руководство переворотом. Действительно, казалось пустой тратой денег звонить ему по телефону, так как правительство Хилали-паши пало в тот же день.

В 7.20 утра 23 июля стало ясно, что операция увенчалась успехом. Каир оказался полностью в руках «офицеров свободы».

Всё было спокойно. Поэтому от моего имени египетская правительственная радиостанция сообщила населению о перевороте, предупредив всех смутьянов, что мои войска получили приказ расстреливать на месте всякого, кто попытается грабить или вызывать беспорядки, а также заверила иностранцев, проживающих в Каире, что им гарантирована безопасность.

Чтобы нас не могли неправильно понять, мы приказали военно-воздушным силам осуществлять постоянную разведку над Каиром, начиная с рассвета этого дня. Все дороги в город из пустыни и из дельты Нила находились под постоянным наблюдением. Шесть тяжелых бомбардировщиков кружили в небе. Реактивные истребители с воем пронеслись над минаретами.

Самолёты, так же, как и танки, были использованы для демонстрации силы. Однако и танки, и самолёты были вооружены и имели боезапас. Первый этап операции был завершён.

Немедленно началось осуществление второго этапа. Королю был передан перечень требований. Самым важным было требование назначить премьер-министром Али Махера (бывшего пашу), ибо только он один, по-видимому, был способен провести чистку правительственного аппарата. Был отдан также приказ произвести чистку руководства армии, сохранить и применять на деле конституцию и ликвидировать окружение двора.

Никогда ещё дворец не откликался так быстро на требования армии. Правительство Ахмеда Хилали пало днём 24 июля, не пробив у власти и 24 часов. Али Махеру было предложено занять пост премьер-министра. Мы впервые тогда убедились в том, что сила тирана была сломлена. Поздно ночью 23 июля и на рассвете 24 июля Центральный комитет и я решили предпринять окончательную попытку избавить Египет от всех зол путём ликвидации их источника.

Мы решили идти на Александрию и свергнуть Фарука с престола.

К семи утра 25 июля офицер, ведавший планами и операциями Центрального комитета, уже был в Александрии и разведывал местность в порядке подготовки к осаде.

Тогда ещё не было известно, в котором из двух королевских дворцов – в Мунтазе или в Рас-эт-Тине – находился король Фарук. Была учтена даже возможность, что он находится в королевском отделении госпиталя Фуада (куда он иногда удалялся, чтобы поразвлечься). Он оказался во дворце Рас-эт-Тин. Однако для того, чтобы в последний момент не допустить промаха, были разработаны планы окружения обоих дворцов.

Начался третий этап операции. В полночь я вылетел в Александрию. Али Махер уже принес присягу в качестве премьер-министра. Мои войска непрерывным потоком по железной дороге и по шоссе прибывали в Александрию из Каира. Гарнизон Александрии был на нашей стороне. Не было никакого саботажа и никаких помех. Выступление было намечено на вторую половину дня 25 июля, однако некоторые войсковые части задержались на дороге из Каира, проходящей по пустыне, и поэтому выступление было перенесено на 7.30 утра 26 июля. В течение ночи с 25 на 26 июля два офицера из Центрального комитета составили окончательный ультиматум Фаруку. Его предполагалось вручить Фаруку на следующее утро, после того, как мои войска окружают дворец.

К часу выступления, в субботу 26 июля, мои войска уже заняли позиции около дворцов Мунтаза и Рас-эт-Тин. Как сообщил наш офицер, Фарук находился в Рас-эт-Тине. По-

рядок операции должен был быть следующим: танки должны были начать штурм дворца при поддержке пехоты и артиллерии. Таковы были наши планы, и они были бы выполнены, если бы не одна маленькая ошибка, оказавшаяся счастливой.

Один из офицеров неправильно истолковал полученный им приказ. Он повёл своих пехотинцев перед танками. Более того, он приказал своим солдатам рассыпаться в цепь и продвигаться вперёд. Какая счастливая это была ошибка! Он уже почти достиг той части дворца, где находился гарем, когда дворцовая охрана на пулемётной огневой точке увидела наступающих солдат. В панике они дали несколько выстрелов, возможно, случайных, по офицеру и солдатам, которые, подобно змеям, зарылись в песок. В течение следующих нескольких минут пули свистели сквозь окна дворца. Только когда офицер, наконец, встал во весь рост перед своими солдатами с распростёртыми руками, ему удалось остановить стрельбу. Это, должно быть, было потрясающее зрелище! Вновь было оказано только символическое сопротивление. Шесть легко раненых с их стороны, двое с нашей. Однако, что более важно, этот случай не оставил у Фарука никаких сомнений относительно характера нашего раннего визита.

Мой командный пост в это последнее утро находился в летней штаб-квартире генерального штаба, в казармах «Мустафы-паши». Мы поддерживали постоянную связь по радио и телефону с войсками. С момента выступления в 7.30 все контакты на Центральной телефонной станции были выключены и, таким образом, без нашего ведома из дворца не могли звонить по телефону.

Премьер-министр Али Махер должен был вручить наш ультиматум в 9.00. Полноточасовой промежуток времени мы оставили намеренно, так как считали, что с психологической точки зрения будет полезно оставить Фаруку время для размышления.

Над обоими дворцами непрерывно проносились реактивные истребители «Глостер метеор» и «Де Хэвилленд Вампир», которые были вооружены 20-миллиметровыми пуш-

ками и ракетами. Немного выше летели 4-моторные бомбардировщики с грузом фугасных бомб. Всё время по радио поддерживалась связь между землёй и воздухом. Мы считали, что Фарук, возможно, попытается бежать морем или через пустыню в Ливию. На случай, если бы он попытался ускользнуть на самолёте, наготове поддерживался другой отряд истребителей «Хаукер фьюри», которые должны были перехватить его. Фарук остался в своём дворце.

В 9.00 утра я явился в официальную резиденцию премьер-министра, находящуюся в Булькеле – одном из кварталов Александрии, чтобы передать ему ультиматум для вручения королю. Али Махер направился во дворец Рас-эт-Тин и был немедленно принят.

Это было 26 июля в 9.15. Я вернулся на свой командный пункт, чтобы ждать ответа от премьер-министра. Он позвонил в 11.00. Король принял и подписал ультиматум, предъявленный «офицерами свободы», в котором были выдвинуты следующие требования:

1) чтобы Фарук отрекся от египетского престола в 12.00 26 июля и 2) чтобы он в тот же вечер, в 18.00 навсегда покинул Египет. Я немедленно направился в резиденцию премьер-министра, чтобы проверить правильность подписи и факт принятия ультиматума. Подпись была правильной и действительной.

С Фаруком – тираном Египта – было покончено.

Перед самым возвращением в правительственную резиденцию с ультиматумом премьер-министр Али Махер находился вместе с Фаруком во дворце Рас-эт-Тин. На улицах произошел удивительный эпизод. Молодой американец Роберт Симпсон – помощник посла Кеффери – пытался проехать в своём автомобиле через заслоны, выставленные мною вокруг дворца. Он был полон решимости. Я приказал, чтобы ему разрешили проехать. Мы знали, что он сразу же пошёл во дворец, Фарук уже, очевидно, был конченным человеком. Фарук и Али Махер сидели рядом. Фарук обратился к американцу и сказал: «Входите, входите. За всю свою жизнь я никогда не был так рад видеть кого-

либо. У нас немного времени. Я хочу, чтобы вы сказали послу две вещи».

Время шло, Али Махер сидел и молчал. Он знал, что наш срок в 12 часов дня был окончательным.

Фарук продолжал: «Спросите его, захочет ли он сделать всё возможное, чтобы спасти мою жизнь. Если да, то не придёт ли он попрощаться».

Затем американец ушёл, и премьер-министр Али Махер вернулся в свою резиденцию, чтобы подготовить документы об отречении.

Как это ни странно, если вспомнить о том, как мы относились к вам, американцам, когда многие ваши граждане посылали оружие и деньги Израилю, сейчас как король, так и «офицеры свободы» обратились прежде всего к вам.

Салют трону

Поскольку Фарук до 12 часов дня 26 июля оставался ещё королём Египта, мы решили оказать ему все почести во время отъезда – не из уважения к нему лично, а из уважения к трону. В 17 часов 35 минут 26 июля Фарук отослал королеву Нариман, трёх дочерей и младенца короля Фуада II на королевскую яхту «Махрусса». Фарук остался во дворце Рас-эт-Тин, чтобы провести там последние минуты в Египте. Вместе с ним находились премьер-министр Али Махер, принцесса Файза и её муж Али Рауф, принцесса Февзие и её муж Исмаил Ширин, американский посол Джефферсон Кеффери, представлявший все иностранные миссии в Египте, и его помощник Роберт Симпсон. В этот момент мы не пытались ввести офицеров в личные апартаменты короля,

Фарук попрощался со своими сёстрами, ещё находясь во дворце. Затем он вместе с Али Махером, Кеффери, Исмаилом Ширин и Симпсоном направился к лифту, спустился на первый этаж, вышел из дворца и направился на королевскую пристань, где Фарука ожидал катер, который должен был перевезти его на королевскую яхту «Махрусса». Был отдан салют королевским фла-

гом, и королевский оркестр исполнил наш национальный гимн в тот момент, когда король вошёл на пристань. Следуя принятой в Египте манере, преданные слуги трона подняли оглушительный вой и стенания. В это время 21 орудие дало залп – прощальный салют королю.

Мои офицеры отдавали честь Фаруку в тот момент, когда он медленно проходил мимо них по пристани. Наконец, оставшись один, он встал у края пристани, одетый в блестящую белую форму адмирала Египта.

Находясь там, он, казалось, не проявлял никаких чувств. Его взгляд был устремлён на ручные часы. Ровно в 18.00 он поднял голову, вошёл на катер и был перевезён на яхту «Махрусса». В 18 ч. 04 м. я прибыл во дворец Рас-эт-Тин. Была подготовлена моторная лодка для того, чтобы доставить меня на королевскую яхту. Там я попрощался с Фаруком.

Российский государственный архив социально-политической истории.

Фонд 495. Опись 210. Дело 23. Л. 67–79.

Примечания

¹ Нагиб, Мухаммед (1901–1984) – египетский военный и государственный деятель. Член организации «Свободные офицеры» с 1949 г. С 7 сентября 1952 г. – премьер-министр, с 18 июня 1953 г. – президент Египта. 14 ноября 1954 г. был уволен организацией «Свободные офицеры» со своего поста и посажен под домашний арест.

² Фарук I (1920–1965) – король Египта и Судана в 1936–1952 годах.

НАШИ АВТОРЫ

АБИДУЛИН Алим Маратович – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: abidulinam@gmail.com

АНАЙБАН Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: anayban@mail.ru

БЕККИН Ринат Ирикович – доктор экономических наук, профессор РАН, профессор Института востоковедения РРПУ им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: bekkin@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: valeev200655@mail.ru

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна – кандидат педагогических наук, доцент Казанского инновационного университета им. В.Г. Темирясова. E-mail: valroz@mail.ru

ВАСИЛЮК Оксана Дмитриевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины. E-mail: o_vasylyuk@yahoo.com

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КИРИЛЛИНА Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: s.kirillina@gmail.com

КОРАЕВ Тимур Казбекович – кандидат исторических наук, доцент ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: timur-koraev@mail.ru

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

КУРНИКОВА Оксана Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: lineroxana@inbox.ru

МЕЙЕР Михаил Серафимович – доктор исторических наук, профессор, президент ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mihailmeyer@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ЦВИЖБА Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: laratas@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de